

Л.И. АМИРХАНОВ
**МОРСКАЯ КРЕПОСТЬ
ИМПЕРАТОРА
ПЕТРА ВЕЛИКОГО**

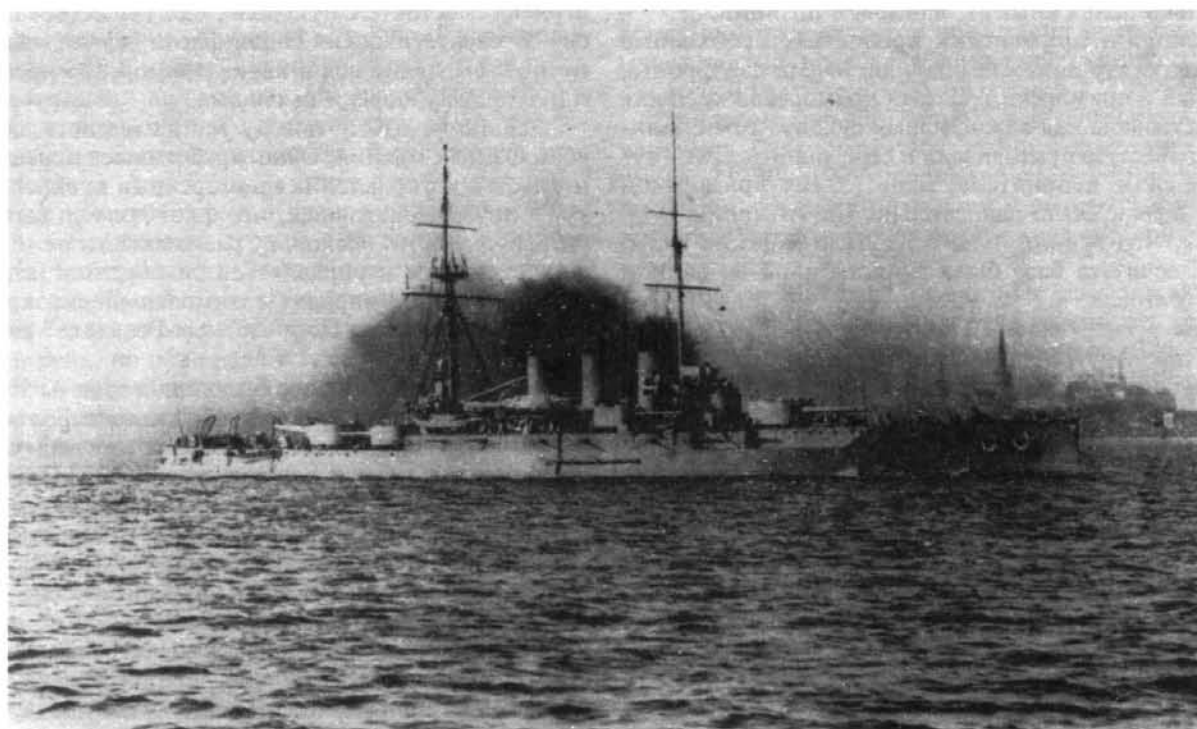

**300 лет
Российскому флоту**

Л.И. Амирханов

Морская крепость Императора Петра Великого

Морской
Региональный Центр
Издательство "Иванов и Лещинский"
Санкт-Петербург
1995

4 октября 1917 года старший лейтенант Николай Бартнев взорвал знаменитую 305-мм батарею на мысе Церель, воспетую В.Пикулем в романе "Моонзунд". Это все, что мог сделать один патриот среди дезорганизованной и деморализованной толпы. Именно такой толпой стали еще недавно доблестные артиллеристы этой батареи, входившей под № 43 в состав морской крепости Императора Петра Великого.

В.Пикунь ни словом не упоминает о крепости, а она, несмотря на свою короткую историю, заслуживает того, чтобы о ней рассказали.

Вступление

На протяжении многих веков истории крепостей к началу XX века сложилась их основная схема, состоявшая из центральной части и периферийной. Центр был защищен крепостной стеной, а периферию составляли вынесенные вперед форты, батареи, а также промежуточные между ними. Периферия являлась передовой позицией, а крепостная стена — последним рубежом. Такая схема была принята во всех государствах (различные составляли детали устройства фортов, расстояния между ними, расположение батарей). С некоторыми отступлениями этот принцип можно считать характерным не только для сухопутных крепостей, но и для приморских (или морских). Ведь не слишком смелым будет сравнение кораблей, защищающих морскую крепость, с фортами (только подвижными) передовой позиции.

Но, говоря о приморских крепостях, необходимо иметь в виду, что они, как правило, имели два фронта: сухопутный и приморский. И хотя приморская крепость не господствовала над важнейшими сухопутными линиями, она зачастую притягивала к себе значительные сухопутные силы неприятеля. Ведь взятие приморской крепости подчас было равносильно уничтожению морской базы, что значительно ослабляло морские силы, особенно, если эта база была единственной на данном морском театре.

Японцы ясно отдавали себе отчет в необходимости захвата Порт-Артура, так как с падением этой единственной русской базы, лежащей в операционной зоне японского флота, значение наших морских сил в этом районе сводилось к нулю.

Другим примером может служить Севастополь. Обрушившись в 1854 году на эту более или менее оборудованную, но недостаточно защищенную базу флота, союзники не только уничтожили черноморский флот, но и задержали его воссоздание на много лет. А между тем прямым назначением Севастополя являлась задача дать флоту безопасное убежище.

Что касается приморского фронта, то в большинстве случаев приморская крепость является важнейшим пунктом для действий против неприятеля. И даже при его значительном превосходстве менее сильный флот при содействии приморских батарей может рассчитывать на успех. Кроме того, приморская крепость, как уже упоминалось, может служить и операционной базой флота, центром для наступательных (пока находится в операционной зоне) или активно оборонительных действий.

С другой стороны, для неприятеля приморская крепость может иметь значение как оборудованный порт,

пригодный для собственного флота. Таким портом стала для немцев Либава — именно здесь началась операция "Альбион" по захвату Моонзундских островов.

Учитывая эти обстоятельства и анализируя расположение большинства приморских крепостей, можно прийти к выводу, что центр тяжести их значения находится на морском театре военных действий и весь вопрос создания приморской крепости заключается в инженерном оборудовании того же морского театра. И в этой связи вопрос взаимодействия крепости и флота становится первостепенным.

С точки зрения обороны берегов, приморская крепость может защитить их от высадки десанта лишь при помощи флота. Таким образом, она не предназначена играть самостоятельную роль, и ее существование зависит от стратегических задач флота, то есть вполне логичным выглядит подчинение приморской крепости командующему морскими силами.

Однако по этому поводу всегда имелось два противоположных мнения. Одно, требовавшее передачи строительства и управления приморскими крепостями флоту, и другое, считавшее, что флот должен быть сам по себе, а крепости, поскольку расположены на земле, должны строиться и управляться сухопутным ведомством. (Именно второй вариант взаимоотношений крепости и флота имел место в Порт-Артуре. Результат хорошо известен.)

Этот длительный спор был характерен не только для России. Каждое государство, обладавшее флотом и приморскими крепостями, решало его по-своему. Однако общая тенденция все же просматривалась. При наличии флота более слабого, чем флоты вероятных противников, приморские крепости находились в ведении флота (Австро-Венгрия, Франция) и, наоборот, имея сильнейший флот, государство оставляло приморские крепости армии (Англия, США). В России Морское ведомство лишь эпизодически привлекалось к строительству и вооружению приморских крепостей. Результатом этого были не всегда правильное расположение батарей и значительное отставание крепостной артиллерии от корабельной, с которой она и была призвана бороться. Когда в 1890-х годах последовали огромные ассигнования на постройку новых кораблей для Российского флота, это совершенно не отразилось на приморских крепостях, которым по-прежнему отпускались ничтожные суммы. И это при том, что их значение в связи с развитием флота непрерывно возрастало.

Понадобилась русско-японская война, чтобы пересмотреть существующее положение вещей.

Балтийские крепости перед русско-японской войной

Балтийские крепости в начале XX в. представляли собой довольно пеструю картину. Общим было лишь отставание крепостной артиллерии от корабельной да неудовлетворительное состояние инженерных сооружений. Лишь Кронштадт выгодно отличался от остальных крепостей, но этим он был обязан выдающимся инженерам прошлого — Э.И. фон Тотлебену, Н.Н.Обручеву. Но и они не могли предвидеть бурного развития корабельной артиллерии в конце XIX века. И то, что в их времена было несомненным достоинством, теперь могло превратиться в несомненный недостаток.

Всего России принадлежало тогда на Балтике пять крепостей. Причем по классификации того периода две из них, Выборг и Свеаборг, причислялись к приморским позициям (крепости III класса), Усть-Двинск — к малым крепостям (крепости II класса), а Кронштадт и Либава — к большим крепостям (крепости I класса). Существовали на Балтике в пределах Российской империи и другие крепости (Ревель, Котка, Копорье и др.), но они к началу XX века были упразднены и в военном отношении не играли никакого значения.

Все действующие крепости (а равно и упраздненные) имели достаточно длинную историю. Их расположение выбиралось давно, стратегическая ситуация за это время менялась не один раз. Но это не учитывалось в процессе перестройки и усовершенствования крепостей и развития Балтийского флота. В результате значение Выборга и Усть-Двинска стало сугубо местным.

Наиболее важным с точки зрения развития крепостей и в целом обороны страны был вопрос о выборе базы флота. Выборг и Усть-Двинск для этой цели не годились совсем, Свеаборг — "северный Гибралтар" — прикрывал Гельсингфорс (Хельсинки), имея достаточно обширный рейд, но оба входа в него были слишком извилисты. Поэтому Свеаборг в конце XIX в. рассматривался как возможная база лишь минного флота.

Кронштадт, казалось бы, — идеальное место для основной базы флота, еще Петром I признавался не отвечающим всем необходимым требованиям. Ранняя замерзаемость и постоянное засорение фарватера песком, наносимым Невой, вынудили Петра I искать другую гавань. Он остановил свой выбор на Ревеле и в 1711 году распорядился начать постройку мола и береговых батарей на островах Нарген и Карлос. Мол должен был защищать Ревельский рейд от северных ветров, а батареи — от вражеских кораблей. Но в 1716 году сильнейший шторм уничтожил начатые работы по устройству мола, а заодно разбил два корабля — "Фортуна" и "Антония". Подобные бури случались здесь почти каждую весну и осень. На том техническом уровне противостоять им было слишком сложно, и Петр I отказался от Ревеля. Объехав почти все южное побережье Балтики, он остановился на Рогервике (Балтийский порт). Но, развернув здесь строительство, Петр I не забывал и Ревель, считая, что когда-нибудь очередь дойдет и до него. В

дальнейшем ни один из последователей царя-реформатора так и не смог решить, какому порту отдать предпочтение. Работы в Ревеле и Рогервике то прекращались, то начинались снова, а флот по-прежнему базировался на Кронштадт.

Положение изменилось в середине 1880-х годов, когда начал создаваться новый российский броненосный флот. Ему уже было тесно в Кронштадте, и, кроме того, на Балтике появился новый честолюбивый противник — Германия. В новых условиях требовалось не только срочно оборудовать незамерзающую базу флота, но и значительно расширить его операционную зону действий.

В связи с этим в 1885 году Морское министерство поручило контр-адмиралу Н.В.Копытову, командовавшему 2-м шхерным отрядом, ознакомиться с условиями плавания и замерзаемости в Моонзундском проливе, а также определить стратегическое значение Моонзундского архипелага. Обследовав этот район, Копытов пришел к выводу "... о чрезвычайном морском стратегическом значении позиции флота у Балтийских (Моонзундских. — Л.А.) островов."¹ В своем отчете о плавании контр-адмирал Копытов представил подробный проект мероприятий по возведению укреплений, устройству гаваней и углублению Моонзунда до 24 футов (7,3 м).

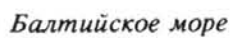
Одновременно комиссия под председательством начальника Главного штаба генерал-адъютанта Н.Н.Обручева (1830—1909) готовила материалы по выбору базы флота, но единого мнения у этой комиссии не сложилось. Часть ее членов поддерживала Моонзунд, часть — Либаву.

7 ноября 1887 года в Санкт-Петербурге под председательством военного министра состоялось совещание, на котором рассматривали этот вопрос. В работе совещания принимали участие морской министр адмирал И.А.Шестаков, его товарищ вице-адмирал Н.М.Чихачев, представители Военного ведомства генерал-адъютант Н.Н.Обручев, генерал-лейтенант Бобриков 2-й и другие специалисты. Совещание решило: "Ввиду разнообразия мнений и недостатка фактических данных... в следующем году провести в Моонзунде серию гидрографических, топографических и фортификационных изысканий".² Руководителем этих работ назначили генерал-лейтенанта Бобрикова 2-го. Он хорошо знал Моонзундский архипелаг. В 1887 году он был здесь вместе с офицерами Морского ведомства капитаном I ранга Ф.В.Дубасовым и капитаном II ранга Рождественским. Побывав на островах, Бобриков весьма категорично назвал их "выразителем преобладающих свойств Балтийского театра военных действий и истинным представителем активной обороны Балтийско-Финского побережья в противоположность Либавам, Виндавам и тому подобным, легко блокируемым портам".³ Выступая против Либава как базы флота, Бобриков отмечал, что "исследование внутренней организации и дислокации авс-

1 РГА ВМФ ф.418.оп.1.д.139.л.2.

2 РГА ВМФ ф.418.оп.1.д.139.л.1.

3 Там же. л.3.

Адмирал
И.А. Шестаков

трийских и германских войск и способов их передвижения указывает на возможность подвоза войск с помощью военного и коммерческого флотов, на легкость овладения Либавой и на ту пользу, которую она может принести противнику как морская база".¹ Вместе с тем Бобриков считал, что строительство новых приморских крепостей на данном этапе нецелесообразно, так как, по его мнению, это могло быть сделано лишь в ущерб "развитию живой силы".

К сожалению, прозорливость Бобрикова не была оценена по достоинству. Многие специалисты Морского и Военного ведомств недооценивали германский флот, считая его слабее русского, флоты Швеции, Норвегии и Дании игнорировались вовсе. Серьезные опасения внушали лишь Англия и Франция. Поэтому цель операций нашего флота видели не в узкой задаче прикрытия правого фланга нашей армии (как в самом конце XIX и начале XX в.), а "... в преобладании над флотами соседних государств и даже в овладении в минуту угрозы входными в Балтийское море проливами".² Поэтому на Моонзунд смотрели лишь как на "стратегическую позицию, дающую возможность оперировать по всем направлениям и с большей действительностью оборонять все Балтийско-Финское побережье".³ То есть считалось, что инженерного обеспечения Моонзундских островов не требуется, а достаточно естественных условий плавания.

В самом конце 1887 года состоялось еще одно совещание, в котором участвовали 17 представителей Военного ведомства и 7 — Морского. Совещание признало за Моонзундом "значение второй позиции" и для устройства постоянно открытого военного порта выбрало Либаву, "пункт наиболее выгодный как в военно-морском, так и в стратегическом отношении".⁴ На этом решении особенно активно настаивал военный министр П.С. Ванновский и товарищ морского министра Чихачев. Сам же И.А. Шестаков выступал за укрепление первым делом Моонзунда. И хотя соглашался с Военным ведомством в необходимости укрепления для сухо-

путных целей одного из пунктов на южном берегу Балтийского моря, но вместо Либавы предлагал Виндаву, так как в этом случае получалась менее растянутая позиция Виндава—Моонзунд—Рига.

Стремление Военного ведомства иметь укрепленный пункт на побережье Балтики было связано с тем, что в 1887 году Н.Н.Обручев представил военному министру новый план военных действий на Западном фронте. В отличие от своего первого, сугубо оборонительного плана 1883 года, начальник Главного штаба теперь предполагал "сдерживая противника на одном театре, готовиться к решительному наступлению на другом".⁵ Дальнейшее развитие нового плана предполагало выдвижение русских войск ближе к западной границе Империи, где строились новые крепости Ковна и Осовец. Но при этом ослаблялись части, охранявшие южную часть Балтийского побережья. Строительством укреплений в Либаве и перетягиванием сюда части Балтийского флота Военное ведомство пыталось компенсировать это ослабление. И, кроме того, Министерство путей сообщения уже вело в Либаве строительство коммерческого порта. Предполагалось, что его соседство с военным портом, хоть и не совсем желательное, даст существенную экономию средств. В этой связи небезынтересно вспомнить слова, сказанные С.Ю.Витте в 1903 году при посещении Порт-Артура. Обозревая с Золотой Горы город и порт, министр финансов говорил о печальной судьбе русского торгового флота, который нигде не может найти себе прочного пристанища. "Из всех портов его вытесняет военный флот — ... Кронштадт, Севастополь и другие. Создание же новых коммерческих портов ложится непосильным бременем на наши финансы".⁶

"Скупой платит дважды" — эта поговорка вполне применима к действиям Военного ведомства. Заявляя об экономии средств и прикрываясь рассуждениями о необходимости защиты правого фланга Западного фронта, Военное ведомство пошло по пути наименьшего сопротивления, пытаясь подчинить себе и коммерческий порт Либаву, и Балтийский флот. И это вместо того, чтобы

Вице-адмирал
Н.М. Чихачев

1 Там же. ф.315.оп.1.д.1204.л.3

2 Там же д.1196.л.118

3 Там же

4 РГА ВМФ ф.418.оп.1.д.139.л.2.

5 А.М.Зайончковский. Подготовка России к мировой войне. Л.1926. стр.36.

6 Дело о сдаче крепости Порт-Артур японским войскам в 1904. Спб. 1908 стр.192

Граф
Д.А. Милютин

построить на Моонзундских островах мощный укрепленный район, независимый от коммерческого порта и ситуации на Западном фронте. В результате огромные средства, вложенные в строительство военного порта в Либаве, были выброшены на ветер, крепость Либава была упразднена и пришлось искать новое место для базы Балтийского флота.

Но это случилось через десять лет, а пока, в начале 1888 года, генерал-адмирал Алексей Александрович собрал на очеред-

ное совещание министров: военного, морского, финансов, путей сообщения и их сотрудников. Снова обсуждался вопрос о новой базе флота. Шестаков при поддержке подавляющего большинства отстаивал Моонзунд, но против этого не менее активно выступали П.С. Ванновский и Чихачев, человек, который, казалось бы, обязан был поддерживать Шестакова. Отсутствие единого мнения в Морском министерстве значительно подрывало позиции сторонников Моонзунда. Тем не менее генерал-адмирал, не считая решение предыдущего совещания окончательным, предложил Шестакову более подробно изложить соображения о сооружении береговых укреплений и стоянок флота в Моонзунде, а также об углублении пролива. Император Александр III, просматривая журнал совещания, подчеркнул мнение Шестакова, видимо, соглашаясь с ним.

Летом 1888 года в Моонзунде начались бурильные работы. Инженер-полковник Макдональд обследовал все три фарватера и нигде не обнаружил твердых слоев. Он докладывал в Морское министерство: "Углубление до 30 футов (9,1 м) не встретит затруднений, но без весьма дорогих укреплений откосов сих каналов нельзя ручаться за продолжительное сохранение достаточной глубины, так как углубленные места могут быть затянуты илом".¹

Но это была задача разрешимая, и казалось, что сторонники Моонзунда одержат победу, но в начале сентября 1888 года Шестаков серьезно заболел и Чихачев стал временно исполняющим обязанности морского министра. Вскоре от Макдональда пришел очередной рапорт о том, что одна из бухт острова Вормс (у роши

Гофолам) вполне подходит для устройства военного порта. Одновременно Макдональд докладывал о намерении начать работы в Созлозунде. Но через два дня после получения рапорта Чихачев приказал вспомогательному крейсеру "Азия" увести все плавучие средства Макдональда из Моонзунда. Вскоре все работы на архипелаге были прекращены окончательно. А 21 ноября 1888 года умер И.А. Шестаков, и в Либаве начались работы по сооружению военного порта.

По словам одного современника, Либава как крепость — "стратегический и тактический абсурд, вопреки здравому смыслу созданный Чихачевым".² В самом деле, в стратегическом отношении Либава слишком выдвинута и легко отсекалась занятием Виндавы, которая по отношению к Либаве приобретала то же значение, что имел Дальний для Порт-Артура. В тактическом плане Либава имела массу недостатков. Она была доступна наблюдению неприятеля, один вход, как в Порт-Артуре, позволял закупорить флот в порту. Канал, ведущий в порт, имел длину две мили, и располагался так неудобно, что в большую зыбь вход в него был не только затруднен, но подчас и невозможен. Тем не менее строительство крепости началось и весьма активно.

В 1890 году было принято новое мобилизационное расписание № 14, закрепившее общий план стратегического развертывания. Усиление приграничной полосы крепостями было одним из наиболее сложных вопросов. Иллюстрацией этому может служить диапазон мнений о целесообразности крепостей: от полного отрицания до неосуществленного проекта Главного инженерного управления, составленного в 1908 году и предполагавшего наличие в России 82 крепостей и 90 укреплений общей стоимостью 8 млрд рублей.

Сформировавшаяся к концу XIX века достаточно стройная система крепостей, зафиксированная в расписании № 14, обязана своим существованием генерал-фельдмаршалу Д.А. Милютину (1816—1912), который был военным министром с 1861 по 1881 годы, и генерал-адъютанту Н.Н. Обручеву. Приморские крепости в этой схеме прикрывали фланги всего Западного фронта: правого — Либава, Усть-Двинск, Кронштадт, левого — Севастополь, Очаков. Укрепления в Финляндии, крепости Свеаборг и Выборг имели специальное назначение — прикрывать Петербург на случай неприятельского десанта. Таким образом определялась довольно своеобразная задача Балтийского флота, заключавшаяся "главным образом в содействии сухопутным силам, обеспечивая побережья в районе Либавы—Рига как фланга нашей общей оборонной линии и преграждая неприятелю доступ к столице".³

Вступив в 1898 году на пост военного министра, генерал А.Н. Куропаткин (1848—1925) продолжил дело Д.А. Милютина и Н.Н. Обручева по инженерному обеспечению западных границ империи. Но в 1904 году началась русско-японская война, по окончании которой А.Н. Куропаткину пришлось оставить пост военного министра.

1 РГА ВМФ ф.418.оп.1.д.139.л.3.

2 РГА ВМФ ф.315.оп.1.д.1204.п.37.

3 Там же. ф.418.оп.1.д.139.п.5.

От Либавы к Ревелю

27 октября 1902 года А.Н.Куропаткин написал начальнику Главного штаба генерал-лейтенанту Н.Г. Кондратьеву весьма любопытную записку. "Государь Император,— говорилось в ней, — снова возбудил вопрос — не следует ли нам отойти назад и примерно только на высоте Минска, собрав все свои силы, встретить врага".¹ По мнению известного историка А.М.Зайончковского, главной причиной, заставившей Николая I изменить отношение к существовавшему плану стратегического развертывания, явилось "сильное увлечение дальневосточной политикой с ослаблением интереса к Босфору".²

Какова бы ни была причина, первый толчок был сделан, но Куропаткину до поры удалось его отразить. Чего нельзя сказать о генералах, сменивших Куропаткина на его посту. Сахаров (1904—1905) и Редигер (1905—1909) не протестовали против отхода русских войск от западной границы на новые позиции, а В.А. Сухомлинов решительно взялся за его претворение в жизнь.

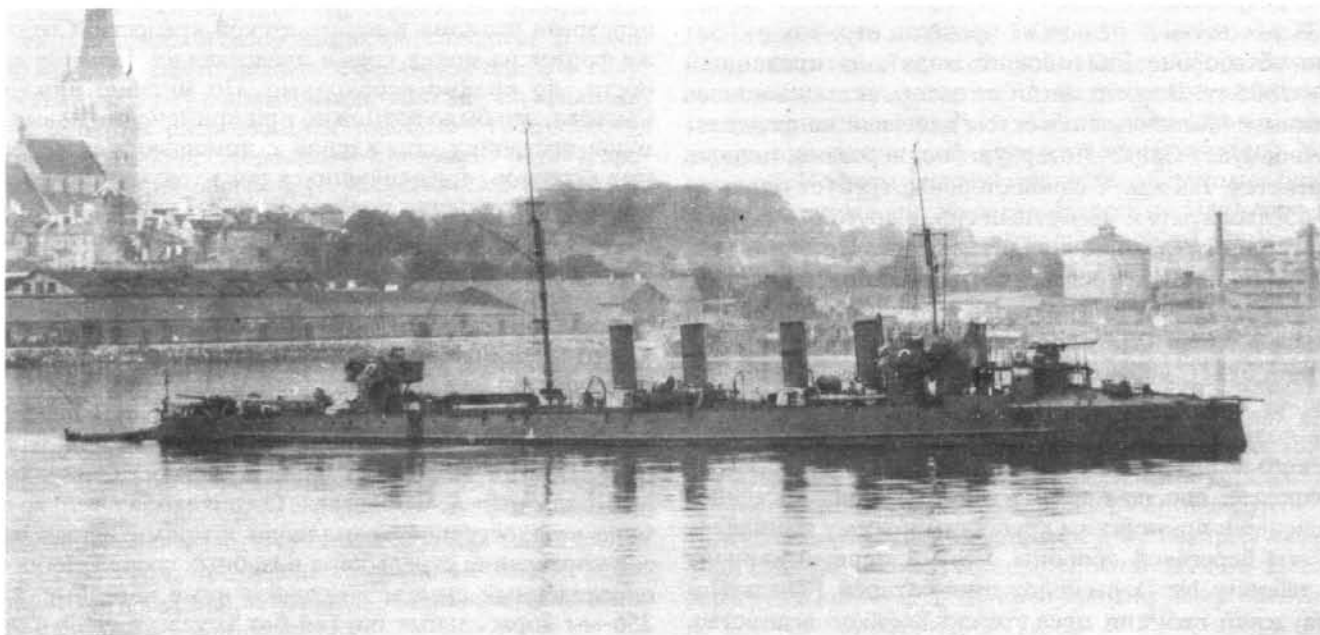
Уничтожение русских крепостей перед первой мировой войной — вопрос особый. В этой книге следует лишь ограничиться простым перечислением, которое само по себе достаточно впечатляюще. В мае 1910 года по распоряжению Сухомлинова были упразднены следующие крепости на Западном фронте: Варшава (кроме цитадели), Ивангород, Зегрж, Либава, Керчь, Остроленка, Рожаны, Пултуск. Переустройству подлежали оставшиеся: Свеаборг, Выборг, Кронштадт, Усть-Двинск, Ковно, Осовец, Новогеоргиевск, Брест-Литовск, Очаков, Севастополь.

При этом, разумеется, изменялась и вся система обороны Балтийского побережья, что было вызвано еще и

катастрофическим ослаблением русского флота после русско-японской войны. Сохранение Либавы как передовой базы флота в этих условиях потеряло всякий смысл, стала очевидной необходимость ее переноса на восток, ближе к Петербургу.

Снова начались дискуссии, совещания. Но теперь ни у кого не вызывало сомнения превосходство германского флота над русским. Поэтому теперь в первую очередь потребовалось усилить береговую оборону самой столицы. Опыт обороны Порт-Артура подтвердил огромное значение передовой линии фортов. Известный военный инженер К.И.Величко писал: "На этой линии фортов должен лежать центр тяжести борьбы за крепость — здесь должны дать противнику решительный отпор и крепостная артиллерия, и крепостная пехота".³ Это в полной мере относится и к приморским крепостям, и уже в 1909 году началось строительство новых фортов Кронштадтской крепости: Алексеевского ("Красная Горка") на южном берегу Финского залива и Николаевского ("Ино") на северном.

Но и этого в новых условиях было недостаточно. На одном из совещаний, посвященных береговой обороне, отмечалось, что, "считая наиболее могущественным из наших вероятных противников на Финском заливе германский флот, силы которого столь велики, что создание равносильного флота для нас может быть достигнуто в весьма отдаленном будущем, мы обязаны избрать на Финском заливе такую позицию, которая при надлежащем ее укреплении уравновесила бы те наши слабейшие силы, создание коих кажется доступным состоянию государственных финансов."⁴ Такой пози-

Эскадренный миноносец "Разящий" на Ревельском рейде.

1 А.М. Зайончковский. Подготовка России к мировой войне. 1926. стр.69.

2 Там же

3 К.И. Величко. Инженерная оборона государства и устройство крепостей. СПб. 1903. стр.54.

4 РГА ВМФ Ф.418.оп.1.д.229.л.6.

цией предполагалось сделать один из трех вариантов: меридиан острова Готланд, линия Нарген—Поркалауд, линия Гангэ—Оденхольм.

Изобилующая островами позиция первого варианта представлялась наиболее сильной, но и наиболее дорогой. И, кроме того, флот, в этом случае остававшийся в Кронштадте, имел весьма ограниченные возможности для маневрирования. Линия Гангэ—Оденхольм была более растянутой, чем Нарген—Поркалауд, поэтому именно последней Военное ведомство и отдавало предпочтение, так как при использовании новых 305/52¹ орудий с дальностью стрельбы до 124 км Финский залив перекрывался бы полностью. При этом уже высказывалось мнение о возможности создания в Ревеле оперативной базы флота, и, как о второстепенной задаче, устройства опорных пунктов для миноносков и подводных лодок в Абоских шхерах и в Моонзунде.

Таким образом, позиции береговой обороны Финского залива выбирались Военным и Морским ведомствами из предположения, что главным и единственным направлением наступления германского флота будет столица Российской империи. Другие варианты не рассматривались, возможность боевых действий в Або-Оландском районе и в Моонзунде отвергалась категорически. Флоту в 1907—1908 годах ставилась задача "всеми силами и средствами задержать на 12—14 дней продвижение противника в глубь Финского залива и тем самым обеспечить мобилизацию и развертывание сухопутных войск, предназначенных для обороны столицы".² Суть этой задачи (оборона столицы) не изменилась и с закладкой новых боевых кораблей: линкоров типа "Севастополь", эсминцев типа "Новик" и других.

Первые дни войны показали, сколь неправ был МГШ, разрабатывая лишь один вариант боевых действий. И в этой связи нельзя не привести отрывок из "Записки об обороне Балтийского моря", датированный 1904—1905 гг. Вот что писал ее автор, оставшийся неизвестным: "Конечным объектом действий неприятеля, конечно, будет Санкт-Петербург, но, вероятно, цель не достигнется, так как, с одной стороны, требует гениального предводителя и несметных сил, с другой — полной неспособностью и даже предательства. Не задаваясь столь радикальной программой, Германия, вероятно, поведет наступление на захват Курляндии, Лифляндии и островов Эзель и Даго. Ближайшим объектом морских действий будет, вероятно, Либав".³ Остается лишь поражаться прозорливости этого человека и одностороннему подходу к столь важному вопросу со стороны Морского ведомства.

Впрочем, оно по-прежнему имело лишь косвенное отношение к приморским крепостям и всему комплексу проблем береговой обороны. Самый первый вариант (см. таблицу № 1) расположения батарей Ревель—Поркалаудской позиции предложило Военное ведомство, управлявшее всеми крепостями и в том числе приморскими.

Таблица № 1

Калибр и количество орудий.					
Место установки	305-мм	279-мм	254-мм	203-мм	100-мм
о.Богашер	-	4	4	4	8
Кальбодатрунд	6	8	-	8	8
Новая Мель	6	8	-	8	8
о.Нарген (Северная оконечность)	4	4	-	-	4
о.Нарген (Северо-западная оконечность)	-	-	-	8	8
о.Нарген (Южная оконечность)	-	4	-	8	8
о.Карлос ¹ (Северная оконечность)	-	-	-	-	8
о.Карлос (Западная оконечность)	-	-	-	4	8
п-ов Суруп	-	4	4	8	8
Всего:	16	32	8	48	68

¹ На самом деле о.Карлос — это два острова (Большой Карлос и Малый), разделенные узким проливом.

Основное внимание уделялось мелям Кальбодатрунд и Новая Мель. Здесь предполагалось создать форты, превосходящие по размерам и силе вооружения форты Кронштадта.

Военному министру Сухомлинову, а затем и Николаю II эта идея понравилась, и в район Ревель—Поркалауд отправилась комиссия в составе главного начальника Кронштадтского порта генерал-лейтенанта Артамонова, начальника штаба округа генерал-лейтенанта фон дер Бринкена и инженера Сысоева, специалиста по кессонным работам. Комиссия отмечала в своем отчете, что Ревель—Поркалауд — лучшая оборонная линия для прикрытия столицы и должна рассматриваться как передовая позиция Кронштадтской крепости. Создание же фортов на мелях хоть и представляет большие трудности, но крайне необходимо. По мнению инженера Сысоева, это было возможно при применении новых методов постройки ограждения с помощью железобетонных кессонов, применявшихся пока только в Голландии и при строительстве нового порта в Туапсе.

Ревель—Поркалаудская позиция была действительно весьма удобной для создания в этом месте важного узла береговой обороны. Расстояние между берегами Финского залива сужалось здесь до 35 км, и необходимости в фортах на мелях, по мнению представителей Морского ведомства, не было никакой. Наоборот, эти дорогостоящие укрепления в современных условиях не смогли бы принести сколько-нибудь значительной пользы обороне. Против этого выступал, в частности, начальник МГШ адмирал А.А.Эбергард. Он доказывал, что во времена гладкостенной артиллерии и примитивных методов управления стрельбой в подобных сооружениях был определен смысл, но современные нарезные 305 и 356-мм корабельные орудия без труда уничтожили бы эти прекрасно видимые мишени в первые же часы боя. В конце концов от этой идеи отказались, правда, имелся

1 В корабельной артиллерии принято наряду с калибром орудия указывать его длину в калибрах. В данном случае это орудие калибра 305-мм длиной 52 калибра. В настоящей книге используется сокращенное обозначение этих параметров.

2 Там же. ф.418.оп.1 д.94 л.46.

3 Там же ф.315 оп.1 д.1204 л.32.

еще один проект затопления здесь одного из старых броненосцев, но и он был отвергнут. Военное ведомство решило, что и при поддержке одних береговых батарей флот мог принять здесь "неравный бой со значительно превосходящим противником". Но для этого требовалась новая база флота, расположенная не так далеко от позиции, как Кронштадт и не замерзающая, как он, так рано. Ревель находился рядом, его и посчитали единственно возможным местом для новой базы Балтийского флота. А для того, чтобы защитить рейд от северных ветров, решили продолжить начатое еще Петром I строительство мола.

И вновь Военное ведомство имело в виду лишь один вариант действий противника — атаку столицы. Другие направления упорно игнорировались. Но даже и в этом случае создание в Ревеле базы для всего флота было не лучшим решением. Линейный флот при этом лишался возможности действий в Балтийском море и низводился до уровня плавучих батарей.

Более целесообразным представлялось наряду со строительством береговых батарей создание в Ревеле базы минного флота и подводных лодок, а базу линейного флота следовало устраивать в Моонзунде или в Або-Оландских шхерах (что было несколько сложнее). Тогда уже на подступах к Финскому заливу противник встречал мощное сопротивление и был в гораздо большей степени ограничен в выборе места для десанта.

Однако негромкие голоса сторонников Моонзунда вновь не были услышаны.

Чтобы уже в 1909 году начать работы на позиции Ревель—Поркалауд, Николай I распорядился выделить на это деньги из уже отпущенных средств на усиление Кронштадтской крепости. Таким образом, Военное ведомство летом 1909 года смогло провести серию предварительных изысканий на островах и отмелях. Сумма расходов на данном этапе оценивалась в 26—30 млн рублей. По предложению министра финансов В.Н.Ковцева, считавшего нежелательным выходить в Государственную Думу с новым представлением о кредитах, П.А.Столыпин распорядился уложить строительство Ревель—Поркалаудской позиции в рамки 10-летней программы усиления обороны государства. Эта программа разрабатывалась Военным и Морским ведомствами в 1908—1909 годах, но начало ее осуществления планировалось на 1912 год. Поэтому, несмотря на высочайшее утверждение распоряжения П.А.Столыпина, продолжить изыскания удалось лишь в 1911 году. Снова проводились съемки местности, бурения, промеры. Этой работой руководил начальник инженеров Выборгской крепости полковник В.И. Щеглов. Предварительные проекты перерабатывались специально созданной крепостной комиссией, Генеральным штабом. В этой работе участвовали и морские офицеры, но к их мнению прислушивались мало. Парадоксально, но место для береговых батарей, предназначенных для борьбы с корабельной артиллерией, выбирали люди, имевшие о ней довольно смутное представление.

Сухопутные артиллеристы стремились создать наилучшую видимость участка моря, обстреливаемого данной батареей, и одновременно не потерять ничего в дальности. Поэтому на первый план ставилось требо-

вание иметь максимально возможную прямую видимость с батареи и наибольший угол обстрела. Этим же принципом руководствовалось Военное ведомство при проектировании батарей на мелях между Ревелем и Поркалаудом. А для получения максимальной дальности батареи придвигались как можно ближе к урезу воды.

В результате неуязвимость батарей, их маскировка отходила на второй план. Сухопутные артиллеристы не учитывали, что основная проблема при стрельбе с корабля по береговой батарее (при правильном ее расположении) — плохая возможность наблюдения за падением своих снарядов. Поэтому даже если батарея была маскирована самой природой и плохо различалась с моря, но располагалась у самой воды, то для опытных корабельных артиллеристов уже в 1911 году не составляло особого труда пристреляться, идя от недолетов, и успешно обстрелять батарею. Дарданельская операция в этом плане была весьма поучительной. Турецкие приморские форты, расположенные у самой воды, были буквально сметены мощной корабельной артиллерией союзников. Орудия же, поставленные несколько дальше и грамотно замаскированные, до крайности затруднили дальнейшие действия англо-французского флота.

Но это произошло несколько позже, в 1915 году, а пока Военное ведомство проектировало батареи по карте, а затем уже на местности окончательно решало вопрос, где именно ставить орудие. По меткому выражению контр-адмирала В.М.Альтфатера, бывшего в тот период флагманским штурманом Штаба командующего 1-й минной дивизией Балтийского моря, а чуть позднее постоянным членом Временного морского крепостного совета морской крепости Императора Петра Великого, "сухопутные артиллеристы с моря на эту местность никогда не смотрели, и задача решалась односторонне — только со стороны батареи, а не со стороны ее противника".¹

Но как бы то ни было, 5 июня 1912 года Сухомлинов утвердил окончательный проект Ревель—Поркалаудской позиции (см. приложение 1), разработкой которого руководили полковник В.И. Щеглов и начальник артиллерии Кронштадтской крепости генерал-майор Манниковский. По этому проекту основные береговые батареи предполагались на островах Нарген и Макилото и на полуострове Суроп. В центральной части Финского залива планировалось поставить минные заграждения, которые брались под перекрестный огонь шестиорудийных 356-мм батарей островов Нарген и Макилото. Таким образом создавалась надежная преграда на пути неприятельского флота в центральной части Финского залива. Чтобы закрыть западный подход к Ревелю, на полуострове Суроп предполагалось разместить батарею из четырех 356-мм орудий в двух башенных установках. В задачу этой батареи входил также обстрел бухты Балтийского порта. Для поддержки этой батареи назначались еще две 305-мм башенные установки на западном берегу о.Нарген. Эти батареи должны были находиться на расстоянии примерно 12,5 км от Ревеля, прикрывая его от обстрелов с моря. Для дополнительной защиты западного, а также северного подходов к Ревельскому рейду служили 152 и 120-мм батареи п-ова Суроп и 152-мм о. Нарген и п-ова. Вимс.

В случае прорыва неприятельского флота через центральную часть Ревель-Поркалаудской позиции его должен был встретить огонь четырехорудийной 305-мм батареи острова Вулф. Предполагалось, что она помещает атакующему флоту противника маневрировать между островами Большой и Малый Врангель и обстреливать оттуда порт и город Ревель.

На северном берегу о. Нарген и на восточном берегу п-ова Вимс планировалось установить по восемь 279-мм гаубиц для обстрела навесным огнем палуб неприятельского флота.

Балтийский флот имел при этом задачу маневрировать восточнее Ревель-Поркалаудской позиции и огнем артиллерии главного калибра способствовать отражению атаки численно более сильного неприятельского флота.

Таким образом, всего на позиции Ревель-Поркалауд предполагалось разместить 164 пушки, 16 гаубиц, 100 пулеметов и 300 прожекторов. В число 164 пушек входили 75-мм зенитные (противоаэропланные) и 76-мм на колесных лафетах, которые вместе с пулеметами предназначались для отражения вражеских десантов. Все батареи проектировались долговременными с обеспеченными от бомб закрытиями для боевых припасов и орудийной прислуги, 305 и 356-мм пушки должны были размещаться только в башенных установках.

Такова была в общих чертах организация приморского фронта Ревель-Поркалаудской позиции, который дополнялся шоссейными и частично железными дорогами, телеграфно-телефонной связью, пристанями, казармами и т.д. Общая стоимость приморского фронта составляла около 55 млн рублей.¹

Проектирование сухопутного фронта позиции решили пока отложить, так как все силы были брошены на приморский фронт.

Тем временем в МГШ группа офицеров во главе с капитаном I ранга А.В. Колчаком срочно разрабатывала законопроект о новой судостроительной программе. Помимо постройки линейных крейсеров типа "Измаил" и других кораблей программа усиленного судостроения на 1912—1916 годы предусматривала кредиты на оборудование новой базы флота и военного порта в Ревеле. Законопроект получил одобрение комиссий Государственной Думы и был представлен для окончательного рассмотрения вместе со сметой на 1912 год.

Однако Дума не торопилась. Среди ее депутатов нашлись люди, резко выступившие против ассигнования денег на строительство флота. Один из них — А.И. Гучков, состоявший в большой дружбе с товарищем военного министра генералом А.Л. Поливановым, видел спасение лишь в Военном ведомстве. Решающее заседание состоялось 12 июня 1912 года. Оно началось в 11 часов утра, а закончилось в час ночи. В поддержку законопроекта выступил министр финансов В.Н. Коковцев. После долгих и утомительных споров, несмотря на все усилия А.И. Гучкова, законопроект был принят. Однако Государственная Дума постановила выделить из законопроекта вопрос "о портостроительстве, соединив его с вопросом об укреплении Ревель-Поркалаудского района, и вынести в ближайшую сессию Государственных

законодательных учреждений особый законопроект о отпуске средств, как на постройку Ревельского порта и оборудование существующих портов, так и на укрепление Ревель-Поркалаудского района с расчетом их готовности в главных чертах одновременно с сооружением флота не позднее 1916 года".²

Таким образом, появилось юридическое основание для передачи Ревель-Поркалаудской крепости (так теперь стала называться позиция) в ведение Морского ведомства. С самого начала работы над проектом Ревель-Поркалаудской позиции моряки пытались убедить своих оппонентов, что приморские крепости должны подчиняться флоту, а не армии. И вот усилия Морского ведомства завершились успехом, оставалось лишь разработать и оформить соответствующую документацию (Но, скорее всего, главную роль сыграло желание Николая II назначить на должность коменданта крепости морского офицера.) А пока 29 июня 1912 года в Ревеле состоялась закладка военного порта. Николай II назвал его портом Императора Петра Великого. Событие это проходило весьма торжественно. На Ревельском рейде был собран весь Балтийский флот, и под гром салюта его артиллерии император Николай II заложил первый камень в основание нового мола. И наконец 7 января 1913 года строительство и управление Ревель-Поркалаудской крепостью было передано Морскому ведомству. Вскоре Государственная Дума утвердила законопроект, одна из статей которого предусматривала 92400000 рублей на устройство и оборудование крепости, получившей с 30 апреля 1913 года новое название. Теперь это была морская крепость Императора Петра Великого.

В конце лета 1913 года было утверждено Положение о постройке крепости. Пункт первый гласил: "Общее направление, согласно указаниям морского министра, всего дела по созданию крепости принадлежит Временному Морскому Крепостному Совету по сооружению морской крепости Императора Петра Великого". Совет подчинялся непосредственно морскому министру, а председателем Совета являлся начальник МГШ. В 1913—1914 годах эту должность занимал адмирал А.И. Русин (1861—1956). Вице-председателем Крепостного совета стал контр-адмирал А.П. Угрюмов. Среди постоянных членов Совета были представители Морского ведомства: начальник артиллерийского отдела ГУК вице-адмирал В.К. Гирс, и.д. начальника Главного морского хозяйственного управления генерал-лейтенант по адмиралтейству А.П. Зеленой, штаб-офицеры МГШ капитаны II ранга Постриганев и В.М. Альтфатер. Военное ведомство в Совете представляли начальник Крепостной части Главного управления Генерального штаба генерал-майор Елчанинов, члены инженерного комитета Главного инженерного управления генерал-лейтенант Н.А. Буйницкий и генерал-майор П.Н. Ключаков, командир Выборгской крепостной артиллерии полковник Лайминг.

Кроме того, в состав Совета входили от Министерства финансов — вице-директор департамента Государственного казначейства, действительный статский советник Гришкевич-Трохимовский и его заместитель статский советник Маслов; от Государственного контро-

1 В.В. Яковлев. Приморские крепости. Л. 1926. стр. 97.

2 РГА ВМФ. ф. 418. оп. 1. д. 310. л. 1.

ля, — помощник генерал-контролера департамента военной и морской отчетности статский советник Левицкий.

Непосредственное руководство возведением крепости возлагалось на Крепостной распорядительный комитет, председателем которого назначался комендант крепости.

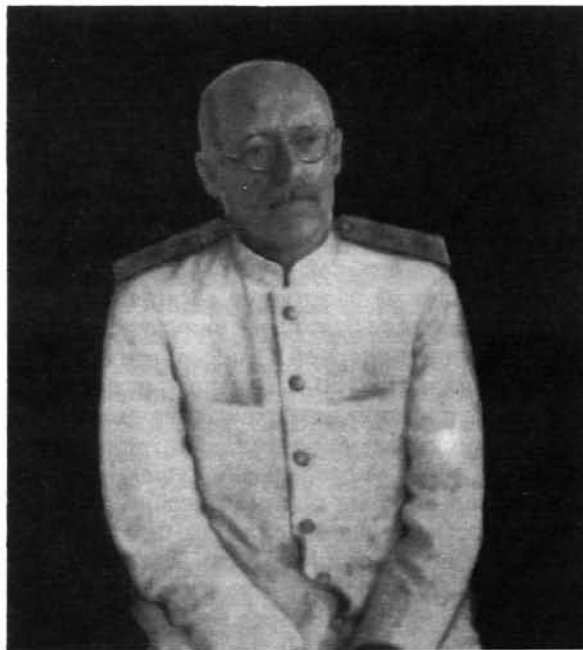
В одном из проектов Положения о постройке крепости была весьма любопытная фраза: "на характер и ход постройки крепости и на постепенное возрастание ее обороноспособности должно оказываться доминирующее и личное влияние коменданта крепости".¹ Контр-адмирал А.М.Герасимов (1861—1931) как нельзя лучше подходил для этой должности.

Александр Михайлович Герасимов родился 14 ноября 1861 года. В 1882 году он закончил Морское училище, и дальше его карьера шла обычным для многих морских офицеров путем: мичман, слушатель минно-офицерского класса, первое заграничное плавание (в 1883 году на фрегате "Светлана"). В 1887 году Герасимов становится слушателем Михайловской артиллерийской академии. Через пять лет заканчивает ее "по первому разряду, как один из достойнейших"² и его фамилия появляется на почетной мраморной доске в конференц-зале академии. В 1896 году Герасимов получает назначение на крейсер "Адмирал Нахимов" на должность старшего артиллерийского офицера. Затем, побыв некоторое время командиром миноносца № 124, Герасимов переходит на броненосец "Император Александр II" опять же старшим артиллерийским офицером. В этой же должности, но уже на броненосце "Победа" Александр Михайлович уходит на Дальний Восток. Герасимов участвовал во всех боевых эпизодах, которые выпали на долю броненосца "Победа", и был одним из тех, кто оставил свои корабли, чтобы на суше помочь обороне Порт-Артура. По предложению генерала Кондратенко Герасимов организовал маленькую мастерскую по изготовлению "ручных бомбочек и минных мортир". Под его руководством было изготовлено 8500 бомбочек. Интересно отметить, что время, проведенное Герасимовым в Порт-Артуре с 1 мая по 20 декабря 1904 года, шло ему в стаж, как и всем, кто был рядом с ним, из расчета один месяц за один год. После русско-японской войны Герасимов возвращается в Санкт-Петербург, он командует учебными судами: сначала это "Рига", а затем "Петр Великий". В 1909 году Герасимов — начальник учебно-артиллерийского отряда, а в следующем году участвует в комиссии по переработке Морского устава. Контр-адмиралом Александр Михайлович стал в 1911 году, а в 1913-м с вступлением в должность коменданта крепости Императора Петра Великого ему присваивается звание вице-адмирала. В 1914 году Герасимов назначается генерал-губернатором Эстляндии и Лифляндии. Во время событий Февральской революции в Ревеле Александр Михайлович получил серьезное ранение и 23 июня 1917 года был уволен в отставку. Во время гражданской войны Герасимов был начальником Морского управления при главнокомандующем вооруженными силами Юга России генерал-лейтенанте А.И.Деникине. После того, как Деникина сменил барон Врангель, Герасимов уехал в Константинополь, а в 1920 году он прибыл в Бизерту, где стал директором эвакуированного из Севастополя Морского корпуса. Умер Александр Михайлович 11 января 1931 года.

Став комендантом крепости, вице-адмирал А.М. Герасимов решительно взялся за дело. И надо сказать, не он один.

Вторую по значению должность в крепости — начальника обороны и артиллерии приморского фронта занял один из самых опытных и решительных офицеров Балтийского флота контр-адмирал А.Н.Непенин. Те же обязанности на сухопутном фронте возложили на полковника Лайминга.

Строителем крепости стал теперь уже генерал-майор В.И. Щеглов. Его помощники тоже были людьми сухо-

Вице-адмирал А.М. Герасимов в Бизерте

путными, но уже имевшими дело с приморскими крепостями и участвовавшими в изыскательских работах на Ревель-Поркалаудской позиции: полковник Н.Д. Николас, служивший ранее в Приамурском военном округе, полковник П.П. Маресев был преподавателем Николаевской академии, а подполковник Г.П. Захарин служил в управлении строительством Владивостокской крепости.

А вскоре у крепости появилась и своя икона. Находясь в Портланде с эскадрой Балтийского флота, Н.О. фон Эссен получил письмо от бывшего члена I-й Государственной Думы Аладина, проживавшего в Англии. В письме Аладин писал, что у него имеется икона святого Александра Невского, которую англичане в 1855 году вывезли из Бомарзунда и которую Аладин хотел вернуть России.³ Фон Эссен считал, что икона хранилась где-то в помещениях крепости, т.к. русских кораблей в Бомарзунде не было, и поэтому хотел передать ее в Сергиевский всей артиллерии собор в Петрограде, на углу Литейной и Сергиевской (ныне ул. Чайковского). Но затем приказал отдать ее в морскую крепость Императора Петра Великого. А так как крепость своей церкви не имела, то икона хранилась в доме коменданта А.М.Герасимова.⁴

Итак, в 1913 году началась короткая, но яркая история морской крепости Императора Петра Великого.

1 РГА ВМФ. ф.418.оп.1.д.310.л.31.

2 РГА ВМФ. ф.406.оп.9.д.837.л.49.

3 Там же. ф.949.оп.1.д.210.л.22.

4 Дальнейшая судьба иконы не известна.

Центральная и флангово-шхерная позиции

Получив в свое распоряжение строительство и управление морской крепостью Императора Петра Великого, Морское ведомство внесло в проект крепости ряд изменений. Прежде всего моряки отказались от использования 279-мм гаубиц. Морское ведомство и раньше пыталось доказать всю бесполезность их применения в береговой обороне, так как к тому моменту, когда неприятель подойдет на расстояние досягаемости гаубиц, последние непременно будут уже уничтожены его крупнокалиберной артиллерией. Вместо тридцати шести 152-мм и двенадцати 120-мм пушек, размещенных в разных местах приморского фронта в качестве противоминной и вспомогательной артиллерии, моряки решили установить 48 130-мм корабельных пушек. Эти пушки, имевшие более высокие баллистические данные, как раз начали поступать на вооружение флота.

На батарее № 8 решили вместо 305/52 пушек разместить 356/52. Но вскоре вернулись к 305/52 пушкам, но уже на более важной батарее № 10. 152/45 батареи на северной оконечности о. Нарген и южной — Макилото заменили 203/50 в башенных установках.

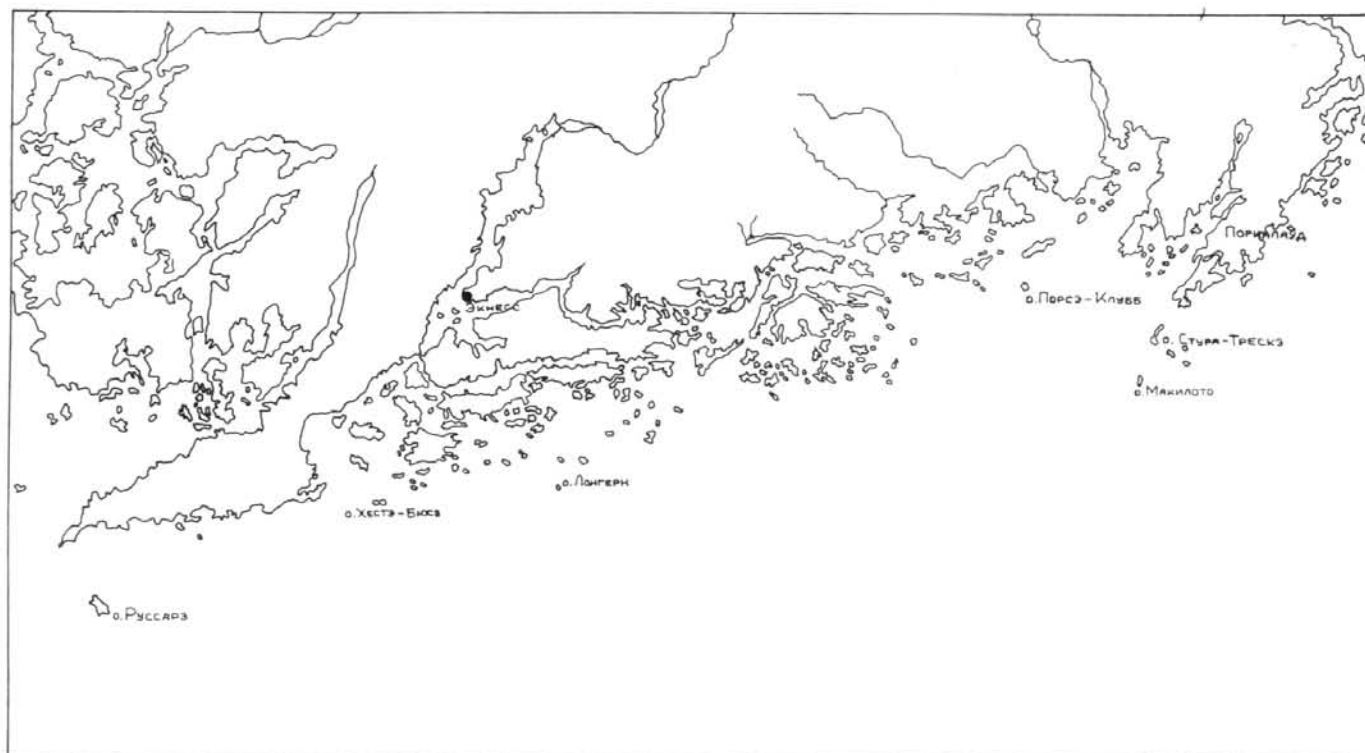
Но главное изменение заключалось в том, что Морское ведомство включило в состав крепости район северного берега Финского залива от Свеаборга до Твермина. Этот район получил название флангово-шхерной

позиции в отличие от центральной, включавшей в себя укрепления у Ревеля и на о. Макилото.

Почти все побережье Финляндии — это непрерывная череда шхер, иногда выдающаяся в море на несколько миль. Флангово-шхерная позиция, то есть участок, непосредственно примыкавший к центральной позиции, имел огромное значение для успешного взаимодействия береговой обороны и флота.

Плавание здесь было чрезвычайно сложным. Несмотря на наличие навигационных знаков, командиры русских миноносцев не решались входить сюда без лоцманов. А учитывая явную враждебность в тот период финнов к России, считалось крайне опасным попадать в зависимость от финских лоцманов. Еще будучи командующим дивизией эскадренных миноносцев Балтийского моря (переименованной позднее в 1-ю минную дивизию) капитан 1 ранга Н.О. фон Эссен, прекрасно понимая это, в 1906 году самым решительным образом взялся за изучение шхер. Для чего первым делом запертил командирам миноносцев брать лоцманов, приняв на себя всю ответственность за последствия¹.

Наряду с изучением шхер предлагался еще один весьма оригинальный способ освоения этих районов. Взять в аренду или откупить в собственность наиболее важные острова и заселить на них русских поселенцев.

Северный берег Финского залива

1 РГА ВМФ. ф.р-29, оп.2, д.43, л.22.

2 Б.П. Дудоров. Адмирал Непенин. СПб. 1993. стр.118.

"обязательно из побережных или приречных казаков, непременно из старообрядцев или других сектантов. Народ этот стойкий и не поддается никакому инородческому влиянию. При этом следует оказывать им помощь от казны с обязательством изучить шхеры и проводить военные суда".¹

Сектанты на островах не поселились, а последствия деятельности 1-й минной дивизии были таковы, что вскоре Морское ведомство создало специальную комиссию по обзору финских шхер, открывшую ряд новых глубоководных фарватеров. Эта часть финляндского побережья много лет была ареной шведско-русских войн. Немало славных побед одержали здесь русские шхерные флотилии.

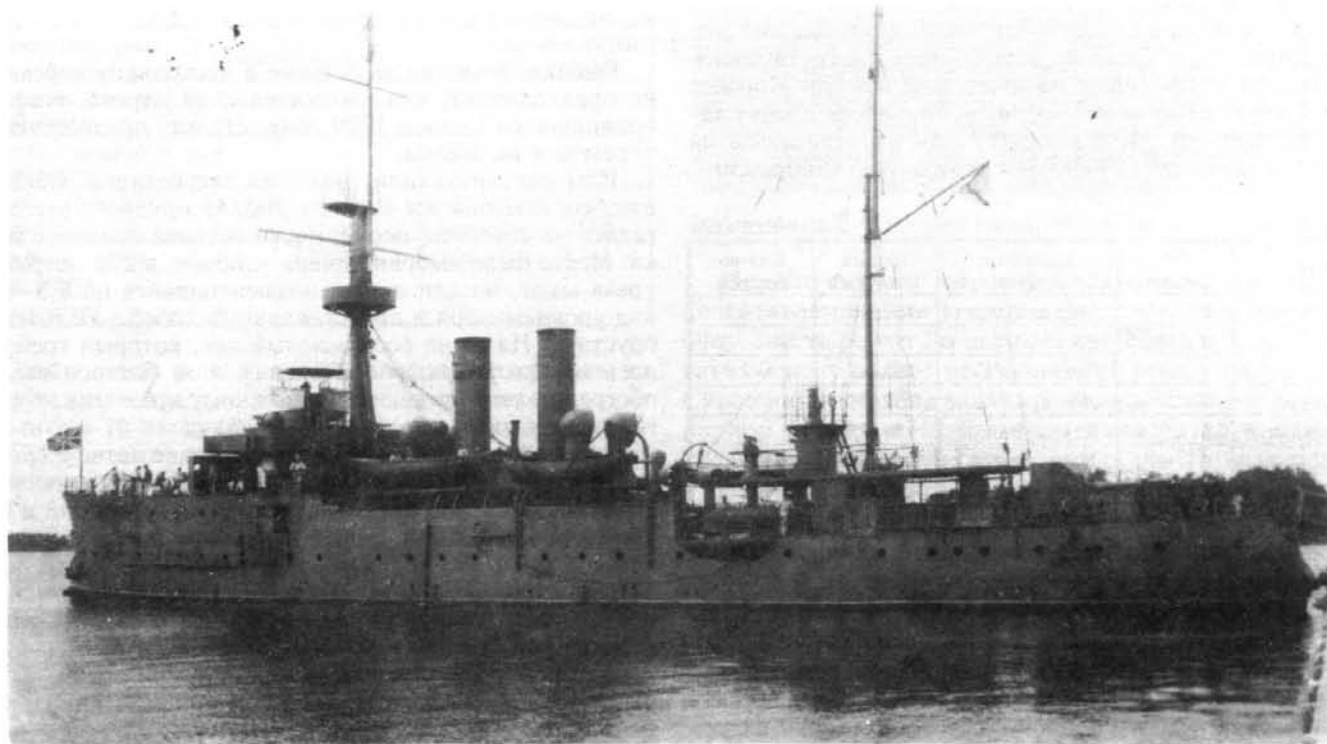
Крепость Свеаборг располагается на островах, прикрывающих полуостров Ульрикасборг, на котором в 1550 году был заложен город Гельсингфорс. Первые укрепления Свеаборга — "Северного Гибралтара" — шведы начали строить в 1749 году. С 1809 года в крепости находился русский гарнизон.

От Свеаборга до Поркалауда можно дойти по двум шхерным фарватерам: большому и расположенному чуть севернее "10-футовому". Ближе к материку расположен еще один фарватер, но более мелкий (6-футовый) и короткий.

Полуостров Поркалауд с запада, а острова Стура-Трескэ и Реншер с востока окружают Поркалаудский рейд, доступный для самых больших кораблей. Эти же

острова вместе с островами Милла-Треске и Макилото образуют рейд Трескэ, несколько меньшей площади и менее глубокий. Далее финский берег идет на северо-запад и здесь чрезвычайно насыщен шхерами. Между ними имеются извилистые проходы, как вдоль берега, так и перпендикулярно материку. Шхеры в этом районе разделяются на Барээундские и Юссарские, названные так по именам Барээундского плеса и острова Стура-Юссарэ. Далее между островами Тверминэ и Хестэ-Бюссэ располагаются Экнесские шхеры. Здесь 31 мая 1854 года английские пароходно-фрегат и шхуна атаковали город Экнесс, но были отбиты четырьмя 12-фн орудиями и полувзводом русской пехоты. К северу от острова Тверминэ находится обширный бассейн, вмещающий целый флот. Глубины здесь достигают 30 метров. С запада бассейн ограничивается полуостровом Гангэ. Самое узкое место полуострова — перешеек между бухтами Драгесвик с восточной стороны и Лапвик с западной. Именно здесь, на "переволоке" в июне 1713 года Петр I приказал строить укрепления, пытаясь перетянуть свой галерный флот в тыл шведам. Здесь полковник Генерального штаба Леонтьев в 1906 году предложил прорыть канал, что, по его мнению, "доставило бы нашим минным судам чрезвычайно крупную в тактическом плане выгоду внутреннего сообщения между Финскими и Абоскими водами".²

В 1789 году шведы построили на Гангэ небольшую крепость. До сих пор сохранились развалины фортов

Канонерская лодка "Бобр"

1 РГА ВМФ. ф.315.оп.1.д.1204.л.36.

2 РГА ВМФ. ф.315, оп.1.д.1196.л.119.

этой крепости на островах Густавсверн и Густав-Адольф. Заняв в 1808 году полуостров, русские инженерные войска построили здесь еще несколько укреплений, которые в 1854 году подверглись сильной атаке англо-французского флота, но не уступили. И еще долгие годы полуостров Гангэ, теперь больше известный под названием Ханко, сохранял свое огромное значение в системе береговой обороны Балтийского моря.

Здесь заканчивалась флангово-шхерная позиция. Из описания позиции видно, что основная задача ее обороны сводилась к тому, чтобы не допустить проникновения противника на внутренние фарватеры. С другой стороны, владение флангово-шхерной позицией позволяло нашему минному флоту, базируясь на ней, держать под своими ударами противника, атакующего центральную позицию.

Наиболее важными участками позиции были так называемые шхерные узлы, то есть входы и выходы из внутренних фарватеров. Здесь и требовалось установить береговые батареи. Причем широкая полоса подводных банок и прочих опасностей не позволяла линейному флоту противника, оснащенного крупнокалиберной артиллерией, подойти к шхерным узлам на дистанцию действительного огня. В борьбе против остальных типов судов можно было обойтись калибром 152 мм. И в 1909 году Морское ведомство начало подготовку к строительству здесь ряда береговых батарей. Первоначально предполагалось смонтировать лишь основания для орудий, а установку орудий и окончательное оборудование батарей произвести с объявлением мобилизации. Однако маневры 1910—1911 годов показали, что такая постановка вопроса является ошибочной, так как стало очевидным, что батареи должны быть готовы к боевым действиям с самого первого дня объявления мобилизации. А это было возможно лишь в случае постоянного характера самих батарей. В 1911 году Морское и Военное ведомства совместно подготовили проект таких батарей, которые должны были располагаться на северном побережье Финляндии следующим образом:

Таблица №2

Район	№ батареи	Название острова	Орудия (мм/клб)	Кол-во орудий
Тверминэ	1	Милли-Ландет	152/45	4
—	2	Куэн	75	4
	3	Хестэ-Бюссэ	152/45	4
Юссаре	4	Лонгерн	152/45	4
Поркалауд	5	Стура-Фаре	152/45	2
	6	Порсе-Клубб	152/45	2
	7	Стура-Трескэ	152/45	4

Все батареи предполагалось снабдить пулеметами и 4,5-футовыми дальномерами Барра и Струда. На островах Хестэ-Бюссэ и Стура-Трескэ кроме того должны были находиться наблюдательные посты.

Первые батареи строил экипаж канонерской лодки "Бобр" под руководством своего командира лейтенанта А. Кирилина. Работу начали с островов Хестэ-Бюссэ и Стура-Трескэ. Матросам приходилось ломами долбить каменистую почву этих островов. Все лето ушло на строительство фундаментов. В конце сентября 1912 года

канонерская лодка "Бобр" доставила на острова 152-мм орудия. К зиме их установили и законсервировали, выставив охрану.

С включением фланговой позиции в состав крепости молодые офицеры ст. лейтенант Леонтьев и лейтенант Довконт весьма подробно разработали ее организацию. Она включала в себя оборону фарватеров береговыми батареями и канонерскими лодками, навигационное обеспечение плавания в шхерах, боевое расписание в случае начала военных действий. При этом район флангово-шхерной позиции был расширен к западу, включая о.Руссарэ. Комендант крепости вице-адмирал А.М.Герасимов высоко оценил работу Леонтьева и Довконта.

Примерно в то же время, стремясь как можно скорее иметь прикрытие новой базы флота, Морское ведомство начало работы на о.Нарген. Огромное значение этого острова для защиты подходов к Ревельскому рейду признавалось еще в Петровское время. В 1727 году на южном берегу острова был построен "шанец о пяти бастионах". Отсутствие твердых взглядов на Ревель как морскую базу флота привело к тому, что со временем этот "шанец" пришел в упадок. И к началу XX века от него остался один фундамент.

Остров Нарген вытянут с севера на юг на 8,3 км, а его наибольшая ширина — 3,7 км. В то время остров почти весь был покрыт лесом, и лишь в южной части имелась широкая просека. Ее створ с верхним маяком полуострова Суруп проходил через банку Литтегрунд и позволял судам входить в Ревельскую гавань, не прибегая к помощи лоцманов, живших на Наргене. На северной оконечности острова стоял маяк, при котором имелся тяжелый колокол. Во время тумана смотритель маяка звонил в него, прерываясь не более чем на пять минут.

Рыбаки, жившие на острове в нескольких деревнях, не предполагали, что изыскательская партия, впервые появившаяся здесь в 1909 году, станет предвестником перемен в их жизни.

Изыскатели уехали, наметив две батареи. Одна из них, состоявшая из четырех 203/45 орудий¹, располагалась на северной оконечности острова западнее маяка. Место было выбрано очень удобное, в 270 метрах от уреза воды, позади дюны, возвышавшейся на 8,5—9 м над уровнем моря и представлявшей собой уже готовый бруствер. На дюне рос сосновый лес, который требовалось только разрядить. В задачу этой батареи входил обстрел подступов с запада к южному краю минного заграждения линии Ревель—Поркалауд.

Вторая батарея имела в своем составе четыре 152/45 орудия и находилась на юго-восточной оконечности острова. Она должна была обстреливать Сурупский и Наргенский подходы к Ревелю. Причем предполагалось, что северная 203-мм батарея с вводом крепости останется в строю, а юго-восточная 152-мм будет заменена новыми 120-мм пушками, имевшими большую скорость стрельбы.

Батареи строили матросы канонерской лодки "Храбрый" под руководством своего командира капитана I ранга Хоменко.

Сначала построили пристань, затем проложили "дековильную" железную дорогу.² Все делалось вручную, как и на флангово-шхерной позиции. Здесь, правда,

1 РГА ВМФ ф.479 оп.1 д.115 л.21-а.

2 Первоначально здесь предполагалось установить 203/50 орудия, но из-за отсутствия орудийных станков решили поставить снятые с бывшего когда-то эскадренным броненосцем, а теперь учебного судна "Император Александр II"

3 Переносная железная дорога, изобретенная в начале 1880-х годов французским инженером Дековилем.

почти не было камней. Матросы валили вековые сосны и на плечах перетаскивали тяжеленные стволы. Вручную по "дековильной" дороге перевозили орудия и другие тяжелые части установок. Зимой 1912 года удалось установить и испытать лишь орудия южной батареи. Затем их зашили досками, оставив лишь охрану. На северной батарее смонтировали бетонные основания, сами же пушки оставили пока в Ревеле.

Эти работы не слишком затронули жизнь местных жителей. Когда же весной 1914 года началась подготовка котлованов под башенные установки, то положение резко изменилось. Глубина башенного котлована 305-мм установки составляла 7,4 м, 356-мм — 8,5 м. В результате резко уменьшилось количество воды в колодцах, а когда от южной пристани стали прокладывать железную дорогу для перевозки крупногабаритных частей башенных установок, стало окончательно ясно, что мирным жителям нет места на острове. Приказом коменданта крепости А.М. Герасимова была создана специальная оценочная комиссия, которая проводила опись "отчуждаемых" земель на всей территории крепости. Крестьяне, чьи земли мешали строительству, получали суммы денег, достаточные для того, чтобы начать жизнь на новом месте.

Тем временем начались работы и на о.Макилото. Но здесь в отличие от о.Нарген земли почти не было — лишь скалы, поэтому на начальном этапе основным инструментом стала взрывчатка.

Здесь работы продвигались медленно, поэтому на центральной позиции в 1913 году планировалось ввести в строй лишь следующие батареи:

Таблица № 3

Место установки батареи	Кол-во орудий	Калибр и длина ствола
о.Нарген (северный берег)	4	203/45
---/--- (восточный берег)	4	120
---/--- (южный берег)	4	152/45 закончена в 1912
п-в Вимс (западный берег)	4	120
м.Какомяги	4	120

Однако из-за задержек в финансировании работы на этих батареях продвигались крайне неритмично, и в результате к 16 июля 1914 года, то есть ко дню объявления мобилизации готовыми к боевым действиям оказались лишь шесть батарей:

Таблица № 4

Место установки батареи	Кол-во орудий	Калибр длины ствола	Дальность (кабельтовы)
о.Нарген (север)	4	203/45	70
о.Нарген (юг)	4	152/45	62
о.Стура-Трескэ	4	152/45	62
о.Лонгрен	4	152/45	62
о.Хестэ-Бюссэ	4	152/45	62
о.Милли-Ландет	4	152/45	62

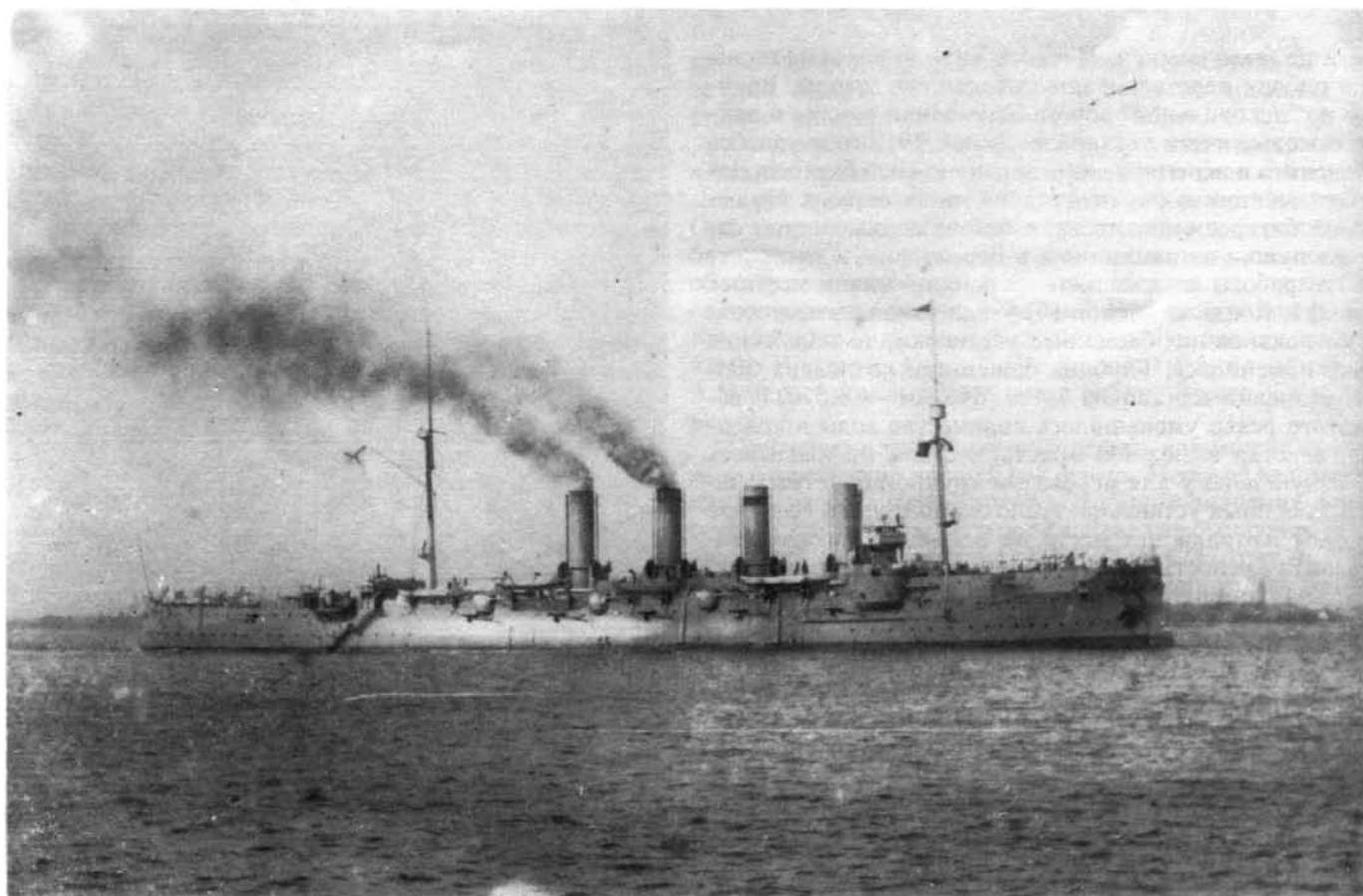

Командующий Балтийским флотом Н.О. фон Эссен

Начало первой мировой войны заставило срочно вносить изменения в планы расположения батарей и очередность работ. Во-первых, потребовалось организовать оборону входов на Ревельский рейд у полуострова Суроп и о.Вулф. Эта задача решалась установкой на западном берегу о.Нарген временной батареи из пяти 203/45 орудий, снятых с учебных судов "Петр Великий" и "Император Александр II", а также ранее запланированной батареей четырех 120-мм орудий на м.Какомяги. На западном берегу о.Вулф разместили четыре 75-мм орудия на тумбовых установках.

Во-вторых, стала одной из главных задач защиты центрального минного заграждения. Для этого на южном берегу о.Макилото началось строительство временной батареи из четырех 203/45 орудий, снятых с крейсера "Россия".¹ С вводом в строй батареи двухорудийных башенных установок 203/50 временную батарею предполагалось упразднить.

Кроме того, весьма остро встал вопрос о снабжении крепости прожекторами. В начале 1914 года Морское министерство заказало для крепости 32 прожектора ди-

Крейсер "Россия"

аметром 210 см итальянской фирме "Оффичине Галилео". Перед войной успели получить лишь один, предназначенный для испытаний. С началом войны договор был расторгнут, и Крепостной распорядительный комитет устроил конкурс среди русских электротехнических фирм. По его результатам заказ на 16 прожекторов диаметром 200 см передали русскому отделению фирмы "Симменс-Шуккерт", а прожектора меньших диаметров (всего 60 штук) — Акционерному обществу электромеханических сооружений (б.Дюфлон и Константинович).¹ Пока же, до получения этих прожекторов, пришлось прервать испытания итальянского прожектора и установить его на п-ове Вимс. Выручило Военное ведомство, передавшее в крепость из своих запасов три прожектора диаметром 200 см и три диаметром 150 см. После гибели крейсера "Магдебург" два его 110-см прожектора передали: один на северный берег о.Нарген, а другой на п-ов Суруп, установив его близ деревни Мерре впереди строившейся батареи из четырех 75-мм орудий крейсера "Россия".

Первые дни войны крепость Императора Петра Великого и весь Балтийский флот жили ожиданием решающего сражения с германским флотом. Батареи в срочном порядке комплектовались личным составом, а командовать ими уходили артиллерийские офицеры кораблей флота. Командование было уверено, что эти первые дни и даже часы решат участь флота и подступ

пов к столице. В три часа ночи 20 июля 1914 года Н.О. фон Эссен вышел со своей малочисленной эскадрой на центральную позицию. Ясно сознавая роковой исход ожидаемой встречи с германским флотом, глядя на скрывающиеся в утреннем тумане контуры Свеаборгских фортов, он сказал окружающим его членам штаба "Немногим из нас суждено будет вновь увидеть нашу базу".²

А немцы и не собирались атаковать Петроград. Оперативный приказ начальника германского МГШ для Балтийского театра от 17 июля 1914 года гласил: "Главная задача: насколько возможно мешать наступательным операциям русского флота".³

В ночь с 5 на 6 августа случилось то, чего меньше всего ожидали в Морском ведомстве. В районе северного мыса Тахкона (о. Даго) посередине залива подорвались на минах два голландских парохода, шедших из Петрограда. Н.О. фон Эссен, сообщая об этом командующему VI армией, писал: "...гибель этих пароходов дает указание, что немцы набросали минные заграждения: устье Финского залива... это указывает на отсутствие намерения входить в Финский залив и желание загораздить нашим судам выход в море".⁴

У германского флота был более серьезный противник — "Grand Fleet" "владычицы морей" Англии, вступившей в мировую войну 5 августа. На Балтике вздохнули с облегчением. Крепость Императора Петра Великого получила передышку.

1 Там же. ф.418. оп.1.д.349.л.182.

2 РГА ВМФ. ф.р-29. оп.2.д.13.л.3.

3 Морской сборник. №1.1928.стр.18

4 РГА ВМФ ф.р-29,оп.2.д.43.л.32

Артиллерия крепости

В начале нашего повествования уже говорилось о том, что русская береговая артиллерия значительно отстала в своем развитии от корабельной. Это было вызвано тем, что стремление последней к новым рубежам обуславливалось самими условиями, в которых она существовала. Все возрастающая скорость изменения дистанции стрельбы, качка, жесткие требования по габаритам и весу заставляли морских артиллеристов интенсивно работать над совершенствованием орудий, лафетов, способов стрельбы.

На берегу все было иначе. "Щадящие" условия неподвижности действовали успокаивающе, но главное — русская береговая артиллерия находилась в руках людей, на удивление глухих к новым веяниям. Многие оригинальные разработки русских инженеров не доходили даже до опытных образцов. В то время, как в Европе и Америке активные поиски принципиально новых оборонительных форм (железнодорожная артиллерия, скрывающиеся станки, броневые башни) приносили ощутимые результаты, в России благодаря усилиям известного инженера генерала К.И.Величко и некоторых других сложилось мнение, что русская фортификационная школа должна идти своим путем. Строительство шести броневых башенных установок системы К.Кольза на форте "Милютин" Кронштадтской крепости (длвшееся с 1867 по 1873 г.) было исключением, подтверждающим правило. В то же время изготовление брони на русских заводах в тот период было столь трудным делом, что многие специалисты с большой легкостью соглашались с доводами К.И.Величко и Л.Фримана, выступавших против использования башенных установок в береговых укреплениях и крепостях. Такое отношение к броневым закрытиям привело к созданию крайне неудачного типа открытой батареи. Орудия располагались за бетонным бруствером в одну линию и разделялись бетонными траверсами. Причем и бруствер, и частично траверсы служили погребями для боеприпасов. Это объяснялось желанием сократить время ручной подачи боеприпасов, так как какие-либо механизмы для этого не применялись. Таким образом орудие находилось под прикрытием своих же снарядов.

Даже в начале XX века на вооружении русских приморских крепостей имелись орудия образца 1867 года, основу же составляли орудия образца 1877 и 1887 годов (см. таблицу № 5).¹

Таблица № 5

Орудие	Длина (клб)	Вес снаряда (кг)	Нач. скорость (м/сек)	Дальность (км)	Скорострел. (в/мин)
279-мм обр.1877г.	21	245,7	455	8,5	
279-мм обр.1877г.	35	344,4	626,3	12,4	0,33

254-мм обр.1895г.	45	225,5	777,8	20,5	0,5
229-мм обр.1877г.	22	131	457,5	10,7	0,33
152-мм Канэ	45	41,4	777,8	13,2	5
152-мм обр.1877г. вес 190 пуд.	22	33,2	457,5	8,8	1
152-мм обр.1877г. вес 120 пуд.	21	33,2	417,2	8,3	1,5
107-мм обр.1877г. батарейная	20	15,6	411,8	5,3	1,5
279-мм обр.1877г. мортира	10	293,2	305	8,7	0,33
229-мм обр.1877г. мортира	10	137,4	320,3	7,7	1,5

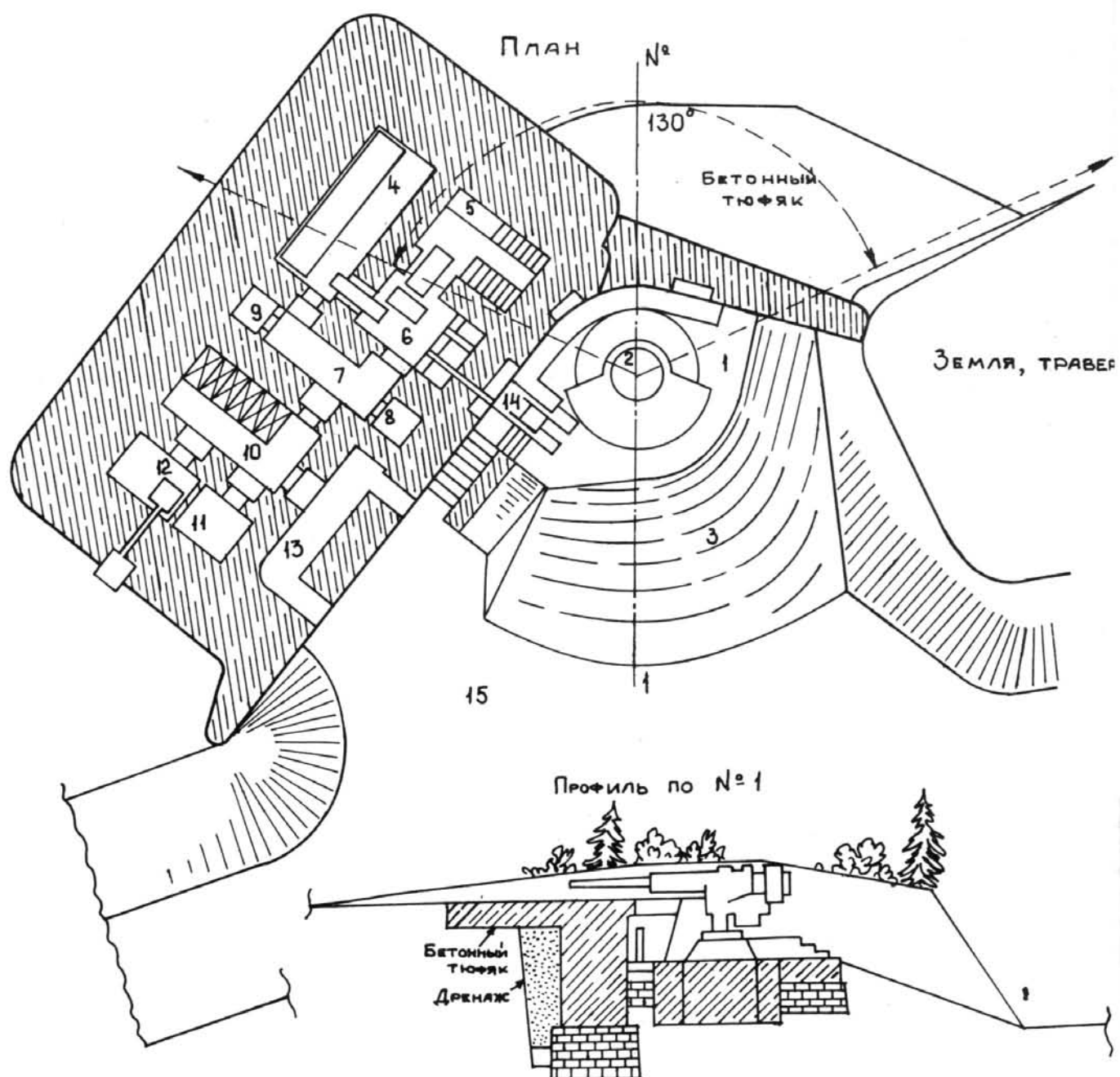
Исключение составляли 152-мм пушка Канэ и 254-мм пушка А.Ф.Бринка обр. 1895 г., но их в целом неплохие баллистические данные использовались далеко не в полной мере из-за низкого уровня орудийных станков. Например, для 254-мм пушки генерал-лейтенант Р.А.Дурляхов² разработал установку, которая во многом была повторением установок эпохи примитивных ручных механизмов. Она вращалась не на центральном штыре, как это было принято повсеместно для крупного калибра, а на переднем. В результате для поворота орудия требовались четыре человека, причем им приходилось прилагать такие усилия, что через полчаса интенсивной работы их приходилось менять. О какой бы то ни было скорости горизонтального наведения говорить не приходилось. Если же противник двигался достаточно быстро, например, со скоростью 30 узлов, то наведение становилось столь трудным, что приходилось "закладывать" линию прицеливания вперед и ждать подхода цели. Это, кстати говоря, вполне соответствовало тем способам стрельбы, которые применялись в береговой артиллерии того периода. "Правила артиллерийской стрельбы № 3", утвержденные в 1913 году для корабельной артиллерии, среди прочих методов предусматривавшие три способа пристрелки, не могли быть применены к артиллерии береговой. Устаревшие прицельные приспособления вынуждали пользоваться столь же устаревшими методами стрельбы "при пособии дальномера", "при пособии шкворневых приборов" и без приборов вообще.³

Все это в комплексе с низкими скорострельностью и дальностью стрельбы делало русские приморские крепости неспособными на равных бороться с линейными флотами ведущих морских держав. Казалось бы, бомбардировка Свеаборга соединенной англо-французской эскадрой в августе 1855 года должна была стать хорошим уроком для Военного ведомства. Но этого оказалось недостаточно, а второй подобной трагедии в Рос-

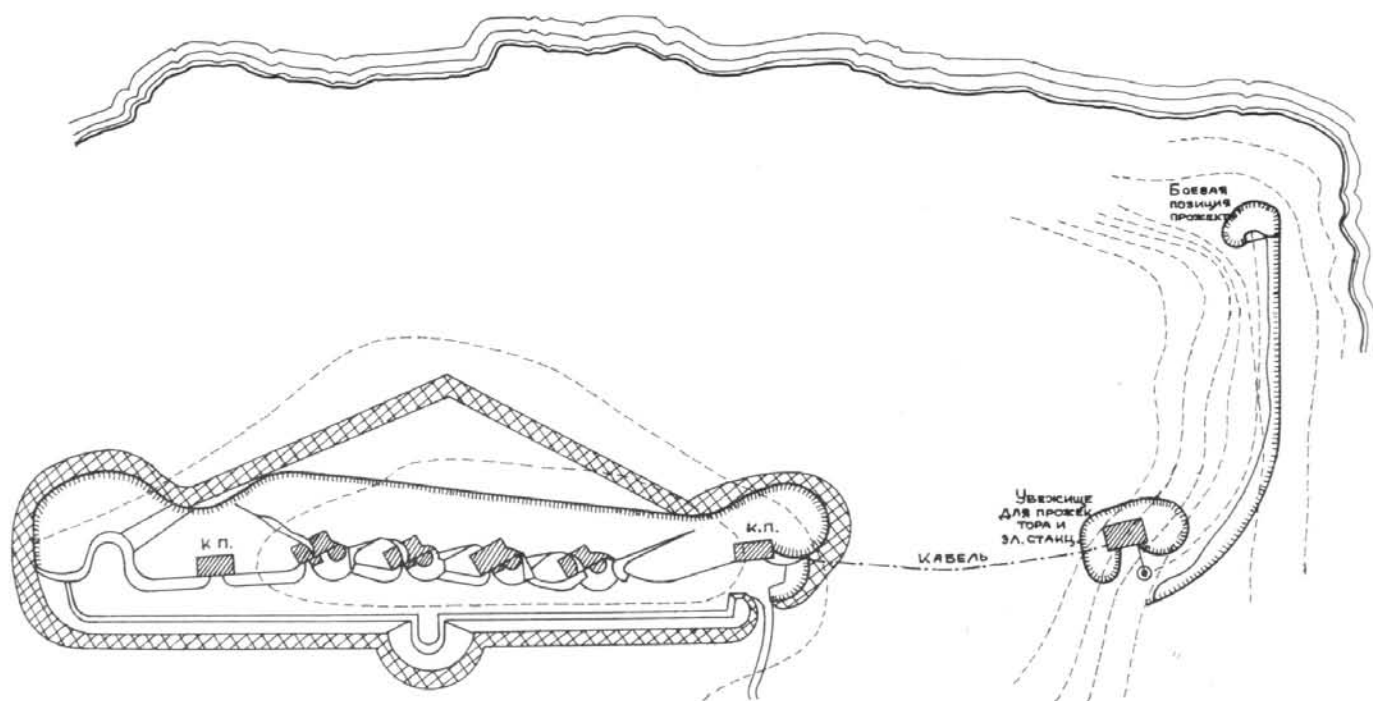
¹ А.П. Денисов, Ю.Г. Перечнев. Русская береговая артиллерия. М.1956. стр.116,192.

² Такую фамилию стал носить Р.А. Дурляхер после того, как сменил иудейскую веру на православную.

³ А.П. Денисов, Ю.Г. Перечнев. Русская береговая артиллерия. М.1956. стр.195.

Орудийное гнездо с траверсом для 120/45 (или 130/55) мм пушек

Общее расположение береговой батареи на четыре 120/45 (или 130/55) орудия с командным постом и проекторной установкой

сии не было вплоть до русско-японской войны. Однако опыт и этой войны позволил некоторым военным специалистам в России сделать весьма оригинальный вывод: "Артиллерийское вооружение крепостей, хотя и является устарелым сравнительно с вооружением судов, но, как доказал опыт Артура, оно может успешно вести борьбу с атакующим крепость неприятельским флотом".¹ Поэтому совсем неудивительно, что когда речь зашла о строительстве новых батарей в Либаве, ГИУ (Главное инженерное управление) в докладе от 16 декабря 1904 года весьма робко высказалось о том, что закрытые установки заслуживают большего внимания, чем открытые. И на практике дело не продвинулось дальше разработки задания для конкурса проектов береговых башенных установок. В начале 1906 года ГИУ разослало петербургским заводам условия конкурса, которые предлагали "составить проект береговой батареи с башенными установками и всеми необходимыми при них казематами, каждая башня на две 305-мм пушки длиной в 40 калибров. Броня и бетон должны соответствовать действию современной судовой артиллерии".² Однако для ГИУ это дело оказалось слишком сложным, и оно не смогло в должной мере оценить представленные проекты. И, кроме того, 18 июля 1906 года МТК (Морской технический комитет) утвердил чертеж нового 305/52 орудия. Такие орудия предназначались для вооружения первых русских dreadnoughts. Причем на данном этапе вопрос заключался в том, сколько орудий разместить в одной башне: два или три. Вопрос, вскоре решенный в пользу второго варианта.

ГАУ (Главное артиллерийское управление) Военного ведомства тоже решило использовать эти пушки в береговой обороне. Однако при выборе типа установки снова сказались непонимание тех условий, в которых будет действовать береговая артиллерия, противостоя атакующему флоту. ГАУ долго не могло определить, сколько орудий ставить в установке: одно или два, закрывать их броней или нет. И в конце концов остановилось на открытых одноорудийных установках. Решающими, видимо, оказались соображения экономического порядка.

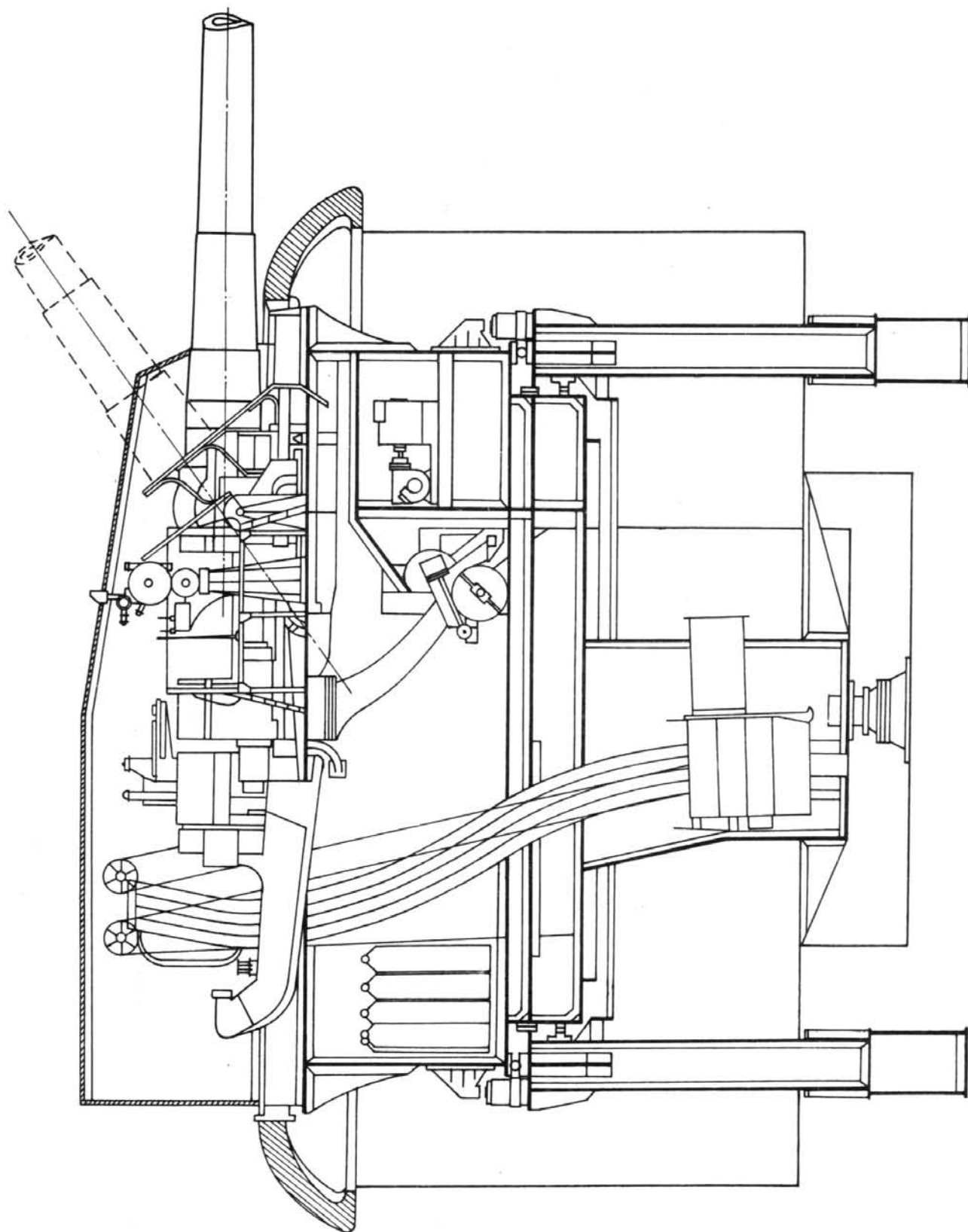
В сентябре 1909 года ГАУ провело конкурс проектов между петербургскими заводами: Металлическим, Обуховским и Путиловским. Эти три завода вот уже на протяжении 20 лет вели жесткую конкурентную борьбу при распределении заказов Морского и Военного ведомств. Периодически в конкурсах проектов принимали участие крупные европейские фирмы "Форж е Шантье" (Франция), "Армстронг" и ряд других, а также некоторые российские заводы. Но основной спор вели три столичных гиганта. Каждый из них имел собственное конструкторское бюро. В 1909 году ими руководили опытные инженеры, ставшие впоследствии техническими директорами своих заводов. На Обуховском заводе это был генерал А.П.Меллер, на Путиловском — Л.Ф.Бишлягер, а на Металлическом — А.Г.Дукельский. Именно их усилиями создавалась в России корабельная и береговая артиллерия нового поколения.

Проект 305-мм одноорудийной открытой установки, разработанной Металлическим заводом, оказался лучшим, и ему в конце 1910 года передали заказ на восемь

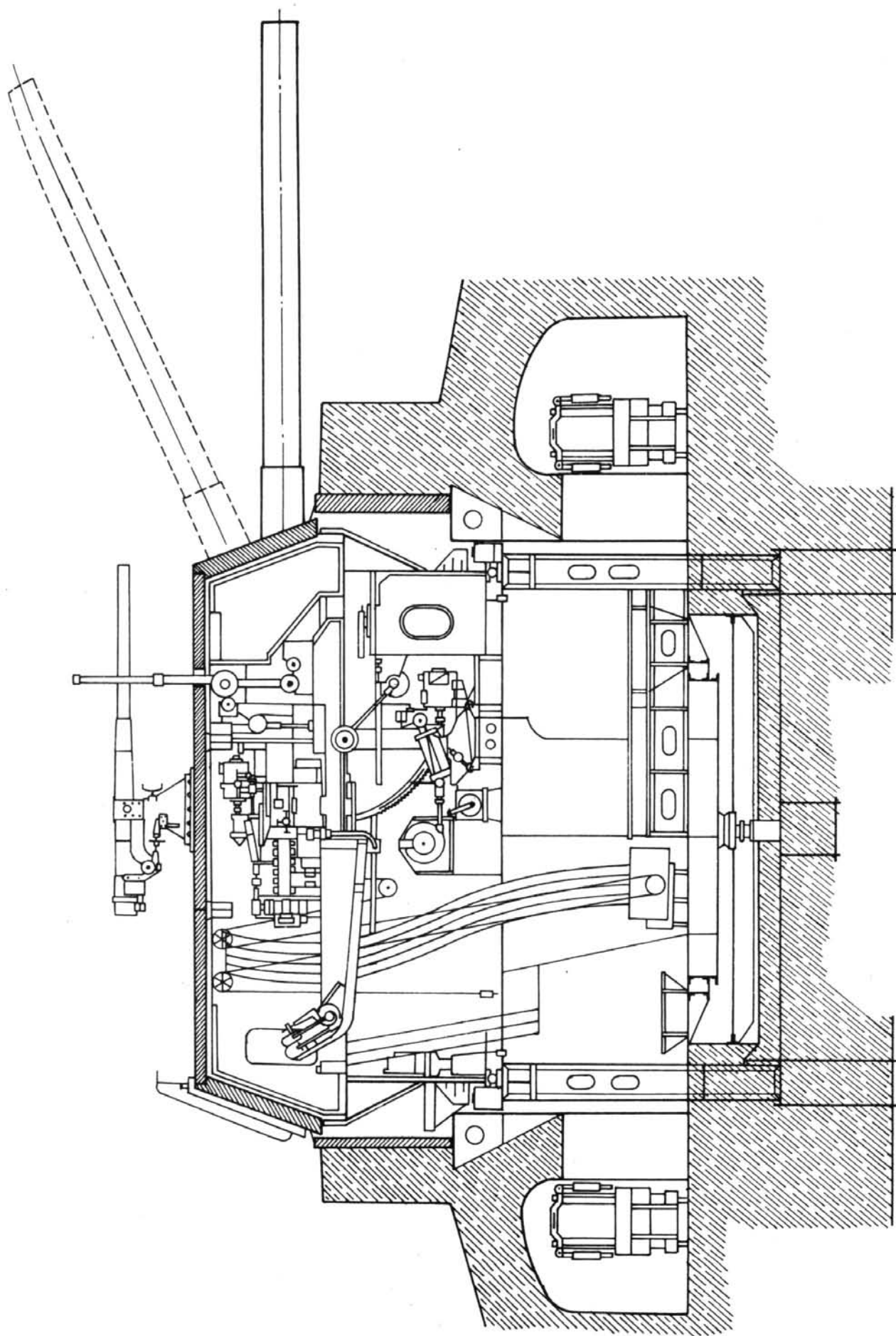
1 А.П. Денисов. Ю.Г. Перечнев. Указ. соч. стр.194

2 А.Г. Дукельский. Исторический очерк проектирования и изготовления башенных установок в России. 1886—1917 гг. М.1931. стр.387.

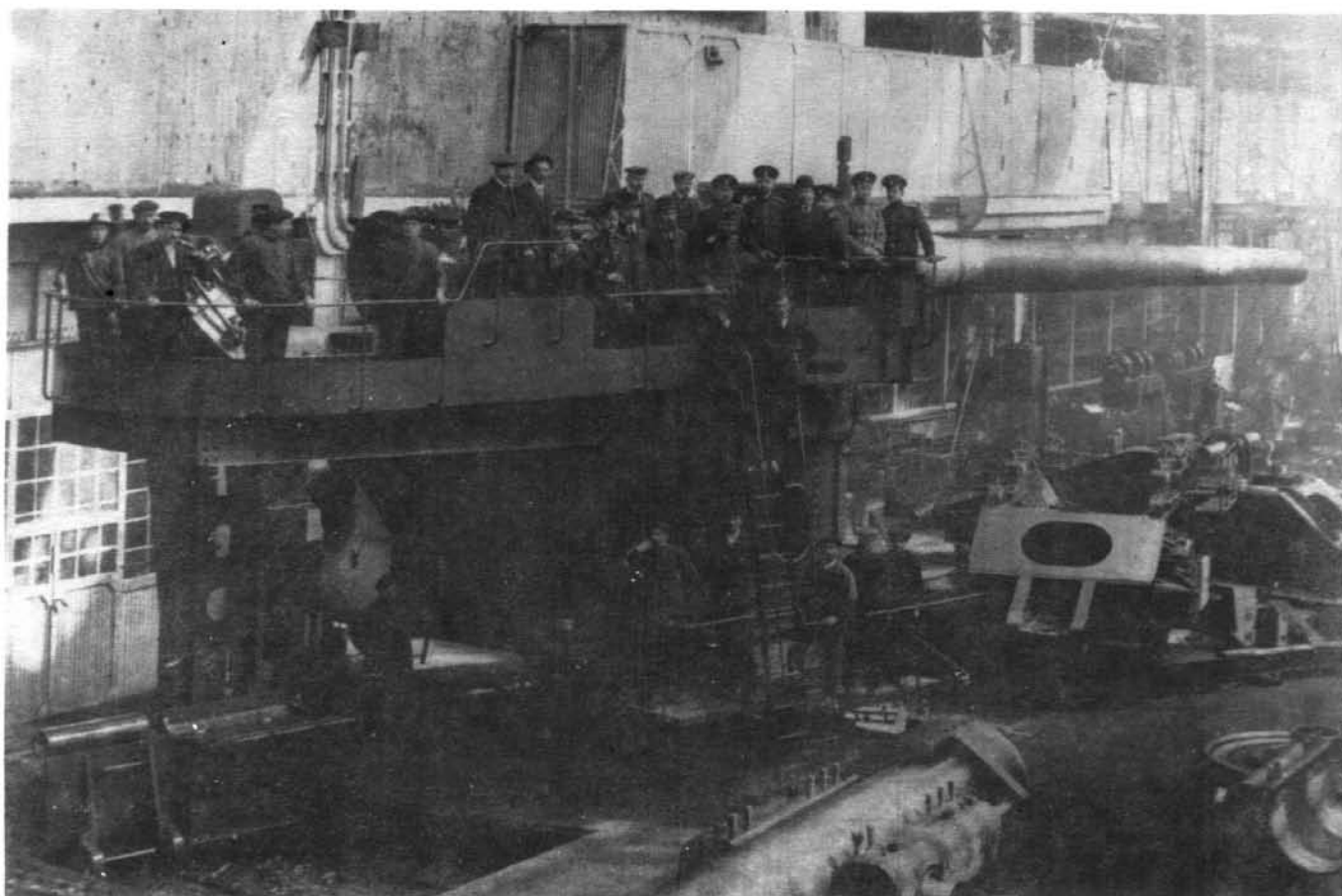
3 Технический директор — должность, соответствующая современному главному инженеру.

Продольный разрез 305/52 береговой двухорудийной башенной установки.

Продольный разрез 305/52 береговой двухорудийной башенной установки.
Заказ Морского ведомства

*305/52 открытая одноорудийная установка в цехе Металлического завода.
Четвертый справа А.Г. Дукельский*

таких установок для Кронштадтской крепости: четыре для форта Алексеевский (Красная Горка) и четыре для форта Николаевский (Ино).

Металлический завод тем временем, настаивая на необходимости применения башенных установок, представил в ГАУ два таких проекта с одним и двумя орудиями. Проекты разрабатывались на основе трехорудийных башенных установок линкоров типа "Севастополь". Конструкторы лишь несколько изменили форму вращающейся брони, но в целом она осталась того же типа, с вертикальной задней стенкой и наклонной передней. Жесткий барабан установки прикрывался литой кирасой, заделанной в бетон.

Однако ГАУ, приглашая 1 сентября 1911 года заводы на очередной конкурс, отмечало, что необходимо изготовить "12 установок типа морской башни, но без купола".¹ Результаты этого конкурса были объявлены лишь через полтора года, так как весь 1912 год ГАУ пыталось выбрать не только оптимальную конструкцию, но и калибр орудий. В мае 1912 года оно обратилось к столичным заводам с предложением изготовить открытые одноорудийные и башенные двухорудийные 254-мм установки и одновременно направило чертеж новой 356/52 пушки. ГАУ предлагало заводам взять на себя разработку проекта башенной двухорудийной установки с этими пушками, и лишь в начале 1913 года Военное ведомство остановилось на 305-мм двухорудийных башенных установках. В их основу был положен проект Ме-

таллического завода, представленный на конкурс 1911 года. В новом варианте по предложению ГАУ была выбрана новая форма вращающейся брони, приближенная к усеченному конусу. Толщину стенок увеличили до 305-мм против 203 в корабельных башнях линкоров типа "Севастополь" (в этих башнях только задняя стенка имела толщину 305-мм, но лишь для того, чтобы уравновесить установку), а толщину крыши, наоборот, уменьшили до 102 вместо 152 мм. Литую кирасу заменили броней из катаных плит толщиной 152—305 мм. Эти установки предполагалось разместить на фортах Кронштадтской крепости, в Севастополе, Усть-Двинске и Владивостоке. Столь обширные планы были осуществлены лишь частично, но это уже совсем другая история.

А пока в мае 1913 года ГАУ заказало Петербургскому Металлическому заводу 14 двухорудийных береговых башенных установок.

Таким образом, лишь к началу основных работ на Ревель-Поркалаудской позиции в Военном ведомстве сформировалось достаточно четкое представление о наиболее приемлемом типе береговых установок крупного калибра. И это в основном благодаря тому, что корабельная артиллерия смогла добиться выдающихся успехов, создав трехорудийную башенную установку для линкоров типа "Севастополь".

Говоря о береговых башенных установках, нельзя не упомянуть о березанских опытах, сыгравших опреде-

1 А.Г. Дукельский. Указ. соч. стр. 396.

ленную роль в развитии не только этого типа артиллерии, но и фортификации в целом.

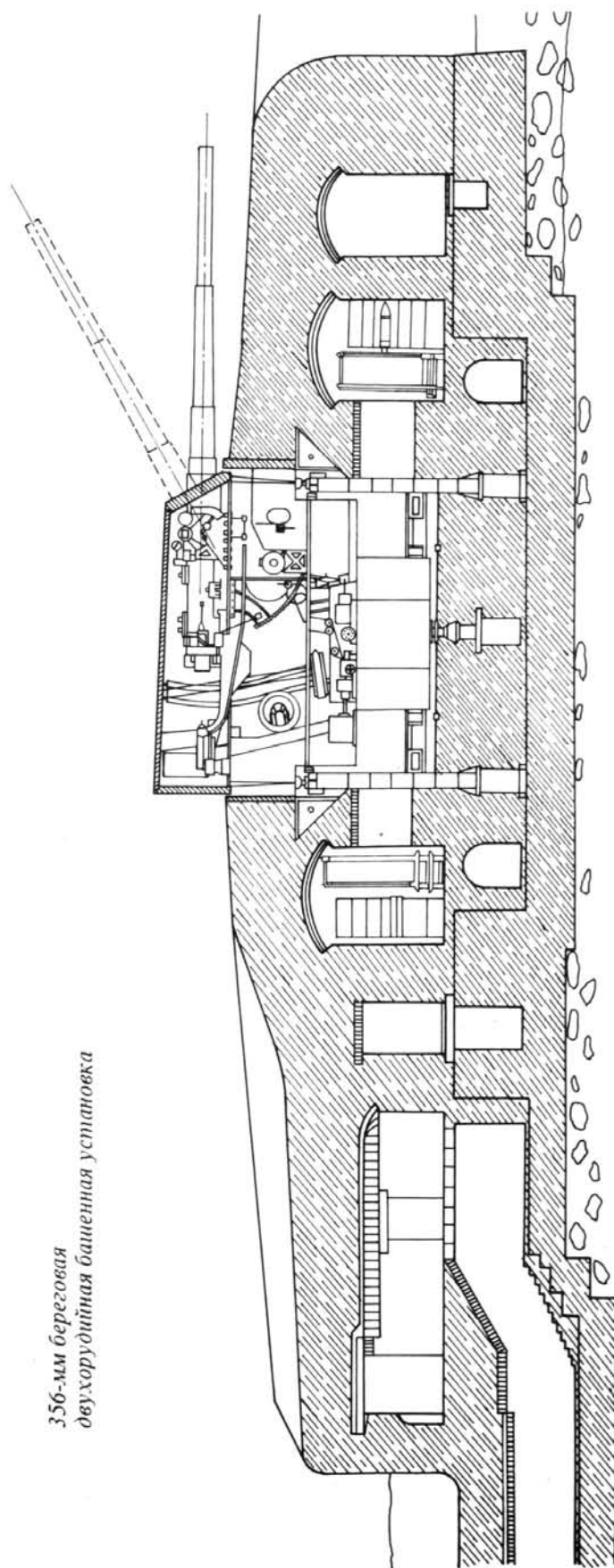
В 1912 году на о.Березань в шести милях от Очакова проводились крупнейшие в России испытания различных форм долговременных фортификационных сооружений. И в том числе обстрелу подвергались три броневые башни.¹ Две французские: скрывающаяся завода "Сен-Шамон" с двумя 75-мм пушками и завода "Коке-риль" с двумя 150-мм, а также русская скрывающаяся башня генерала Фабрицкого с одной 76-мм пушкой.

Результаты березанских опытов не прибавили оптимизма сторонникам сухопутных броневых башен. Все три установки были серьезно повреждены, но это совсем не означало, что данное направление бесперспективно. Просто конструкции сухопутных башен, значительно отличавшиеся от своих корабельных аналогов, требовали серьезных доработок. В частности, более жесткого крепления орудийного станка и броневого прикрытия. По результатам березанских опытов ГИУ смогло выработать ряд ценных мероприятий, сыгравших положительную роль не только в развитии сухопутных башенных установок, но и фортификации в целом.

Взяв в свои руки оборону берегов Финского залива, Морское ведомство решило заказать для приморского фронта крепости Императора Петра Великого 18 скрывающихся башенных установок. В каждой из них предполагалось разместить по два 76-мм орудия.

В отличие от Западной Европы, где скрывающиеся броневые башни начали изготавливать еще в 1880-х годах, российская промышленность не была готова к заказам такого рода. Поэтому для выработки оптимальной конструкции Морское ведомство устроило конкурс проектов, пригласив к участию петроградские заводы: Металлический, Путиловский, Обуховский, Адмиралтейский, а также ОНЗиВ (Общество Николаевских заводов и верфей). При этом заводам разрешили воспользоваться зарубежным опытом и пригласить к сотрудничеству европейские фирмы. Металлический завод заключил контракт с Виккерсом, Путиловский со своим давним партнером — Шнейдером, Николаевский — с заводом "Сен-Шамон". К первому сроку — 15 июня 1914 года — конструкторы не успели разработать свои проекты. Вскоре началась война, и сроки пришлось переносить еще несколько раз, так как чертежи, отправленные из Западной Европы, то задерживались в пути, то вообще терялись. В конце концов все усилия заводов оказались напрасными: вместо 18 скрывающихся башен ГУК (Главное управление кораблестроения) с благословения МГШ решило купить 18 бронеавтомобилей, имевших на вооружении по одной противотурмовой пушке.² Это было значительно дешевле, но в результате крепость Императора Петра Великого не получила орудий, столь необходимых для отражения десанта.

И все-таки башенные установки в крепости были. В июне 1913 года настала очередь Морского ведомства проводить конкурсы проектов для крепости Петра Великого.

356-мм береговая
двухорудийная башенная установка

¹ Предполагалось участие в опытах четвертой башни, французской с одним 15-см орудием, но она задержалась в пути, и вместо о.Березань ее отправили на западную границу России в крепость Осовец. Это была единственная русская сухопутная крепость, имевшая на вооружении броневую башню.

² РГА ВМФ. ф.949.оп.2.д.2.л.1.

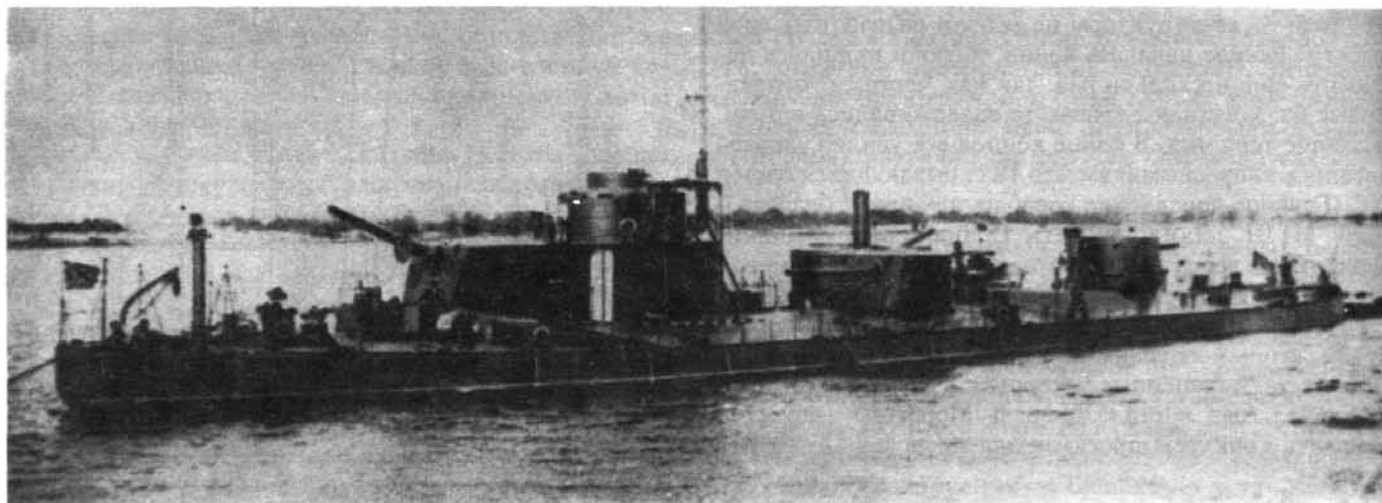
В первую очередь артиллерийский отдел ГУК¹ еще до конкурса скрывающихся башен взялся за 305 и 356-мм береговые башенные установки. И вновь как основа и в том и в другом случае использовались корабельные башни.

По мнению артиллерийского отдела, проекты трехорудийной башни линкоров типа "Севастополь" и двухорудийной береговой башни, заказанные Военным ведомством, могли быть значительно улучшены. Поэтому срок сдачи конкурсных проектов назначался 15 октября 1913 года. Проект трехорудийных 356-мм башенных установок для линейных крейсеров типа "Измаил" выбрал в себя все лучшее, что могла предоставить в тот момент артиллерийская научная и инженерная мысль. Артиллерийский отдел справедливо полагал, что суть этого конкурса должна заключаться в определении оптимального варианта размещения корабельной башни на берегу с учетом уменьшения количества орудий до двух.

В декабре 1913 года Морской крепостной совет постановил заказать Металлическому заводу две 305/52 башенные установки с жесткими барабанами и со сборной на месте по заявленной заводом цене 750000 рублей за каждую башенную установку. Всего для крепости Императора Петра Великого требовалось четыре таких установки, по две на острова Нарген и Вулф. Заказ на вторые установки был сделан позднее, и тот и другой были выполнены за счет Военного ведомства. В середине 1915 года были изготовлены все жесткие барабаны, то есть конструкции, в которых вращается вокруг вертикальной оси собственно башенная установка. Технологически монтаж установок на месте происходил в следующей последовательности. После того, как был вырыт котлован, он бетонировался и в образовавшемся бетонном колодце устанавливался жесткий барабан с нижним горизонтальным погоном боевого штыря. Затем следовала одна из самых ответственных операций — расточка погон. Для этой цели на жестком барабане устанавливался специальный расточной станок. О точности, с какой выполнялась расточка погон, можно судить по величине зазора боевого штыря, составлявшей $2,0 \pm 0,25$ мм.²

Изготовленные Металлическим заводом жесткие барабаны предполагалось отправить в Петроградский порт для хранения в течение зимы 1915/1916 годов и лишь с началом навигации 1916 года перевезти на остров Нарген и Вулф. Однако А.М. Герасимов потребовал, чтобы жесткие барабаны были доставлены в крепость до закрытия навигации 1915 года. Дело в том, что изготовление самих башенных установок на Металлическом заводе задерживалось. Завод, чрезвычайно загруженный заказами Военного и Морского ведомств, не справлялся с их выполнением. Учитывая первостепенное значение Балтийского театра боевых действий, Штаб верховного главнокомандующего распорядился передать в крепость Императора Петра Великого четыре 305/52 башенные установки, только что изготовленные Металлическим заводом по заказу Военного ведомства для Севастопольской и Батумской крепостей (по 2 единицы), обязав Металлический завод после окончания войны изготовить эти четыре установки для Военного ведомства. В сентябре 1915 года все крупногабаритные части севастопольских установок уже находились в Петроградском порту, готовые к отправке на Черное море. Однако вслед за жесткими барабанами они отправились на Балтику.

При размещении башенных установок Военного ведомства в жестких барабанах Морского ведомства больших переделок не потребовалось. Были лишь две проблемы: во-первых, сухопутные башни были несколько ниже морских, поэтому потребовалась добавочная конструкция в жестком барабане под нижним штырем. Во-вторых, снаряды Военного ведомства имели длину 4,5 (1372 мм) калибра при полузарядах длиной 1350 мм, а то время как снаряды Морского ведомства — 5 калибров (1525 мм) при полузарядах 1250 мм. Более длинный снаряд потребовал небольшой переделки зарядника. В целом же благодаря тому, что в основе всех 305-мм установок лежал один и тот же проект, взаимозаменяемость механизмов была достаточно высокой. Это позволило в 305/52 башенных установках крепости Императора Петра Великого использовать два орудийных станка Николаевского завода, предназначавшиеся для чер

Монитор "Шквал"

1 Так с 1911 г. стал называться МТК.

2 Технические условия изготовления и приема крепостных 12-дм башенных установок. П.1914.стр.12.

номорских линкоров. А в одноорудийных открытых установках, о которых речь пойдет чуть ниже, почти все основные механизмы были изготовлены разными заводами для разных установок.

Гораздо сложнее обстояло дело с 356-мм двухорудийными береговыми башенными установками. Их прототип — трехорудийная башенная установка для линейных крейсеров типа "Измаил" разрабатывалась конструкторским бюро Петербургского Металлического завода под руководством А.Г.Дукельского. Его проект был признан лучшим в конкурсе, проводившемся в 1911 году.

В жестких условиях военного времени и нарастающих революционных событий Металлический завод испытывал серьезные затруднения с изготовлением первой корабельной 356-мм башни и в конечном итоге смог собрать ее лишь в самом конце 1917 года (и то без брони и электрооборудования). Поэтому, принимая участие в конкурсе проектов береговых двухорудийных 356-мм башен, Металлический завод не предполагал заниматься их изготовлением. И в результате заказ передали Адмиралтейскому заводу, организовавшему по решению и при финансовой поддержке Морского ведомства новый цех. Здесь, на казенном Адмиралтейском заводе, в противовес частному Металлическому планировалось наладить производство корабельных и береговых башенных установок. Однако Адмиралтейский завод оказался не готов к этой новой для него работе и пригласил к сотрудничеству Путиловский завод. Но и путиловцы, имевшие большой опыт изготовления башенных установок, не смогли справиться с этим заказом, и в итоге 356-мм башни на островах Нарген, Макилото и на полуострове Суруп так и не были достроены.

Более удачно сложилась судьба двух других башенных батарей крепости Императора Петра Великого — 9-й на о.Нарген и 20-й на о.Макилото. Фланкирующий огонь именно их орудий должен был уничтожить прорывающегося к столице неприятеля. Расстояние между батареями позволяло использовать орудия среднего калибра, но, с другой стороны, к ним предъявлялись достаточно высокие требования в части бронестойкости действия и скорострельности. Этим требованиям более всего отвечали 203/50 орудия, разработанные Обуховским заводом для двухорудийных башенных установок линкоров "Андрей Первозванный" и "Император Павел I". Почти в то же время (в 1908 г.) на вооружение русского флота поступил броненосный крейсер "Рюрик", целиком построенный в Англии фирмой Виккерса. Основное артиллерийское вооружение крейсера составляли две 254/50 и четыре 203/50 башенные установки. Эти башни английские конструкторы проектировали на основе того же технического задания, что и Металлический завод башни для линкоров "Андрей Первозванный" и "Император Павел I". Однако английские башни в значительной степени отличались от русских и в большинстве случаев не в лучшую сторону. Это касалось жесткости установки, механизмов горизонтального и вертикального наведения. Несомненным преимуществом английских установок были орудийные станки с пневматическими накатниками. Их отличали высокая надежность, быстрый и в то же время плавный накат.

Разрабатывая береговые 203/50 башни для крепости Императора Петра Великого, конструкторы Металлического завода решили соединить достоинства англий-

ской и русской установок. Они полностью заимствовали орудийный станок Виккерса, заключив с ним договор на поставку восьми штук, а все остальные механизмы имели свое происхождение от 203/50 установок линкоров "Андрей Первозванный" и "Император Павел I".

И все-таки башенные установки были весьма сложной и дорогой системой. Поэтому в 1915 году Морское ведомство вернулось к проекту одноорудийных 305/52 установок, разработанному в 1910 году Металлическим заводом для Кронштадтской крепости. Однако еще во время испытания этих установок на морском полигоне обнаружились некоторые недостатки. Главным из них было так называемое "выхлестывание" задней части станины при выстреле. Это было вызвано не совсем удачным взаимным расположением шарового погона и станины, опирающейся роликами на погон бетонного основания. Впоследствии "выхлестывание" было частично устранено установкой специального упора. В новой конструкции одноорудийной установки этот и другие недостатки первого варианта были учтены полностью.

Некоторые затруднения были встречены при выборе предельного угла возвышения. Зубчатый сектор вертикального наведения позволял иметь диапазон 30°. Для установок сухопутного фронта (где тоже планировалось разместить эти установки) выбрали +5 — +35°, а для приморского 0 — +30°. Но опасаясь, что ручное заряжание при 0, а тем более при +5 градусах может оказаться затруднительным, и для тех и для других приняли -1,5 — +28,5°. Однако уже во время работ на м.Церель выяснилась необходимость увеличения предельного угла возвышения до 40°. Металлический завод срочно разработал специальные приспособления, и в результате Церельская батарея № 43 смогла обстреливать дальний южный фарватер Ирбенского пролива.

Всего для приморского фронта крепости было изготовлено 12 таких установок: 1 — Металлический завод, 3 — Адмиралтейский, Балтийский и Николаевский — по 4.

ОНЗиВ привлекли к этой работе потому, что орудийные станки и некоторые другие элементы брались из числа изготовленных для башенных установок черноморских дредноутов.

Жесткие сроки, в которые требовалось вооружить береговые батареи крепости, вынудили А.М.Герасимова и его помощников не только покупать артиллерию за границей (234/50 — в Америке, 120/40 — в Японии), но и воспользоваться относительно спокойной обстановкой на Дальнем Востоке.

Владивостокской крепости в первые же месяцы войны пришлось выделить для Балтики часть своих 152 и 254-мм пушек. Еще одним резервом были восемь мониторов типа "Шквал", построенные в 1910 году для Амурской флотилии. На каждом из них имелось по две одноорудийные 6/50 и по две двухорудийные 120/50 башенные установки.

В начале навигации 1915 года мониторы находились в Хабаровске, куда прибыл из Петрограда мастер Металлического завода Д.Ружан. Под его руководством матросы и местные рабочие за месяц с небольшим сняли башни с шести мониторов и отправили их на Металлический завод. В результате береговая оборона Балтийского моря получила шесть одноорудийных 152/50 и шесть двухорудийных 120/50 установок.

Або-Оландская шхерная позиция

Або-Оландская позиция включала в себя Оландские (Аландские) острова и абоские шхеры, прикрывающие расположенный на западном берегу Финляндии г. Або (Турку). Оландский архипелаг — это прежде всего о.Оланд, а также оландские шхеры, которые вместе с абоскими шхерами насчитывают около 1000 больших островов и несколько тысяч подводных и надводных скал и камней. Або-Оландская позиция (Абозиция, как сокращенно называли ее моряки), закрывая вход в Ботнический залив и примыкая к флангово-шхерной позиции, имела большое значение для обороны Финского залива и всего Балтийского моря. Но важность Або-Оландской позиции определялась не только ее положением на северо-западном секторе нашего общего приморского фронта, но и самостоятельными задачами, которые этот район имел, будучи расположен в непосредственной близости от Швеции, прикрывая весь театр военных действий с севера и изолируя Ботнический залив.

От Швеции о.Оланд отделен проливами Оландсгаф (шир. 20 миль) и Кваркен (шир. 10 миль). Проливы изобиловали камнями, мелями и прочими опасностями, поэтому плавание здесь было чрезвычайно сложным и опасным даже с маяками и ограждениями. Особенно у северо-западной оконечности Оланда, где у скал довольно часто происходили кораблекрушения. Местные моряки называли это место "кладбищем судов". И вся Або-Оландская позиция требовала пристального внимания, так как кроме всего прочего плавание здесь осложнялось наличием магнитных аномалий.

Оландские острова издавна принадлежали Швеции, но по Фридрихсгамскому миру, подписанному 17 сентября 1809 года, архипелаг вместе с Финляндией вошел в состав Российской империи. Потеря Оланда долгое время не давала покоя Швеции, не раз пытавшейся вернуть его путем различных протестов, переговоров.

В 1829 г. для защиты архипелага на Оланде началось строительство крепости Бомарзунд. Но когда в 1854 году на Балтике появилась соединенная англо-французская эскадра под командованием адмирала Немира, крепость была еще не достроена. У ее коменданта имелось в распоряжении 112 орудий и 1600 строевых нижних чинов для отражения 30-тысячного отряда союзников. Обстреливаемая с суши и моря, крепость Бомарзунд без особого труда была взята.

Парижский трактат, заключенный 30 марта 1856 года после поражения России в Крымской войне, определил, что "...Оландские острова не будут укреплены и что на оных не будет содержимо, ни вновь сооружено никакого военного или морского заведения". Эта часть трактата, касающаяся Оландских островов, получила название Оландской конвенции. Россия неоднократно пыталась добиться ее пересмотра, но встречала жесткое сопротивление как стран, подписавших Парижский трактат (Англия, Франция), так и не участвовавших в Крымской войне балтийских (Германия, Дания, Швеция).

Балтийская декларация 23 апреля 1908 года, несмотря на все усилия русского правительства, только закрепила status quo.

Первая мировая война дала России повод "забыть" об Оландской конвенции. Так как порт Петра Великого был еще не готов принять Балтийский флот, он был вынужден базироваться на Гельсингфорсе. В связи с этой высадкой вражеского десанта в Финляндии представляла особую опасность. На это командующий Балтийским флотом Н.О. фон Эссен указывал в конце 1914 г. главному VI армии. Кроме того, Николай Оттович писал, что "...постепенно определились методы ведения современной войны на море... на театрах географически узких и относительно мелких мина заграждения подводная лодка заняла одно из первых мест среди прочих средств борьбы. Именно эти условия подходят к театру Финского залива и Балтийского моря, а потому флот, имея один лишь выход на свободную воду через устье залива, теперь находится под постоянной угрозой его лишиться.

Поэтому я решил немедленно занять и укрепить Або-Оландский район и — кроме того — отделить для его обороны часть второстепенных сил флота¹.

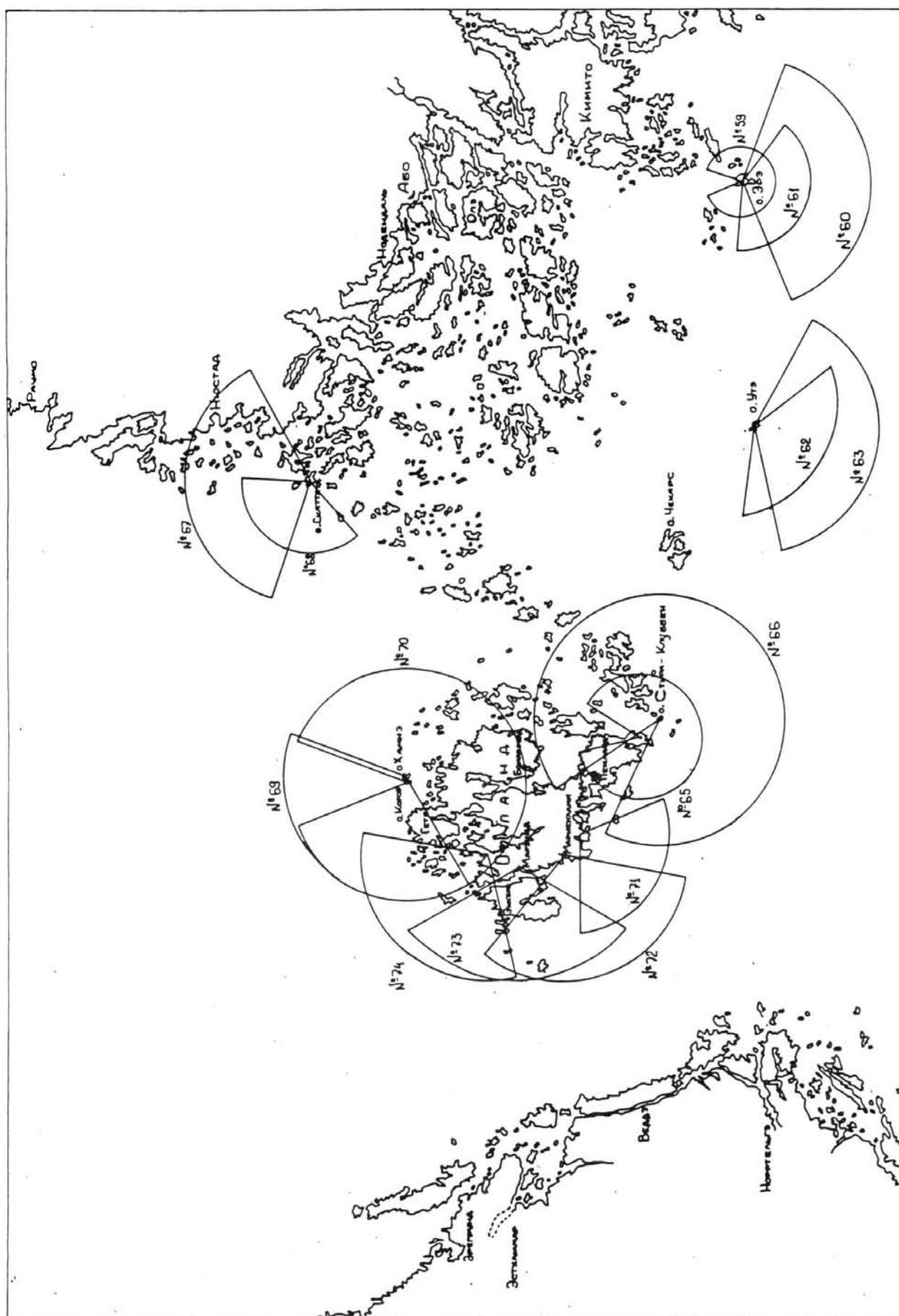
Оперативный отдел МГШ в спешном порядке разработал план укреплений этого района. Недостаток средств и времени заставил прибегнуть к сочетанию обороны постоянной в виде отдельных батарей и подвижной, состоявшей из отряда кораблей, готовых во время поддержать атакуемый участок.

1 мая 1915 года последовало решение о выделении 2749300 рублей на оборудование Або-Оландской шхерной позиции и в том числе 1549000 рублей на строительство артиллерийских батарей, прожекторов, пристаней, дорог. Начальником позиции стал капитан ранга Рихтер, вскоре получивший звание контр-адмирала.

23 июня 1915 года приказом по флоту Балтийского моря острова Або-Оландского района включались в Або-Оландскую шхерную позицию, а из команд флота формировалась артиллерия приморского фронта Або-Оландской позиции в составе управления артиллерии

Развалины крепости Бомарзунд. 1915 г.

Расположение батарей
Або-Оландской шхерной позиции

Контр-адмирал Рихтер,
начальник Або-Оландской
позиции

пяти артиллерийских рот¹. Главными задачами позиции являлись и охрана входных с моря фарватеров, и обеспечение плавания по шхерам тех морских сил, которые будут введены на случай появления противника и развития активных действий. Поэтому помимо батарей береговой обороны на позиции разворачивалась служба наблюдения и связи Балтийского моря, на материке и некоторых островах устраивались посты пограничной стражи. Организовывался воздушный

район, а также навигационное обеспечение плавания в шхерах.

Несмотря на то, что начальник Або-Оландской позиции подчинялся непосредственно командующему флотом, батареи в хозяйственном и техническом отношении подчинялись начальнику обороны приморского фронта морской крепости Императора Петра Великого. То есть крепость полностью отвечала за строительство батарей, их оборудование, снабжение и первоначальное комплектование личным составом.²

Появление на островах Оландского архипелага первых изыскательских партий не вызвало возражений со стороны Англии и Франции, еще недавно выступавших против укрепления Оландских островов. И это понятно — теперь они были союзниками России. В Швеции же поднялось сильнейшее волнение. Агитировавшие против России германофильские круги шведских активистов именно это использовали как главный аргумент в пользу вступления Швеции в войну на стороне Германии. Опасаясь этого, российское правительство тем не менее не дало Швеции письменного заверения о том, что береговые батареи на Оландских островах будут сооружаться лишь на время войны с Германией. Русский посол в Стокгольме Неклюдов в своих воспоминаниях, вышедших в Англии в 20-х годах, писал, что "ему было лишь разрешено вручить шведскому министру иностранных дел успокоительный меморандум, который следовало показать лишь отдельным членам парламента с тем, чтобы "Меморандум" был затем возвращен Неклюдову, что и было исполнено".³

В конце 1915 года, когда строительство батарей шло уже полным ходом, вопрос о вступлении Швеции в войну встал с новой силой. Сторонники войны, используя каждую возможность для агитации общественного мнения против России, добились определенного влияния даже на короля Швеции. Выступавшая за нейтралитет партия мира, по слухам, была готова к самым неминуемым действиям для сохранения мира. Говорили, что она предупредила короля о том, что если он объявит войну его... убьют. В риксдаге даже рассматривали законопроект, исключавший из основных законов Швеции право короля объявлять войну.⁴

В 1916 году партии мира удалось упрочить свое положение настолько, что нейтралитет Швеции казался неизбежным. Тем не менее положение было весьма шатким, так как стремление Германии втянуть Швецию в войну не прекращалось. Как не прекращалась торговля между ними, чему пытались воспрепятствовать русские подводные лодки. И безуспешно. В мае 1916 года подводная лодка "Волк" потопила три германских коммерческих парохода. После этого немцы стали отправлять шведскую железную руду караванами под охраной военных судов. Тем не менее 8 июня лодка "Волк", находясь в районе о.Оланд, обнаружила пароход без флага. Так как орудий на пароходе не было видно, лодка всплыла и, держа сигнал "Остановиться", открыла огонь из 57-мм орудия. Пароход попытался уйти в шведскую трехмильную зону, но лодка догнала его и подняла сигнал "Покиньте судно". Далее события следовали по сценарию, уже отработанному на субмаринах почти всех флотов: капитан парохода отправлялся на подводную лодку, экипаж — в шлюпки, а торпеда — в пароход. На этот раз на дно Балтийского моря пошел германский "Дорито" с грузом железной руды в 5370 т.

Но мы забежали несколько вперед. В январе 1916 года комендант крепости Герасимов получил приказ командующего флотом Н.О. фон Эссена начать строительство бетонных оснований для американских 234/50 пушек на о.Эре.⁶ Вслед за этим развернулись работы и на других островах.

Из-за жестких условий по срокам готовности батарей комендант крепости А.М.Герасимов разрешил строителю крепости генерал-майору Щеглову вести работы без предварительного составления смет, а "по отчетам так называемым комиссионерским способом". То есть строитель-комиссионер, в данном случае подполковник Иванов, отчитывался по предельным ценам скальных бетонных и других работ, но в пределах общих отпущенных средств.

Основные батареи Або-Оландской шхерной позиции стали как бы продолжением оборонительной линии на запад от о.Руссарэ. В дополнение к уже строившейся здесь батарее из шести американских пушек на о.Эре назначили еще четыре таких же. Эта батарея могла не только защищать глубокий входной фарватер, ведущий в шхеры, но и контролировать передвижение судов на западу от Гангэ.

1 РГА ВМФ. ф.р-29.оп.2.д.43.л.50-а.

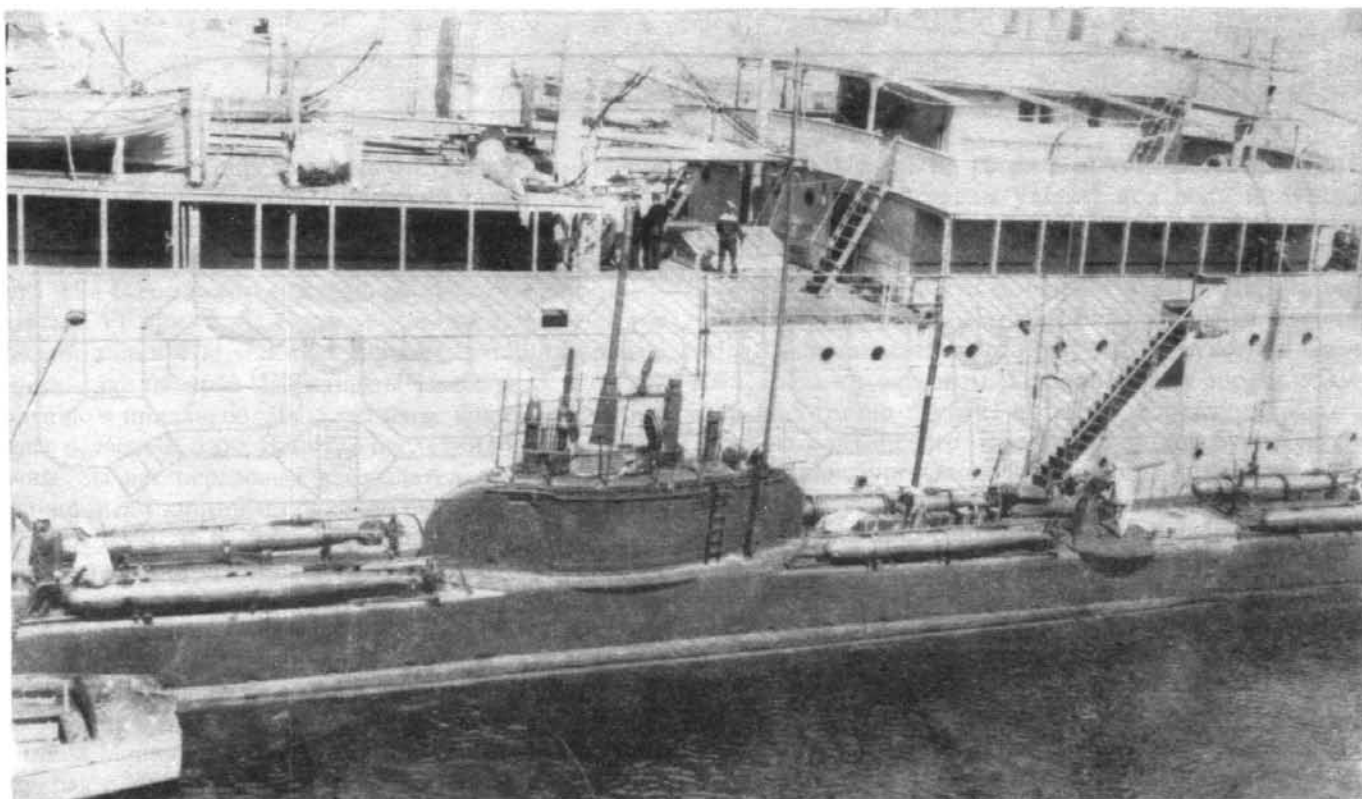
2 РГА ВМФ. ф.р-29.оп.2.д.109.л.1.

3 Морской сборник № 5—7. 1922.стр.139.

4 РГА ВМФ. ф.р-29.оп.2.д.109.л.1.

5 РГА ВМФ. ф.р-29.оп.2.д.109.л.12.

6 Там же ф.р-29.оп.2.д.43.л.50-б.

Подводная лодка "Волк"

Место для этой батареи выбрали на единственной удобной на всем острове позиции. Однако при детальном изучении местных условий оказалось, что без добавления батареи среднего калибра будет невозможно в должной мере обеспечить оборону фарватера. Поэтому на юго-западной оконечности острова начали строить батарею № 61 из четырех 152/45 орудий.

Но на о.Руссарэ доставили пока лишь четыре пушки, остальные две и четыре для о.Эрэ, первоначально предназначенные для Батумской крепости, должны были поступить чуть позже. Вместо них на Черное море отправили два 254/45 орудия из Владивостока.

Следующий входной фарватер у о.Утэ отдавался под защиту четырех 152/45 береговых орудий, которые намечалось разместить в бетонных казематах. В силу большого объема работ эта батарея не могла быть введена в строй так быстро, как того требовала обстановка. Поэтому рядом стали строить еще одну 152/45 батарею на корабельных станках. Она считалась временной, но ее впоследствии не разоружили, а оставили, придав ей характер постоянной. Строительство обеих батарей прикрывали четыре 75-мм пушки.

Большое значение в Або-Оландском районе имели фарватеры Фесторнэ и Ледзунд, проходившие рядом с о.Стура-Клуббен. Здесь требовалась установка орудий самого большого калибра. Однако берега острова оказались столь обрывисты, что на них не удалось построить пристань, способную принять огромные 305/52 орудия. Поэтому пришлось ограничиться калибром 203 мм, имея в виду пушки с северной оконечности о. Нарген. Для поддержки этой батареи на мысе Херро острова Лемланд наметили установку четырех 120/50 пушек, которые предполагалось получить с амурских мониторов.

Четыре орудия 203/45 решили поставить на о.Боскэ, прикрывающем входной фарватер из Ботнического за-

лива. Перед островом фарватер разделялся на шхерный 18-футовый и стратегический, проходивший внутрь шхер около шхерного узла Сотунга. Для прикрытия строительства этой батареи рядом на о.Хамнэ разместили две 120/40 пушки системы Армстронга, купленные в Японии.

Эти батареи относились к сооружениям первой очереди, как и батареи на островах Корсэ и Скаттауд. На Корсэ батарея потребовалась потому, что здесь в 1915 году были замечены немецкие подводные лодки. Для борьбы с ними предполагалось использовать две 120/40 Армстронга и две 152-мм гаубицы, специально предназначенные для стрельбы ныряющими снарядами по подводным лодкам.

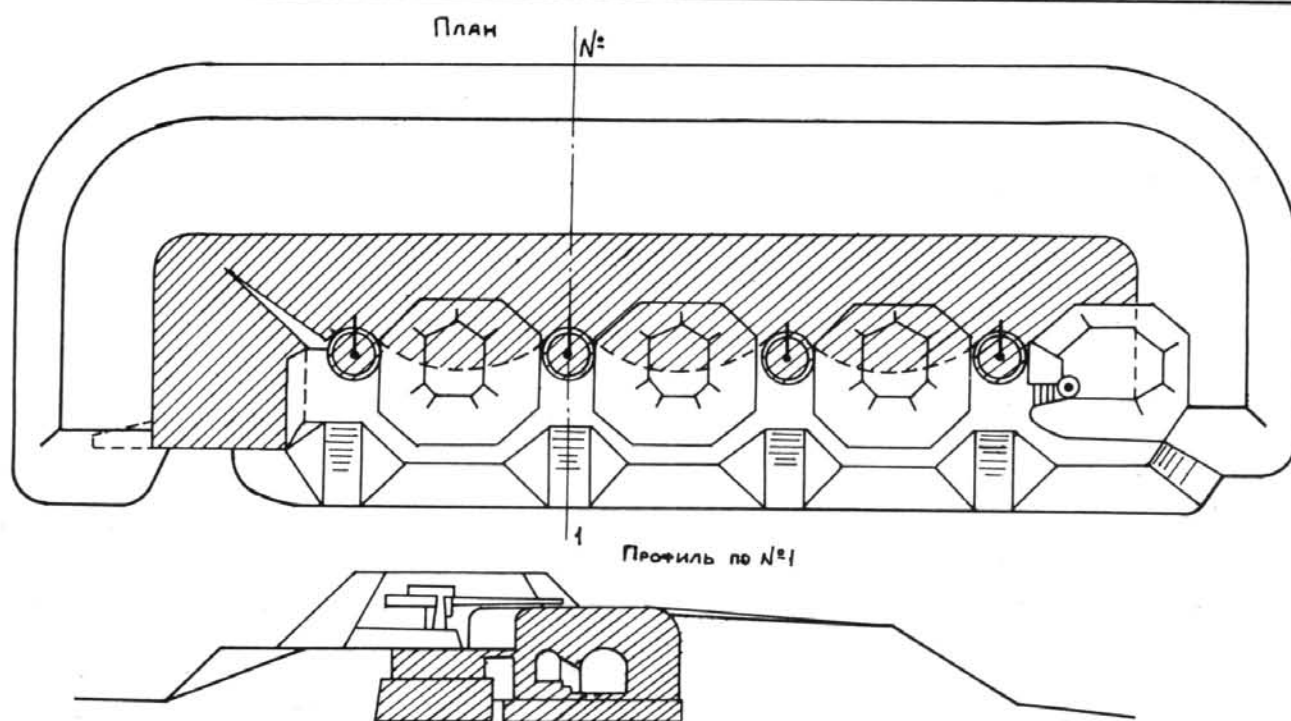
Остров Скаттауд защищал северные районы шхер, и здесь начали строить батарею № 67 из четырех 152/45 и № 68 из четырех 120/40 Армстронга.

Был намечен еще ряд батарей второй очереди. Но их строительство предполагалось начать в 1916 году, и оно было начато, но лишь на острове Чекарс.

Остров Оланд, как самый большой по размерам и числу жителей, получил особую организацию управления, а в силу его выдвинутого стратегического положения его оборона приобретала особую важность. В 1915 году на острове в наиболее важных районах начали строить четыре береговые трехорудийные батареи 152/45 пушек на бортовых станках. Около деревни Меланторн (№ 71) — эта батарея могла вести стрельбу по заливу Торнэ. На мысе Кунгсэ (№ 72) — для обстрела подходов к Мариенхамну. На главной дороге, переправой соединяющей острова Оланд и Эккерэ, около деревни Фребенбю (№ 73) и еще чуть севернее у мызы Солис (№ 74) — для обстрела рейда на плесе Финбюфиорд. Противодесантная оборона обеспечивалась сухопутным гарнизоном о. Оланд.

1 РГА ВМФ. ф.р-29.оп.2.д.43.л.79.

2 Там же. ф.418.оп.1.д.454.л.7.

Общее расположение открытой береговой батареи на четыре 152/45 орудия

Личный состав всей артиллерии приморского фронта Або-Оландской позиции был сформирован в управление артиллерией и пять артиллерийских рот.

Зимой 1915—1916 года командующий флотом Н.О. фон Эссен добился усиления гарнизона о.Оланд и туда в феврале перевели полк офицерской стрелковой роты, затем ему придали два батальона полевой артиллерии из крепости Императора Петра Великого, 20 пулеметов и саперную минную команду Свеаборгской крепости.

Летом 1915 года началось строительство деревянных оснований для 152/45 пушек на о.Люпертэ и бетонных для 203/45 на о.Стура-Клуббен. Этот остров служил кроме того местом снабжения пресной водой кораблей, находившихся в оландских шхерах. Здесь имелось озеро, вода которого хоть и не в полной мере, но подходила для питания судовых котлов. В середине озера построили деревянный сруб и установили насос, от которого вода по трубе поступала в барже. Баржа стояла на якоре в море недалеко от берега, и к ней могли подходить корабли с осадкой не больше 3 м. Из абоских шхер кораблям приходилось посылать своих "водолазов" в Або, а это было слишком дорого. Летом 1915 года в 14 милях от Або на соединении шхерных фарватеров на о.Стура-Миеде нашли ключ, где брали воду шведские корабли еще 200 лет назад. К концу 1915 года здесь оборудовали каптаж.² Это дало возможность получать даровую воду, пригодную и для котлов, и для питья.

В сентябре на о.Эрэ закончили скальные работы на батарее № 60. Однако вскоре выяснилось, что вместо американских 234/50 сюда поступят 305/52 одноорудийные установки на центральном штыре. Потребовалось внести изменения в проект, к счастью, объем переделок был незначителен. Уже к началу навигации 1916 года батарея № 60 из четырех 305/52 орудий вступила в строй. При дальности стрельбы 140 км (против 98 км у 234/50) ее значение возросло и стало возмож-

ным создание передовой позиции. Изменению подвергся и состав батареи № 66 на о.Стура-Клуббен. Получение назначенных сюда 203/45 с о.Нарген задерживалось, и вместо них на о.Стура-Клуббен направили четыре 152/50, только что переделанные Металлическим заводом из мониторских установок. Выигрыш был не только во времени. Дальность стрельбы 152/50 пушек составляла 85 км, в то время как 203/45 — 70 км. В апреле 1916 года работы здесь были закончены, как и на батарее № 65 на о.Лемланд. Здесь разместили две двухорудийные 120/50 установки, также снятые с амурских мониторов.

Таким образом, еще в кампанию 1915 года была решена одна из главных задач Балтийского флота — оборона Або-Оландского района с целью не допустить высадку десанта на побережье Финляндии. Это было достигнуто путем создания и постоянного усиления береговой обороны Або-Оландской шхерной позиции и действиями подводных лодок на подходах к ней.

Серьезным испытанием для береговых батарей был набег германских крейсеров на о.Утэ. 10 августа 1915 года русские эсминцы обнаружили два германских корабля — линейный крейсер "Фон дер Танн" и легкий крейсер "Кольберг", которые следовали в направлении о.Утэ. Уступая противнику в силе артиллерии, наши эсминцы отошли под прикрытие береговых батарей о.Утэ, своевременно предупредив их о готовящейся атаке. Германские крейсера начали обстрел острова с дистанции, недоступной его батареям. Немецкие снаряды ложились рядом с батареями, не причиняя им вреда. Когда же крейсера приблизились на дистанцию, доступную нашим пушкам, русские артиллеристы открыли огонь. Бой продолжался двадцать минут. За это время батарея № 62 достигла одного попадания в крейсер "Фон дер Танн" и вынудила немцев отступить.

1 РГА ВМФ. ф.р-29.оп.2.д.109.л.9.

2 Каптаж (от лат. capto — хватаю) — сооружение вокруг источника с целью получения воды в наибольшем количестве и в наиболее чистом виде.

Моонзундская позиция

После того, как определилось отсутствие намерения германского флота атаковать финский залив, Н.О. фон Эссен принял решение наряду с Або-Оландским районом укрепить и Моонзундские острова. В середине августа 1914 года командующий флотом сообщил главному VI армии: "...Сегодня послал в Моонзунд и Рижский залив 1-ю минную дивизию и начал работы по установке батарей для защиты Моонзунда. Его укреплению я придаю большое значение как обеспечению связи с о.Эзель и Даго. Занятие последних неприятелем лишило бы нас передовых наблюдательных пунктов и авиационных станций и повлекло бы потерю Моонзунда". (РГА ВМФ. ф.р-29.оп.2. д.43.л.32.)

Моонзундский архипелаг получил свое название от пролива, который в свою очередь обязан своим названием острову Моон. Моонзундский пролив отделяет архипелаг от берега тогдашней Эстляндии. Со стороны материка располагается лишь о.Вормс да несколько совсем мелких островов.

Длина Моонзунда от северного края о.Вормс до южного края о.Моон — около 35 миль. Ширина у Вормса — 6 миль, а у Моона — от 3,5 до 6. Промежуток между этими островами (длиной около 20 миль) соединялся к восток-западу с Кассарским плесом. Именно здесь, на Кассарском плесе, в 1917 году произошло самое крупное сражение первой мировой войны на Балтике с участием русского флота.

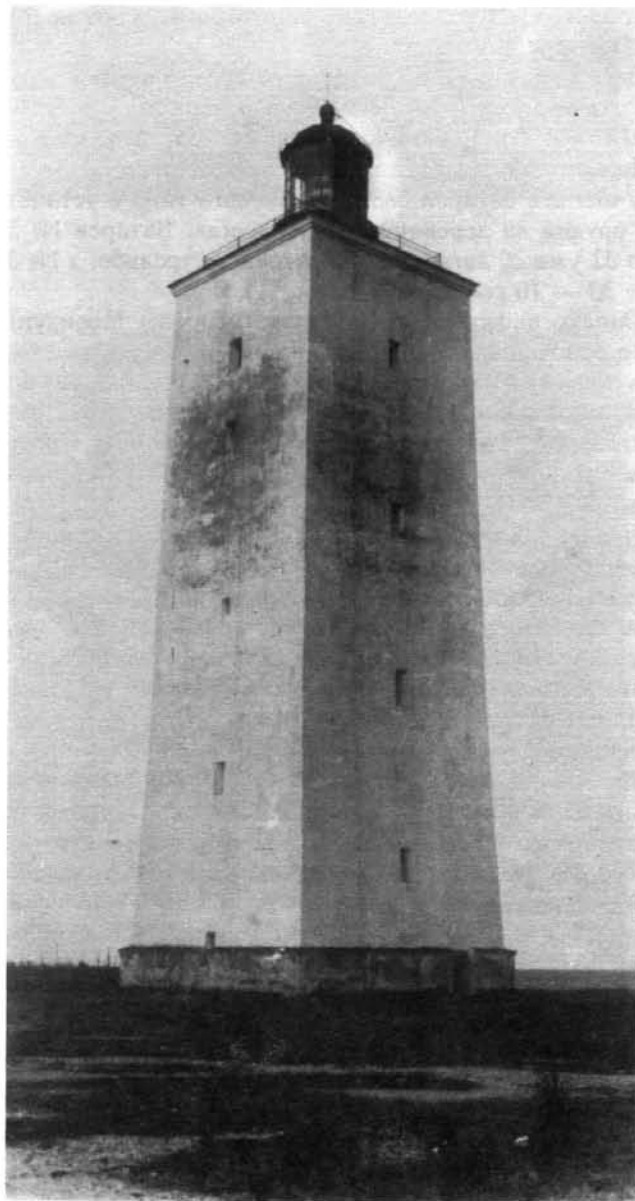
Глубина Моонзунда у его северного входа составляла около 105 м, а к югу она доходила до 26,5 м у южного края о.Вормс. Еще дальше к югу глубина уменьшалась до 6—9 м, а на параллели северного края о.Моон — до 5—5,5 м. Здесь мели и рифы оставляли у берега о.Моон фарватер не глубже 4,6 м при ширине около 2 кв. Это место было известно под названием "чулок" (Лоция русского берега Балтийского моря. СПб. 1905.стр.215) и не позволяло проходить судам с осадкой более 4 м. Летом при восточном ветре и повышенном атмосферном давлении уровень моря опускался еще на 0,4—0,5 м. За "чулком" до входа в Рижский залив глубина увеличивалась до 14—30 м.

Именно здесь, на "чулке", в 1888 году проводил свои первые бурильные работы полковник Макдональд, и лишь спустя 27 лет, в 1915 году сюда пришли землечерпалки, чтобы углубить Моонзунд до 8,5 м, то есть до глубины, позволяющей при необходимости переводить из Финского залива в Рижский линейные корабли и крейсера.

Наиболее крупные острова архипелага — Эзель (Сарема) и Даго (Хиума). Расположенный между ними пролив Соэлозунд имел ширину около 3 миль, но был загражден почти непрерывной чередой банок и мелких островов, идущих поперек пролива от Эзеля к Даго. Лишь в двух местах имелись узкие проходы глубиной 2 и 3 м.

Остров Эзель интересен тем, что на нем имеется семь крупных впадин. Самая крупная — озеро Каами. Происхождение этих впадин долгое время оставалось неизвестным, и лишь в 50-х годах XX века было установлено, что это воронки от падения метеоритов. В юж-

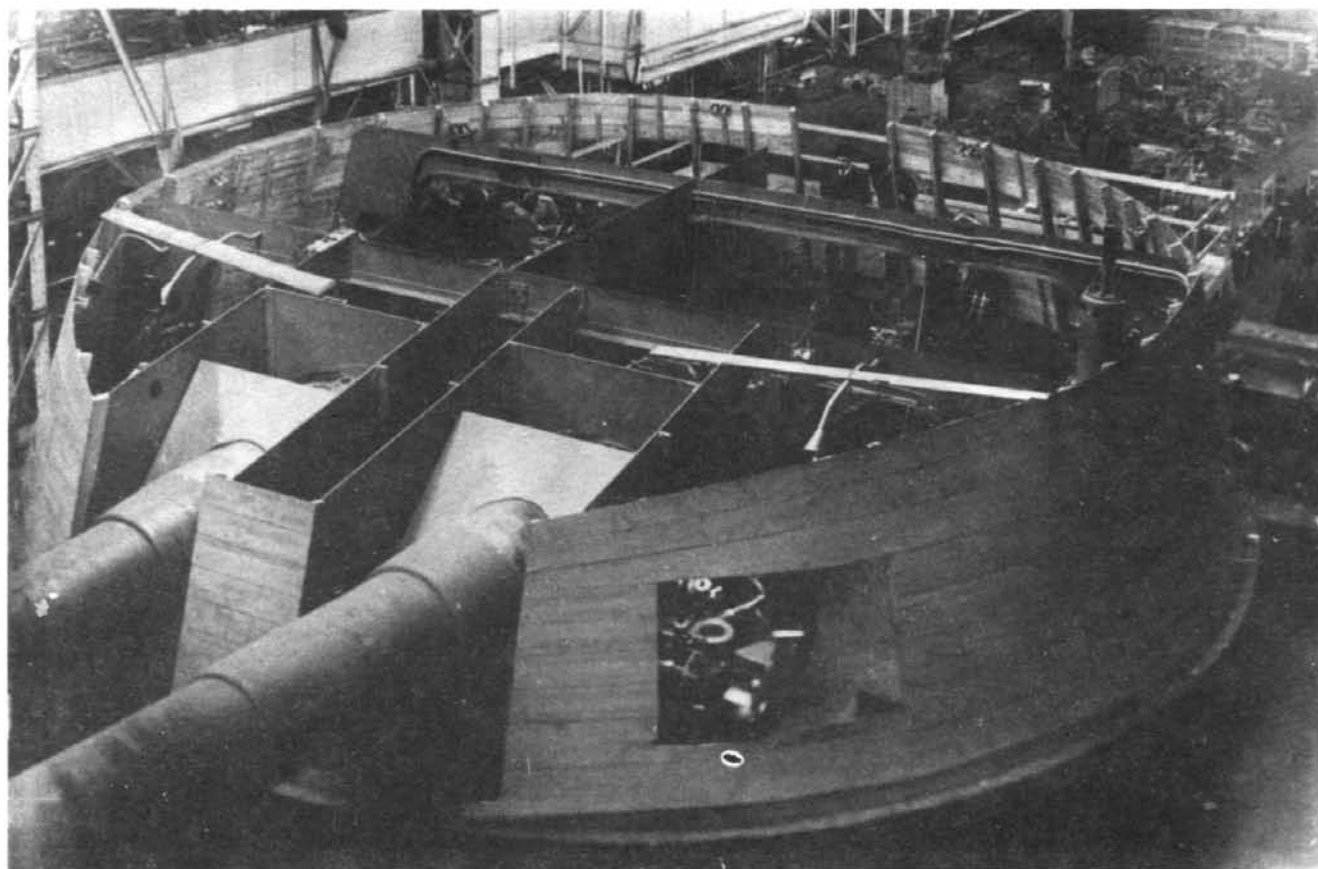
ной части о.Эзель на 16 миль вытягивается к Курляндскому берегу и рифом уходит под воду полуостров Сворбе. Его последняя точка — мыс Церель. Между ним и материком лежит Ирбенский пролив — "Ирбенка", как называли его моряки. На мысе Церель стоял маяк, а рядом из-под земли была холодная ключевая вода. Сохранилось предание, что полуостров Сворбе был когда-то островом. Пролив между ним и о.Эзель был достаточно глубок, позволяя кораблям проходить здесь из Балтийского моря прямо в Аренбургскую бухту, в г.Аренбург. Около гавани когда-то стояла мощная крепость с расположенным внутри замком, который в 1341 году основал епископ Герман Оснабрюкский. Жители о.Эзель долгие века были известны своими пиратскими нападениями на купеческие суда и соседние острова, но Северная война, чума и голод 1708—1711 годов опустошили остров. Осажденная русским отрядом

Церельский маяк

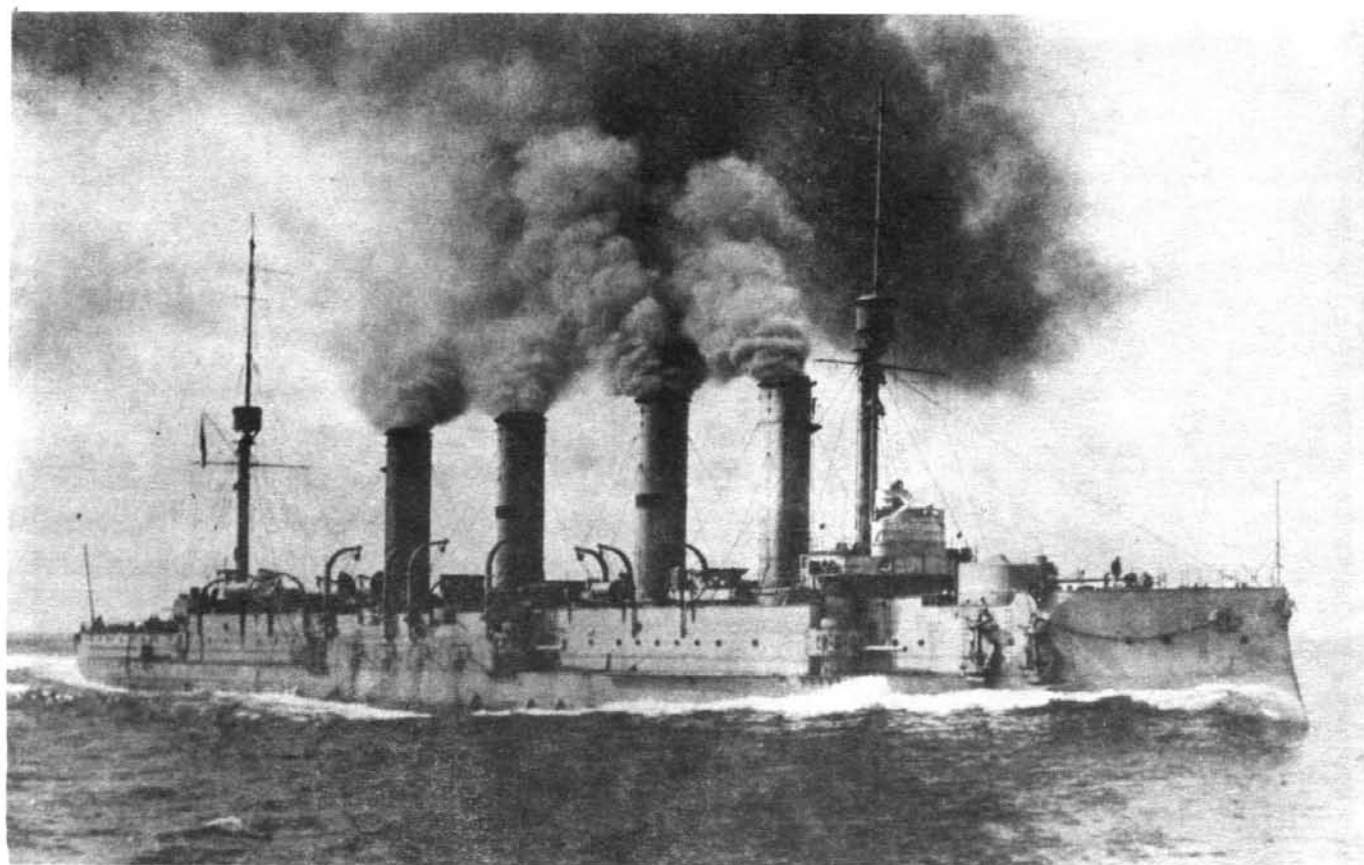
305/52 башенные установки линкора "Гангут"

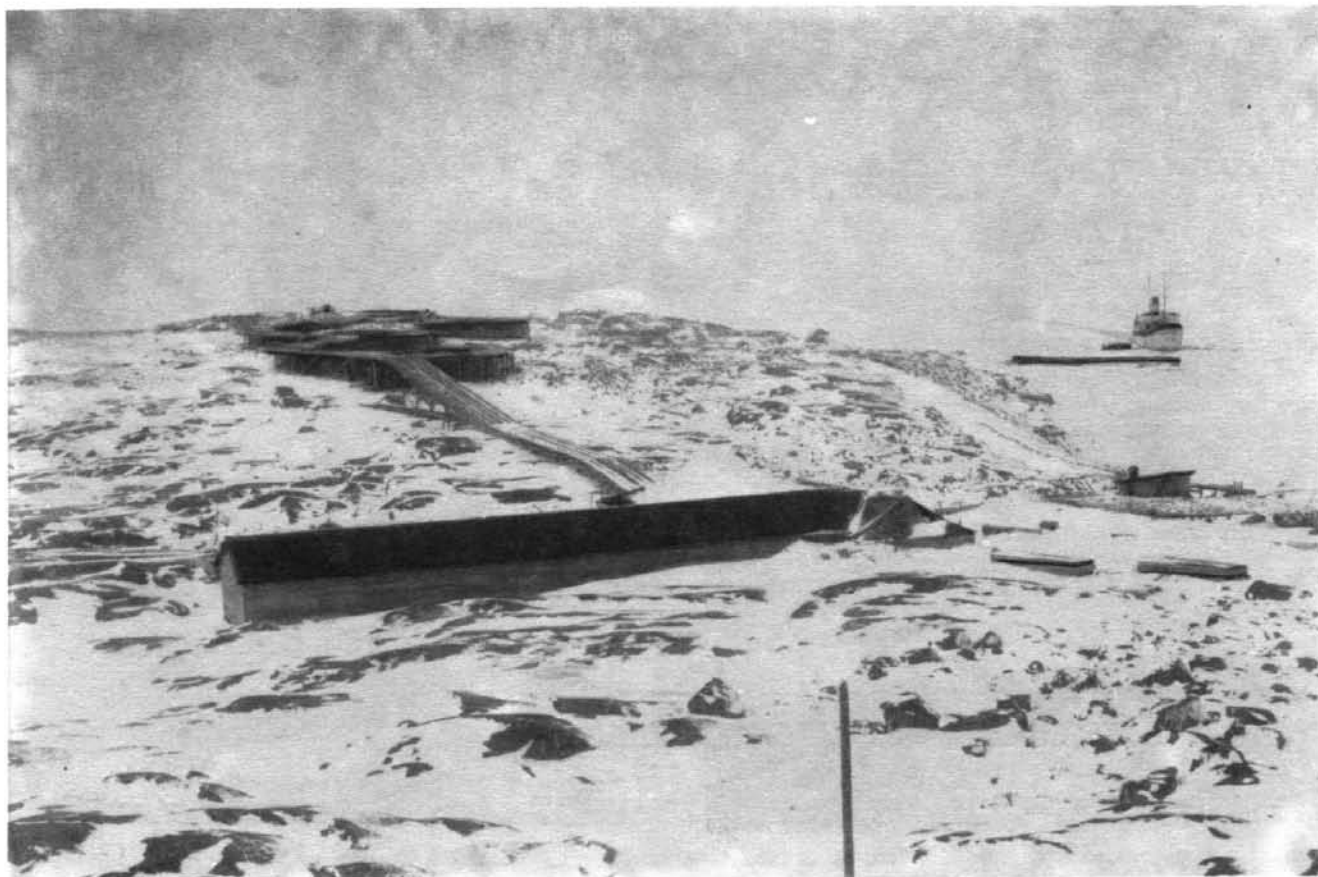
305/52 береговая башенная установка Военного ведомства в цехе Металлического завода

Комиссия артиллерийского отдела ГУК

Крейсер "Паллада". Погиб 11.10.1914г. в устье Финского залива со всем личным составом, взорванный германской подводной лодкой U-26

Прибытие ледокола на остров Утэ

Остров Утэ. Батарея № 64^а (IV - 75/50)

Остров Утэ. Батарея № 64^б (III - 152 гаубицы)

Остров Утэ. Батарея № 62 (IV - 152/45)

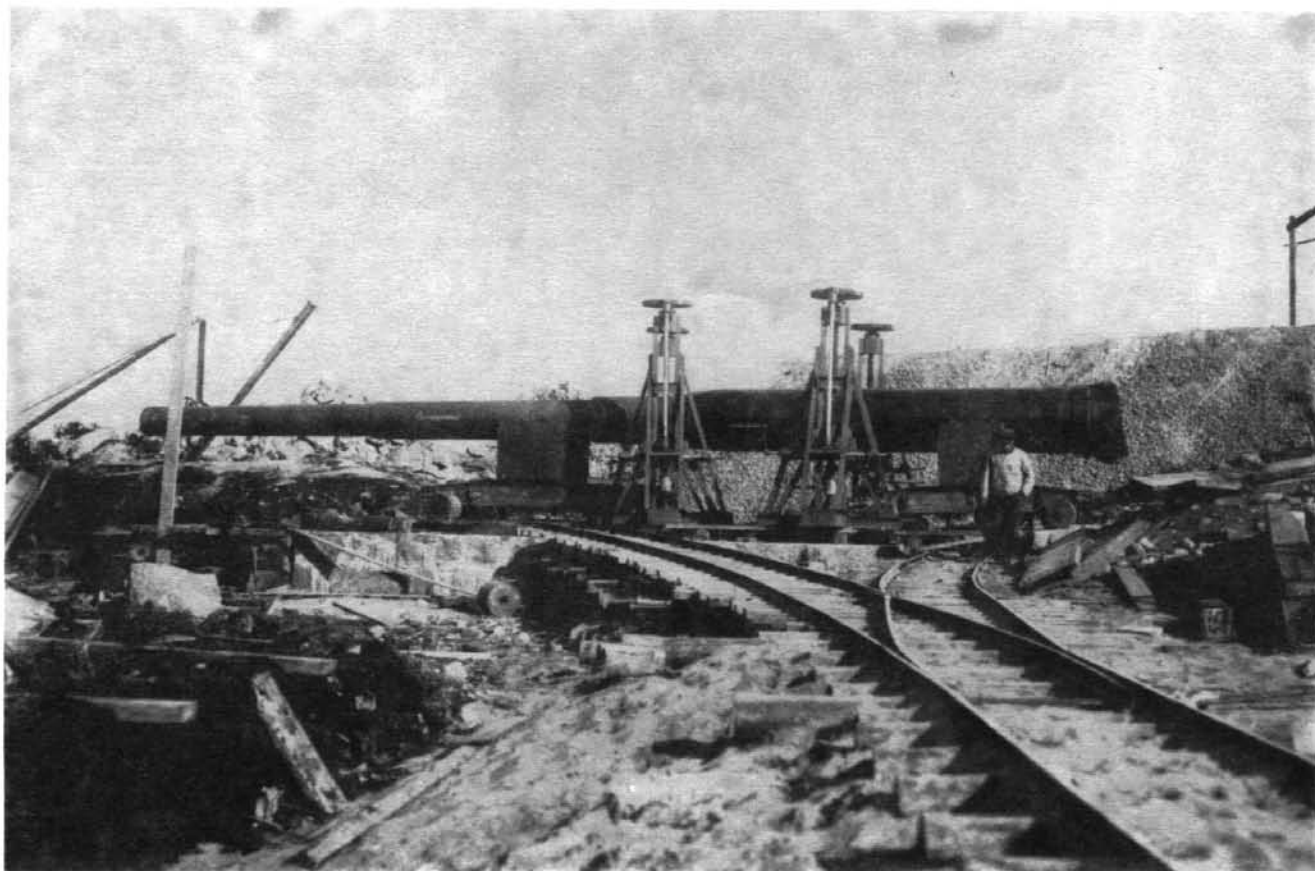
Остров Утэ. Батарея № 63 (IV - 152/45)

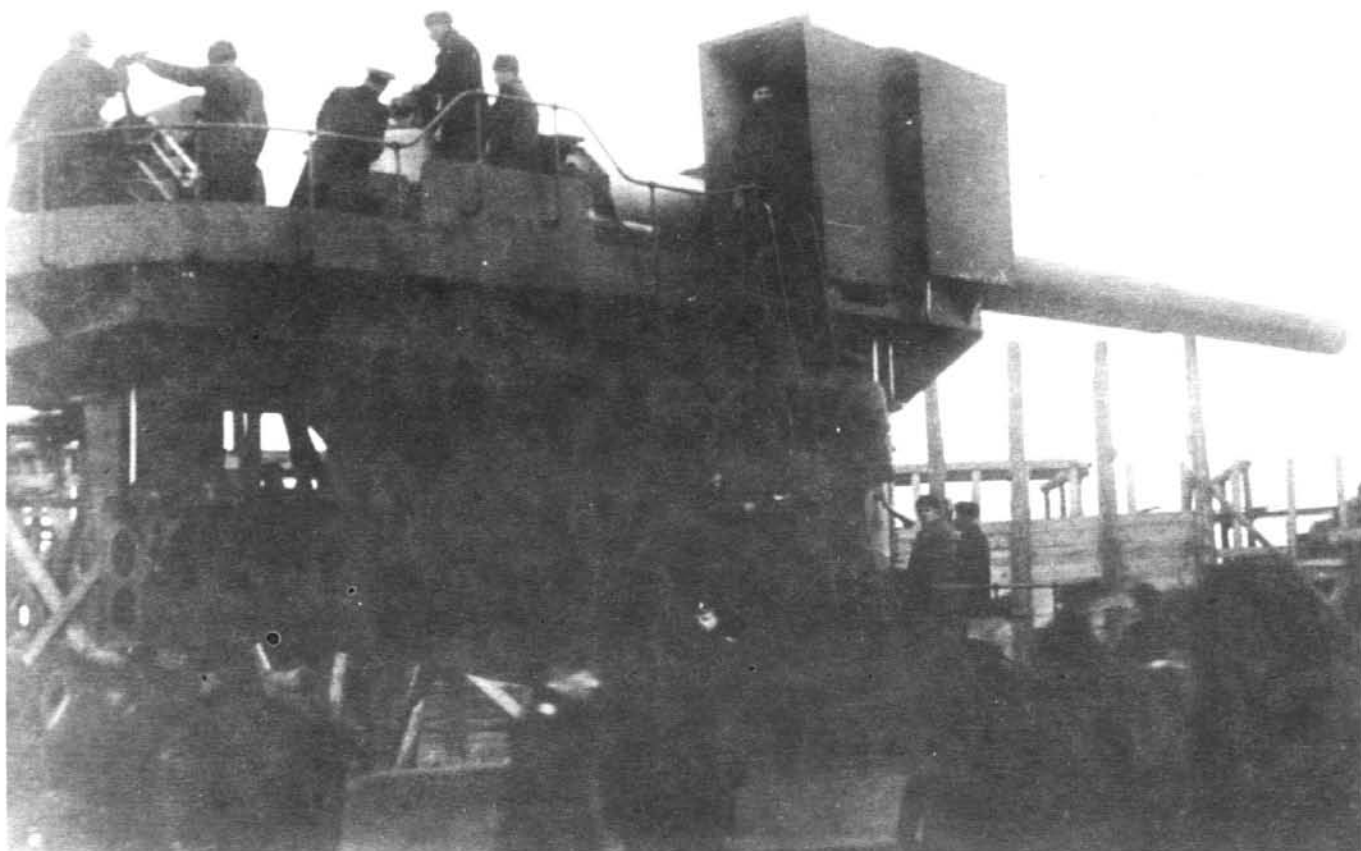
Остров Лемланд. Батарея № 65 (IV-120/50)

Остров Корсэ. Батарея № 70 (II - 120/40)

Остров Эрэ. Батарея № 60, транспортировка орудия

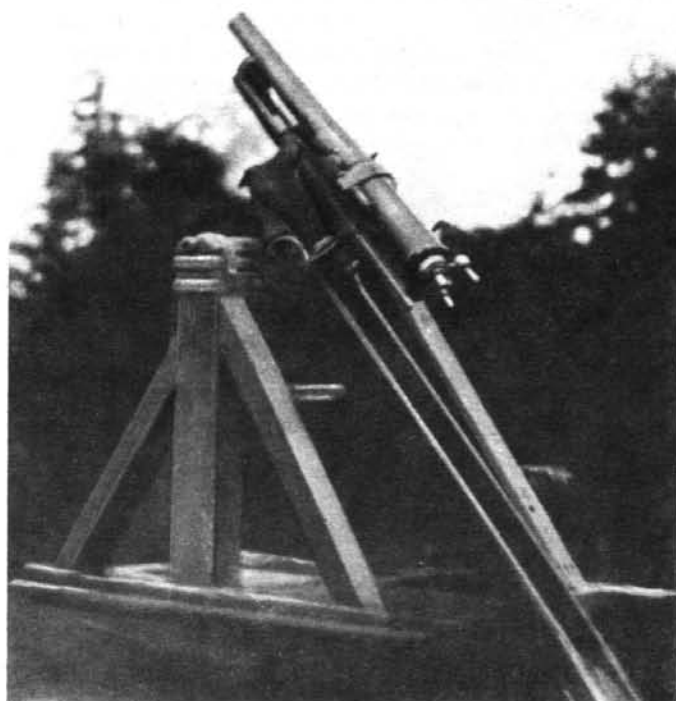
Остров Эрэ. Батарея № 60, подготовка к стрельбе

Остров Эрэ. Батарея № 60. Подача снарядов

Остров Эрэ. Батарея № 60, выстрел

*Остров Оланд. 2,5-дм пушка Барановского
стреляет по немецкому аэроплану*

Остров Оланд. 3-дм пушка, приспособленная для стрельбы по воздушным целям

Остров Оланд. Батарея № 73 (III - 152/45)

полковника Эрншельма крепость Аренсбург 26 сентября 1710 года сдалась без единого выстрела. Обосновавшись в Прибалтике, Петр I сделал Аренсбург своим форпостом, но крепость просуществовала лишь до 1836 года.

Не только русский император понимал значение Моонзунда. В 1809 году во время шведско-русской войны англичане, поддерживавшие шведов, использовали северные подходы к Моонзунду для стоянки своих судов. А во время Крымской войны английский флот неоднократно в течение двух кампаний 1854—1855 годов заходил во внутренние воды архипелага для стоянки и пополнения запасов.¹

В начале XIX века Аренсбург прославился целебными свойствами ила, находившегося в прибрежной полосе. Крестьяне, страдавшие ломотой (ревматизмом), параличом, "купались и находили облегчение".² В 1839 году доктор Норман устроил в Аренсбурге купальни. Курорт с переменным успехом существовал до начала первой мировой войны.

И вот в августе 1914 года ревматических купальщиков сменили изыскательские партии инженеров крепости Петра Великого.

Вскоре началось строительство сразу четырех батарей. Двух на о.Вормс, № 30 на северном берегу (4-152/45) и № 31 на западном (4-75), а также на о.Шильдау № 32 (4-725) и на п-ове Вердер № 33 (4-152/45). Все батареи были временного типа с установкой орудий на деревянных основаниях. Батареи № 31 и № 32 уже 20 августа были готовы к стрельбе, а № 30 и № 33 — 10 сентября.

Однако первоочередная задача обороны Моонзундского района заключалась в том, чтобы воспрепятствовать проходу германских кораблей в Рижский залив для поддержки фланга своих войск. Эта задача в 1915 году решалась постановкой минных заграждений в Ирбенском проливе и защитой их кораблями и авиацией с о.Эзель.

Первая постановка мин в "Ирбенке" состоялась, как только позволила ледовая обстановка, — 2 мая 1915 года. Четыре эскадренных миноносца, прибывшие из Ревеля, выставили минное заграждение, которое затем в течение всей кампании усиливало и подновлялось. Всего за год здесь было выставлено 2179 мин на разной глубине и разных направлениях.³

К концу августа 1914 года обстановка на Балтийском театре вполне определилась. Она оказалась благоприятнее, чем ожидало русское командование. Опираясь на центральную позицию крепости Императора Петра Великого, Балтийский флот получил возможность расширить операционную зону действия до линии Ирбенский пролив, северная оконечность о.Готланд, Оландские острова. Летом 1915 года в бухте Рогокюль (севернее г.Гапсаль) началось строительство передовой военно-морской базы. К сожалению, значение Моонзунда было оценено слишком поздно.

В 1915 году с выходом германских войск к побережью Рижского залива их левый фланг не только лишился поддержки со стороны флота, но и оказался под систематическим воздействием артиллерии русских кораблей. В этих условиях перед германским флотом встала задача завоевания и удержания господства в Рижском заливе. С этой целью 8 августа немецкие силы прорыва подошли к Ирбенскому проливу и в 3 часа 50 мин. тральщики приступили к протраливанию фарватера. Первыми оказали противодействие тральщикам русские гидросамолеты. В 5 часов подошли канонерские лодки "Грозный" и "Храбрый", а также эскадренные миноносцы, открывшие огонь по немецким тральщикам. В 10 часов 30 мин. к месту боя прибыл линкор "Слава" и вступил в артиллерийскую дуэль с двумя линейными кораблями — "Эльзас" и "Брауншвейг". К 11 часам 15 мин. тральщики все-таки протралили проход во второй группе минных заграждений, и немецкие корабли направились в Рижский залив. Но после того как в районе третьей группы заграждений подорвался еще один тральщик "Т-58"⁴, немцы прекратили операцию.

16 августа германское командование решило повторить попытку форсирования Ирбенского пролива. Ожидая этого, командующий Балтийским флотом адмирал Н.О. фон Эссен направил в Ирбены минный заградитель "Амур" и несколько эсминцев. Они поставили в проливе и на подходах к нему 320 мин, ликвидировав тем самым протраленные немцами участки.

Но немцы вдвое увеличили число тральщиков и значительно усилили отряд прорыва. Остались без изменения лишь силы оперативного прикрытия.

16 августа тральщики снова начали траление в Ирбенском проливе и, несмотря на противодействие русских кораблей, завершили эту работу к 15 часам 30 мин. 18 августа. При этом 17 августа в бою с эсминцем "Новик" немцы потеряли два новейших эсминца "V-99" и "V-100". 19 августа английская подводная лодка "Е-1" обнаружила между островами Фарэ и Эзель отряд немецких линейных кораблей. Лодка выпустила торпеду по головному кораблю с дистанции 1 каб, но торпеда попала в нос следовавшему за ним "Мольтке". Это заставило отряд уйти в Данциг, конвоируя поврежденный крейсер. В ночь на 20 августа подорвался на мине и затонул германский миноносец "S-31". Эти события, а также боязнь подвергнуться атакам русских подводных лодок, вынудили немецкое командование отказаться от запланированного ранее обстрела Усть-Двинска и начать отход на свои базы.⁵

Анализируя эту операцию, главнокомандующий германскими морскими силами Балтийского моря пришел к выводу, что повторение прорыва "будет иметь смысл лишь в том случае, если мы захотим удержать за собой залив. Для этого необходимо, чтобы армия заняла Ригу и Усть-Двинск. Тогда владение заливом будет заметно облегчено, но все же потребует весьма значитель-

1 В.Е. Егорьев. Балтийское море М. 1939. стр.117.

2 А. Кашин. Остров Эзель и морские купанья. СПб. 1858. стр.54.

3 Флот в первой мировой войне. Т.1. М.1964.стр.160.

4 Ранее на минах подорвались тральщик Т-52, крейсер "Тетис" и миноносец S-144.

5 Флот в первой мировой войне. Т.1. М.1964.стр.182.

ных морских сил. Только захват островов Эзель и Даго принесет существенное облегчение ввиду перехода с ними в наши руки обеспеченных якорных стоянок для крупных кораблей, а также возможности приближения наших опорных пунктов к Финскому заливу".¹

С другой стороны, прорыв германского флота в Рижский залив выявил слабость русских морских сил, выделенных для обороны Ирбенского пролива, и трудность его защиты.

После провала попыток завоевать господство в Рижском заливе крупные операции германского флота прекратились на два года. Русское командование получило возможность заняться устройством Моонзундской позиции.

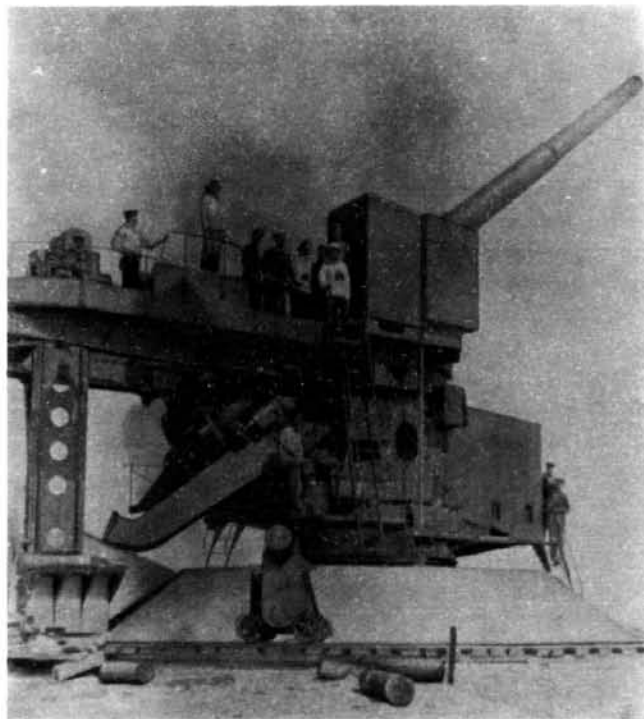
Первым делом началось создание противодесантной обороны Моонзундских островов. Этот вопрос особенно остро встал еще в мае 1915 года в связи с получением агентурных данных о подготовке в Киле десанта в составе двух корпусов. Эта операция не состоялась, но флоту пришлось выделить для противодесантной обороны три морских батальона, а сухопутному командованию — одну конную сотню ополченцев и две полевые батареи.

Других сил тогда ни флот, ни крепость Петра Великого не имели, поэтому командование решило основную часть сосредоточить на о.Эзель, оставив на о.Даго и других островах конные части для наблюдения. Учитывая, что побережье о.Эзель изобилует местами, удобными для высадки десанта, все силы гарнизона сосредоточили в центре острова, примерно на одинаковом удалении от всех опасных мест (60—70 км). Считалось, что силы обороны будут обладать высокой подвижностью и иметь надежную связь с наблюдательными постами на побережье.

К концу лета 1915 года гарнизон Моонзундской позиции состоял из отдельной морской бригады, трех полевых батарей, пулеметной команды и 3-й Аренбургской пограничной бригады.

Зимой 1915 года положение ухудшилось тем, что 1-й полк морской бригады ушел в Гаисаль для "развертывания", 2-й и 3-й полки еще не были полностью укомплектованы. В результате осложнилась охрана береговой линии о.Эзель, так как замерз Рижский залив. Начальник Моонзундской позиции контр-адмирал Белоголовый, видимо, находясь под впечатлением летних атак германского флота, считал, что немцы смогут по льду перейти с материка, минуя п-ов Сворбе, прямо к Аренбургу. Белоголовый просил Герасимова направить в Ирбенский пролив ледоколы, но опасения начальника Моонзундской позиции были напрасны. Путь от м.Домеснес до Аренбурга длиной 58 км по льду могли совершить только русские солдаты.

В 1915 году первоначальное расположение батарей подверглось изменениям. Батарею № 32 перенесли с о.Шильдау на о.Моон, заменив 75-мм орудия на 152/45, полученные из Владивостока. Кроме обороны Моонзунда, в задачу этой батареи входила поддержка

Мыс Церель. Батарея №43 (IV-305-52)

сухопутной позиции Хемалла-Куйваст, не принадлежавшей составу крепости.

После того как было принято решение о передаче в крепость Императора Петра Великого всех 305/52 орудий, стало возможным отправить на о.Моон пять 254/45 из Военного ведомства, первоначально предназначавшиеся на о.Нарген. Эти орудия составили батарею № 36, но лишь два из них удалось поставить на бетонные основания. Остальные три пришлось монтировать на деревянных. Место для нее выбрали севернее батареи № 32, между деревнями Вой и Рясса. 5 июля 1915 года была испытана стрельбой батарея № 32, а 13 сентября и батарея № 36.²

В конце мая 1915 года и на южном берегу о.Даго высадились изыскательская партия. Комендант крепости А.М.Герасимов решил поставить батареи и для Соозлунда, имевшего не меньшее значение, чем Моонзунд.

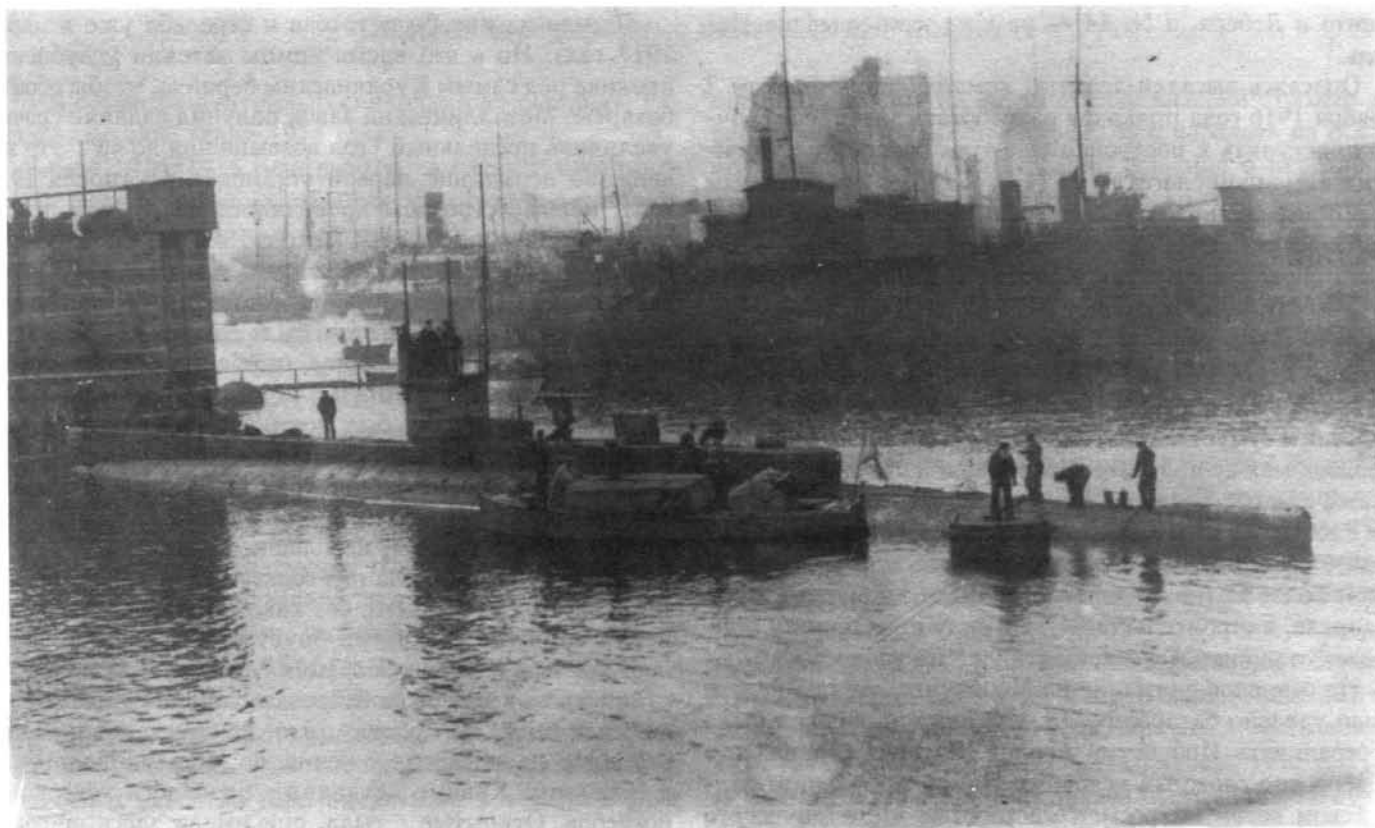
Для начала А.М.Герасимов приказал перенести сюда батарею четырех 75-мм орудий с м.Мерре на полуострове Суроп. По готовности батареи № 2 эта батарея становилась лишней. Орудия стояли на деревянных основаниях, а погреба были временными, бревенчатыми. Поэтому эти постройки просто разобрали и перевезли на о.Даго к деревне Эммасте. Размещение этой

1 Г. Ролльман. Война на Балтийском море. Т.1.стр.401.

2 РГА ВМФ. ф.р-29.оп.2.д.43.л.63.

Расположение батарей Моондзундской позиции

Английская подводная лодка типа "Е"

батареи позволило дожидаться ввода 120/50 пушек с амурских мониторов. Эту батарею, получившую № 34, начали строить у м. Серро, чуть западнее деревни Эммасте. Первоначально сюда предназначались 120/40 орудия Армстронга, купленные в Японии, но их отправка в крепость задерживалась. И в конце лета А.М.Герасимов попросил МГШ отдать вместо них 105-мм пушки с крейсера "Магдебург". Но так как эти пушки уже отправили на канонерскую лодку "Храбрый", то в конце концов батарею № 34 вооружили 120/50 пушками с амурских мониторов. Но испытали эту батарею уже в начале 1916 года.¹ Для более надежной защиты северного входа в Моонзунд к батарее № 30 добавили еще две: № 37 (IV-152/50) на м.Дирхамн и № 38 (IV-152/50) на м.Симпернес о.Даго, также укомплектованные орудиями с амурских мониторов.

С вводом батареи № 30 на о.Вормс отпала необходимость в батарее № 31 (4—75). Эту батарею разоружили, а орудия, когда-то снятые с крейсера "Россия", отправили на Обуховский завод для переделки станков в противоаэропланные (такой же переделке подверглись все оставшиеся в крепости 75-мм пушки).

Затем орудия бывшей 31-й батареи отправили на о.Даго, где сформировали противоаэроплановую батарею № 35. Но в 1916 году упразднили и ее.

Весной 1916 года наконец дошла очередь и до полуострова Сворбе. 22 мая командующий флотом приказал

коменданту крепости установить временную батарею № 40 из двухорудийных установок 120/50 для обороны "фарватера для миноносцев" у м.Церель. Батарею разместили к югу от деревни Карустэ, а для защиты от налетов немецкой авиации установили две 47-мм зенитные пушки.

5 октября 1916 года начались работы на главной батарее полуострова — № 43. К северу от деревни Менто разместили батарею № 41, состоявшую из пяти 130/55 орудий (три правого фланга, две левого). В их задачу входила защита якорных стоянок на восточной стороне полуострова Сворбе и фарватера между Сворбе и банкой восточнее Кальгрудна.²

Двух зенитных орудий батареи № 40 теперь уже было недостаточно, поэтому вместо них здесь разместили девять 75-мм орудий, сформировав три батареи — 40-а, 42 и 44. В каждой состояло по три орудия. Но на батарее № 40 они имели предельный угол возвышения 52°, в то время как на остальных — 70°. В плане пушки каждой батареи располагались в вершинах равностороннего треугольника со стороной около 40 м, причем направление сторон выбиралось таким образом, чтобы пушки могли обстреливать и водное пространство. На каждую батарею поставили по два дальномера конструкции капитана Четыркина.

Батарея 40-а разместилась на левом фланге батареи № 40 у деревни Карустэ, № 42 — между деревнями

¹ Там же. л.62.

² РГА ВМФ. ф.р-29.оп.2.д.43.л.114.

Менто и Лебера, а № 44 — на косе южнее маяка Церель.¹

Опасаясь высадки десанта, командующий флотом 7 ноября 1916 года приказал разработать задание и срочно приступить к постройке еще трех батарей на Моонзундском архипелаге: № 45 (4 - 152/45) с увеличенным до 25° предельным углом возвышения орудий на м. Хундва в северо-западной части о. Эзель. Задача — защита подходов к бухтам Кюрасар и Тагалахт. № 46 (4 - 152/45) — на м. Нинаст о. Эзель для обороны входов в бухту Тагалахт и Мустельгам и подхода с запада к Созозунду. № 47 (4 - 152/45) — с увеличенным предельным углом возвышения на полуострове Дагерорт у деревни Гермуст в северной части о. Эзель для защиты прохода между полуостровом и банкой Неклюнгрунд, а также для обстрела мертвого угла батареи № 39.²

Работы на этих батареях начались 10 декабря 1916 года с расчетом готовности к стрельбе в феврале 1917 года, но на 45-й и 46-й батареях были закончены лишь в апреле, а строительство 47-й в силу ряда причин пришлось отложить и возобновить уже не удалось.

Но основное внимание на Моонзундском архипелаге было уделено батарее № 43. Именно она должна была обстреливать Ирбенский пролив. Батарея строилась в невероятно сложных условиях. Зимой на ледяном балтийском ветру матросы и мастеровые Металлического завода вручную выгружали с барж части установок и в том числе орудия весом 50,7 т. Одновременно рыли котлованы, строили силовые установки, казармы, погреба. На месте размещения установок возводили "тепляки" — огромные сараи, внутри которых сначала бетонировали основание, а затем собирали установку.

Первая из них была готова к стрельбе уже в марте 1917 года. Но в это время немцы затеяли углубление пролива под самым Курляндским берегом, чтобы обойти батарею. Металлический завод получил задание срочно увеличить предельный угол возвышения до 40°. Это задержало испытание первой установки до апреля 1917 года, первые стрельбы проводились на ручном действии, а 3 мая — на электрическом. Но в результате дальность стрельбы этой батареи достигла 152 км, захватывая не только фарватер, но и сам берег. Однако воспользоваться этим можно было далеко не всегда, так как зачастую из-за туманов (особенно осенью) видимость не превышала 90—100 км.

У каждого орудия был построен временный погреб блиндированного типа с "земляной" присыпкой на 100 выстрелов. В восьми километрах от батареи построили два отдельных погреба на 100 выстрелов каждый. Здесь же находились склады, небольшие мастерские.

Батарея № 43 имела ряд серьезных недостатков: установки стояли открыто, без какой бы то ни было броневой защиты. Бетонные брустверы начали строить перед самым началом операции "Альбион". И кроме того, батарею в ущерб маскировке слишком далеко продвинули на юг, к проливу. Это, конечно, повлияло на исход Моонзундского сражения, но это влияние не было решающим. Крайне неудачным оказалось устройство погребов. Открытые с тыла, они имели здесь широкие входы для тележек с боеприпасами. Входы закрывались лишь дубовыми дверями, и это обстоятельство имело трагические последствия, о которых будет рассказано чуть дальше.

Но прежде следует вернуться на центральную позицию крепости Императора Петра Великого в год 1914-й

¹ Там же. л.115

² Об этой батарее см.гл.8.

Дальнейшее развитие центральной позиции

Мы оставили центральную и флангово-шхерную позиции в начале осени 1914 года.

Зимой 1914/1915 года работы на батарее практически не велись, но командованию крепости забот хватало. Шла напряженная подготовка к кампании 1915 года. Определялись поставщики вооружения и боеприпасов, заключались договора.

Ранней весной началось строительство бетонных оснований для американских 254/50 пушек на островах Руссарэ, Нарген и полуострове Суроп. На Руссарэ планировалось шесть орудий, на остальных батареях — по четыре.

Американские пушки так называемого фитингофского калибра — 234-мм (9,2 дм) длиной 50 калибров изготавливало "Вифлеемское общество стального производства". Пушки обладали достаточно высокими баллистическими данными, сообщая снаряду весом 212 кг начальную скорость 854 м/сек.¹ Дальность стрельбы при этом составляла около 100 км. Орудия размещались на установках открытого типа и снабжались броневыми щитами. Преимуществом американских установок была легкость и удобство горизонтального и вертикального наведения.

Из заказанных Морским ведомством 14 орудий 10 отправили из Нью-Йорка в Петроград 26 февраля 1915 года на пассажирских пароходах "Новгород" и "Тамбов", а 13 марта на "Ярославле" отправили и остальные. Боеприпасы пришлось сначала везти через Панамский канал во Владивосток, а затем поездом до Петрограда. Американцы прислали всего 20 бронебойных и по 30 полубронебойных и фугасных снарядов. Остальной боекомплект изготавливался на русских заводах.

По прибытии орудий в Петроград два из них отправили на морской полигон для определения оптимальной величины заряда.

В середине апреля 1915 года мастеровые Обуховского завода под руководством американского инженера Д.Грея собрали на полигоне первую установку, и уже к лету все орудия были готовы к отправке на батарею.

Установки снабжались старой системой ПУАО, основанной на совмещении стрелок. Лишь на батарее № 2 полуострова Суроп удалось установить более современную систему Гейслера, снятую с крейсера "Баян". Все батареи имели рельсовую систему подачи боеприпасов, причем тележки устанавливались по образцу тележек крейсера "Россия".²

Батарея № 2 располагалась на полуострове Суроп около деревни Саучи. Первоначально эта батарея планировалась как временная, подлежащая упразднению по готовности 356/52 башенных установок. Поэтому

погребов у орудий на 70 выстрелов каждый строили деревянными. Орудия предполагалось передать на о.Эрз, но после того как последовало решение о передаче в крепость 305/52 орудий на открытых установках, батарею № 2 решили оставить как постоянную. Тем более, что завершение строительства 356/52 башен отодвигалось все дальше и дальше. В результате на батарее № 2 начали строить постоянные бетонные погреба из расчета 150 выстрелов на пушку, а также командный пост с дальномером, защищенный от поражения 305-мм снарядом.³

На флангово-шхерной позиции, которая с организацией Або-Оландской шхерной позиции утратила свое первоначальное значение, работы производились в основном на о.Руссарэ. На центральной позиции основное внимание было сосредоточено на строительстве башенных установок.

Еще в конце 1913 года начались переговоры с Виккерсом, который обязался изготовить первые два 203-мм станка к 10 сентября 1914 года, еще два — к 10 ноября 1914 г. и последние четыре — к 10 января 1915 г.⁴ Напомним, что эти станки предназначались для 203/50 башенных установок Металлического завода батарей № 9 (о.Нарген) и № 20 (о.Макилото).

Но началась война и спутала все сроки. Металлический завод, срочно заканчивавший сборку трехорудийных башен линкоров "Севастополь" и "Полтава", задержал изготовление узлов 203-мм береговых башен. Сказалось и то, что часть деталей и механизмов заказывалась в странах, с которыми теперь Россия оказалась в состоянии войны. Так, электромагнитные муфты изготавливал завод "Вулкан" в Вене, и теперь пришлось заново заказывать муфты петроградскому отделению фирмы "Сименс-Шуккерт". Артиллерийский отдел ГУК в связи с этим перенес сроки готовности английских станков на весну 1915 года. Артиллерийский приемщик на заводе Виккерса в феврале 1915 года сообщал в морской крепостной совет о том, что изготовление станков идет крайне медленно, так как завод стремится в первую очередь выполнить заказы своего Морского ведомства. И это несмотря на то, что численность рабочих на заводе Виккерса с началом войны увеличилась в полтора раза — с 12 до 18 тысяч человек.

Наконец 5 марта 1915 года Металлический завод получил телеграмму от Виккерса, в которой говорилось о том, что два первых станка будут готовы 1 мая, еще два — 1 июня.

Тем временем на батарее № 9 Ижорский завод закончил монтаж жесткого барабана и на него установили расточной станок. Расточку погонов выполнял опытный

1 РГА ВМФ. ф.953.оп.1.д.34.л.5.

2 РГА ВМФ. ф.953.оп.1.д.34.л.250.

3 Там же. ф.р-29. оп.2.д.43.л.57.

4 Там же. ф.401.оп.2.д.718.л.7.

Расположение батарей центральной позиции

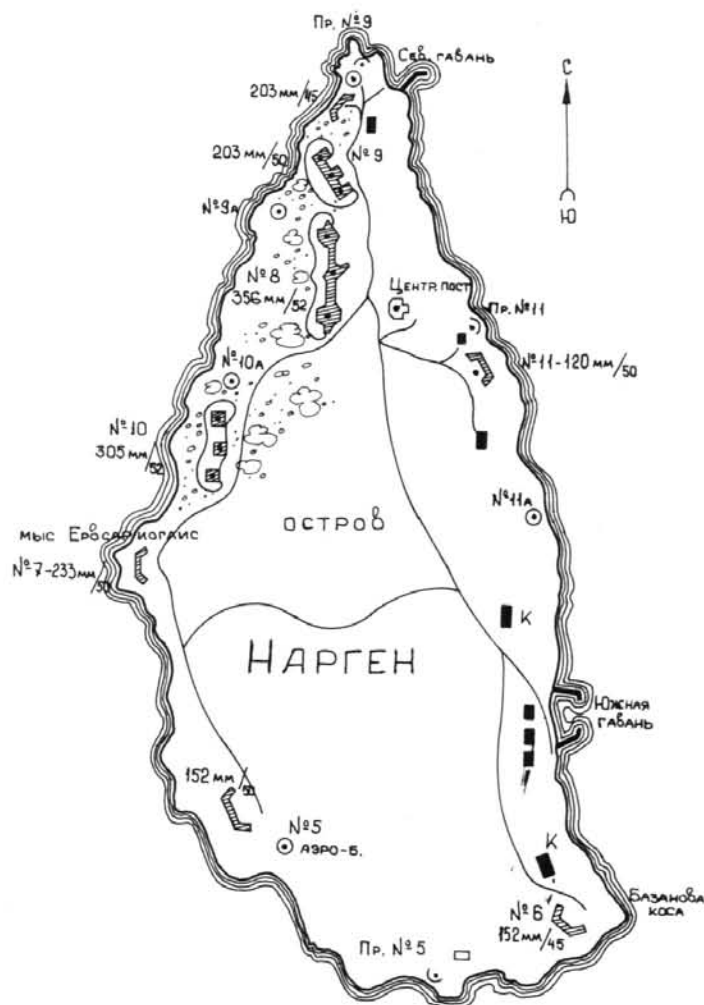
мастер Металлического завода Л.Рахнасто. На батарее № 20 о.Макилото строительные работы шли со значительным отставанием. Первый жесткий барабан был отправлен туда лишь 30 мая. Кроме того, при монтаже неподвижной брони южной батареи оказалось, что ее расположение не согласуется с общим тактическим заданием, то есть наибольшую толщину брони должна была иметь в западном направлении, а не в восточном, как получалось по чертежам. К счастью, бетонные работы еще не были закончены, и это позволило исправить ошибку.¹

Но эти задержки не имели значения, так как завод Виккерса вновь отложил срок готовности станков. 5 августа 1915 года Металлический завод в цехе собрал первый боевой стол, но из-за отсутствия станков не смог собрать всю установку целиком. А отправка боевого стола на батарею была возможна только после заводских испытаний установки.

Лишь 2 ноября 1915 года завод Виккерса погрузил на пароход "Адда" два первых оружейных станка. Почти через месяц — 29 ноября "Адда" прибыла в Архангельск². Оттуда поездом станки отправили в Петроград на морской полигон для испытаний. Затем — на Металлический завод и лишь после этого — в морскую крепость Императора Петра Великого. Вскоре в Петроград прибыли и остальные английские станки. В результате лишь в середине 1916 года батареи № 9 и № 20 вступили в строй.

С монтажом 305-мм башенной установки особых проблем не было. Выручал опыт изготовления трехорудийных башен линкоров типа "Севастополь". И кроме того, здесь работали опытные специалисты. Старшим производителем работ на о.Нарген был подполковник Н.И.Унгерман, впоследствии известный специалист по фортификации. Сборкой же 305/52 башенных установок руководил главный мастер Петроградского Металлического завода Антон Ружан. Ему помогал его младший брат — Дементий, о котором уже упоминалось, когда речь шла о демонтаже артиллерии амурских мониторов. К этому времени А.Ружан имел уже солидный опыт монтажа сложных металлоконструкций, изготовлением которых славился Металлический завод.

Остров Вулф интересен тем, что еще в первой половине XIX века он был почти весь покрыт вековым сосновым лесом. Примерно в 1854 году владелец острова граф Буксгевден вырубил весь лес и продал его как строевой и на дрова в Ревель. Себе граф оставил лишь небольшую часть бревен, которые пошли на постройку двух довольно крупных кораблей. Один из них был спущен на воду и с грузом льна отправился в плавание. А чтобы обмануть английскую эскадру, появившуюся на Балтике, на корабле подняли флаг одной из европейских

План острова Нарген

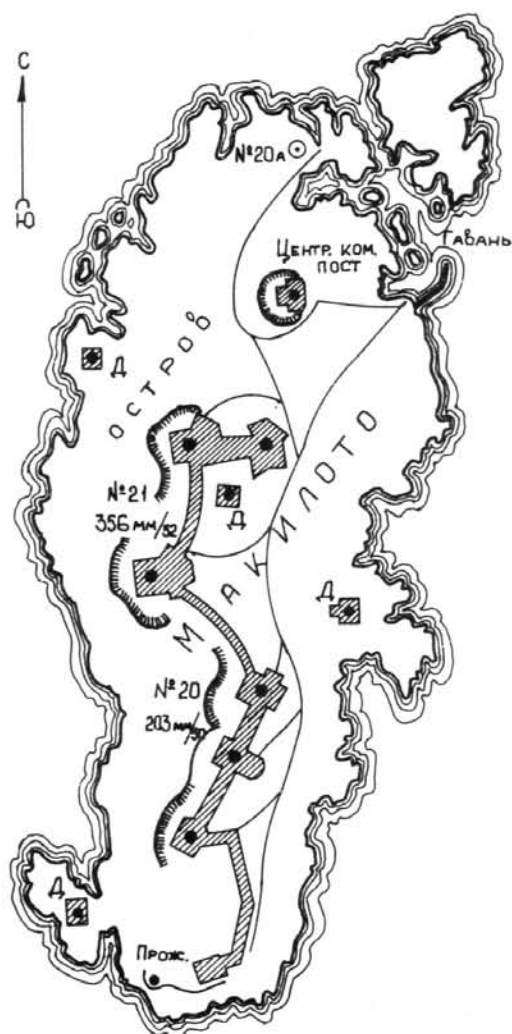
ских держав. Однако англичане не поверили и захватили корабль и груз.

Другой строившийся на о.Вулф корабль так и остался на берегу. Когда на острове появились строители крепости, их встретил новый лес, которому было около 60 лет. Его вырубать не стали, но не из любви к природе, а из соображений маскировки.

Строительство 356-мм башен с самого начала было поставлено в ненормальные условия уже тем, что на каждую из батарей № 8 и № 21 требовалось изготовить по три 356-мм башни. Еще две ждала батарея № 1 на полуострове Суроп. И это при том, что российские военные заводы просто захлебывались от обилия военных заказов. В частности, для строившихся в Петрограде линейных крейсеров типа "Измаил" требовалось изготовить 16 356-мм башенных установок. Понимая нереальность этих планов, командование морской крепости Петра Великого на батареях № 8 и № 21 строило

РГА ВМФ. ф.418.оп.2.д.718.л.279.

2 Там же л.258.

План острова Макилото

только по две башни. Но это не помогало, строительство все равно продвигалось крайне медленно. Во-первых, всегда находились работы более срочные, чем 356-мм установки. Например, 13 мая 1917 года комендант крепости указывал, что "работы по сооружению 14-дм башенной батареи о.Макилото надо вести с таким расчетом, чтобы они не влияли на срочное окончание 8-дм батареи"¹.

Внесли свою лепту и забастовки. 30 апреля 1915 года на о.Макилото прибыли 59 человек из Тверской губернии. Отработав полтора дня, они "отказались от дальнейших работ, не пожелав вернуть полученных задатков или отработать их доставку на остров"². Рабочие объяснили свой отказ тем, что "им обещали землю, а здесь скалы, каменщики ждали кирпич, а здесь

камни, а они не привыкли". Негласное расследование установило как одну из возможных причин попытку переманить рабочих к другому подрядчику, платившему больше. По договору за работу на о.Макилото рабочий "первой руки", работая по 10,5 часа в день, получал 40 рублей в месяц и "харчи": на день мяса свежего или соленого 1 фунт, белого хлеба 1,5 фунта, ржаного хлеба крупы и приварку сколько потребуется, масло 1 фунт на 10 человек, сахар в месяц 2 фунта и чаю 1/4 фунта"³.

Для сравнения отметим, что квалифицированный рабочий на Металлическом заводе в 1915 году с учетом военной надбавки получал в день 2 руб. 92 коп., то есть 70—75 руб. в месяц. Рабочий, не имевший квалификации, получал 1 руб. 30 коп. в день, 35—40 руб. в месяц⁴.

Никакие угрозы и уговоры не смогли заставить тверских крестьян выйти на работу. 7 мая их отправили в Ревель на ледокол "Трувор".

А вот как продвигалось строительство башенной установки № 1 (северная) на батарее № 8 о.Нарген.

1 января — 30 июня 1914 года

Исследование местности. Выемка котлована. Начата бутовая кладка фундамента.

1 июля — 31 декабря 1914 года

Адмиралтейский завод собрал и установил анкерные кольца. Заливка их бетоном.

1 января — 30 июня 1915 года

Начаты работы по сборке жесткого барабана, устройству дренажа.

1 июля — 31 декабря 1915 года

Устройство насыпи для железной дороги, для подвода тяжелых узлов башенной установки. Закончена сборка жесткого барабана.

1 января — 30 июня 1916 года

Построена железная дорога, начата расточка погон.

1 июля — 31 декабря 1916 года

Начато бетонирование погреба, закончена клепка вертикального погона и установка цевочного обода. Доведен боевой стол.

1 января — 30 июня 1917 года

Собран 110 т кран, который установил боевой стол. Смонтированы подкрепления под неподвижную броню. Каркасы вращающейся брони⁵.

В сентябре 1917 года на морском полигоне испытали первый 356-мм станок, изготовленный в Николаеве по чертежам Металлического завода. После испытаний, показавших удовлетворительные результаты, станок отправили на о.Нарген. Но собрать 356-мм башню так и не удалось.

1 РГА ВМФ. ф.1148.оп.1.д.2456.л.71.

2 Там же. ф.949.оп.1.д.72.л.1.

3 Там же. л.6.

4 ЦГИА ф.1357.оп.1.д.1621.л.171.

5 РГА ВМФ. ф.1148.оп.1.д.2450.л.115.

На о.Макилото строительство 356/52 башенной батареи № 21 продвигалось еще медленней. Реально оно могло быть закончено лишь к лету 1918 года. И это лишь в том случае, если бы Металлический завод успел завершить изготовление двух 356-мм станков, предназначенных для башенных установок линейных крейсеров типа "Измаил". Весной 1917 года Морское министерство решило передать их в морскую крепость Императора Петра Великого, но Металлический завод уже был не в состоянии справиться с этой работой.

На остальных батареях строительство шло более успешно. Уже к осени 1916 года удалось создать весьма стройную систему обороны берегов Балтийского моря, которая, правда, была ориентирована в основном на борьбу с флотом. Противодесантная и особенно противовоздушная оборона в 1916 году оставляла желать лучшего.

Так, рано утром 18 июля 1916 года над Ревельским рейдом появились четыре германских гидроплана. В 5 час. 45 мин. часовой батареи № 13 на п-ове Вимс Зыков заметил четыре точки, летящие к Ревелю между островами Нарген и Вулф. Зыков доложил командиру батареи ст. лейтенанту Леонтьеву, но пока по телефону выясняли, чьи это гидропланы, в Ревеле уже началась бомбежка. Самолеты прошли над рейдом, Морской центральной телефонной станцией, заводом Беккера и в 6 час. 25 мин. были уже над Сурупом. Эффект от бомбежки был, скорее, психологический: 1 человек убит, 1 ранен. Одна из бомб по счастливой случайности попала между стоявшими рядом пароходами "Конвоир" и "Грузовой". Взрывом разворотило борт у "Конвоира". Несколько зажигательных бомб упало около цистерны с бензином, но пожар вовремя потушили.

Позднее выяснилось, что в день налета в 50 милях от о.Даго было замечено три германских крейсера и 14 миноносцев и между ними, видимо, авиамавка.

Главный мастер металлического завода А.Ружан

Зенитные батареи № 5 на о.Нарген и № 12 на о.Карлос успели лишь вдогонку открыть огонь по самолетам. Стреляли и из пулемета с одного из кораблей, но тоже безуспешно¹.

Авиация, а тем более морская, делала свои первые шаги, и методы борьбы с ней только начинали отрабатываться.

Передовая и тыловая позиции

По мере того как флот получал возможность переносить свои действия в районы, все более отдаленные от основной базы, становилась очевидной необходимость создания передовой позиции. В 1916 году появилась реальная возможность начать строительство 305/52 батареи на весьма важном участке — м.Тахкона о.Даго. Эта батарея, получившая № 39, в сочетании с батареей № 60 о.Эрэ и должна была образовать передовую позицию. Однако расстояние между ними превышало суммарную дальность стрельбы 305/52 орудий, то есть средняя часть позиции оставалась вне зоны действия береговой артиллерии. Кроме того, ширина позиции осложняла повседневную охрану и дозор.

Для защиты флотом такая позиция требовала большого числа маневренных отрядов линейных кораблей. До некоторой степени это обеспечивалось вступлением в строй бригады линкоров типа "Севастополь". Для состава флота 1916 года центральная позиция уже была тесна — флот на ней не смог бы с достаточной продуктивностью использовать свою силу. Это и было одной из причин того, что главное внимание постепенно переходило к передовой позиции. В последний период кампании 1915 года даже возник вопрос о придании передовой позиции того значения, какое имела центральная позиция¹. Тогда же начались проработки этого варианта, но его осуществлению помешала недостаточная степень готовности всего комплекса береговой обороны. В 1916 году ситуация изменилась. Однако основные силы Российского флота в течение этой кампании не проявили должной активности, укрываясь за оборонительными рубежами в Финском заливе. Бездействие привело не только к тому, что Балтийский флот не использовал благоприятных возможностей для решения стоявших перед ним задач, но и к упадку боевого духа среди личного состава.

В такой ситуации основным средством обороны передовой позиции в 1915 и 1916 годах стали мощные минные заграждения. Правда, большая глубина моря на этом участке требовала периодического восстановления заграждений, что и делалось. И, как показали события осени 1916 года, совсем не зря. Самое невероятное — то, что немцы, видимо, не предполагали существования у входа в Финский залив столь плотного минного заграждения. Не имея четкого представления о реальной обстановке, германское командование решило осуществить набег 10-й минной флотилии с целью поиска и уничтожения русских кораблей в западной части Финского залива и обстрела Балтийского порта. Флотилия, состоявшая из 11 новейших эсминцев, вечером 10 ноября подошла к передовой позиции. При прохождении минного заграждения на минах подорвались два эсминца. Третий принял команды погибших кораблей и по-

вернул обратно. Остальные восемь прорвались через передовую позицию и два часа в темноте вели безрезультатный поиск русских кораблей. Затем, выпустив по Балтийскому порту 162 снаряда, 10-я флотилия направилась к выходу из залива. Немцы проложили курс несколько севернее того места, где погибли два эсминца, но на обратном пути на минах подорвались и затонули еще пять эсминцев. Таким образом, этот набег стоил германскому командованию семи новейших эскадренных миноносцев.

Важной особенностью боевой деятельности как русского флота, так и германских морских сил Балтийского моря в кампании 1916 года явилась ограниченность по целям и масштабам. Исключение составил бесславный поход 10-й флотилии эсминцев.

Основное внимание командования Балтийского флота было приковано к усилению береговой обороны. И в этом направлении была проделана огромная работа. В течение года на приморском фронте морской крепости Императора Петра Великого было введено в строй 22 батареи с общей численностью орудий 74 единицы, а также выставлено 25000 мин.

С созданием передовой позиции (несмотря на то, что батарея № 39 на м.Тахкона была введена лишь в 1917 году) уже в 1916 году вся оборона Финского, Ботнического и Рижского заливов была объединена в единую систему. Центром ее являлась оборона Финского залива, состоявшая из двух глубоко эшелонированных минно-артиллерийских позиций: центральной и передовой, с укрепленными районами на флангах каждой из них.

Такое положение потребовало составления нового боевого расписания для береговых батарей. Первое боевое расписание составлялось лишь для Ревельского района приморского фронта крепости. Новое наставление предназначалось для всей центральной позиции, включавшей на северном фланге о.Макилото, на южном о.Нарген, о.Карлос, полуострова Вимс, Суроп. Комиссия, составлявшая наставление, признавала тактическую выгоду от сосредоточения огня всех батарей по одной цели, но "не нашла возможным осуществить это на принятых на приморском фронте морской крепости действующих на Балтийском флоте способах артиллерийской стрельбы"². Только для батарей № 2 и № 7, вооруженных одинаковой артиллерией и имеющих взаимоперпендикулярное расположение директрис, комиссия организовала сосредоточенную стрельбу по одной цели.

В августе 1916 года комендант крепости утвердил боевые наставления для флангово-шхерной и Моонзундской позиций.

Каждое боевое наставление начиналось следующими словами: "Настоящее боевое наставление дает лишь об-

1 Морской Сборник №5-6. 1919.стр.39.

2 РГА ВМФ. ф.р-29.оп.2.д.43.л.88.

шие руководящие указания для действия батарей по неприятелю. На практике могут встретиться случаи, когда не удастся или невыгодно будет в полном объеме применить эти указания. Отступление от них и вообще применение их к действительной обстановке предоставляется инициативе командиров или заменяющих их офицеров"¹. Проявлять инициативу командирам батарей вскоре пришлось в полной мере.

Начиная с 1916 года Балтийскому флоту пришлось заниматься еще одной позицией — тыловой. 9 января 1916 года главнокомандующий армиями Северного фронта и флотом Балтийского моря генерал от кавалерии Плеве предписал: "... к востоку от Готланда в районе между меридианом Соммерс и Биорке создать позицию с соответствующей базой флота и оборудованием прилежащего шхерного фронта"². Это был возврат к одному из первых вариантов береговой обороны Финского залива, которые разрабатывались в 1909 году. Теперь предполагалось к апрелю 1918 года иметь следующие батареи на тыловой позиции Финского залива:

Таблица №6

Место расположения	Количество и калибр орудий
о.Лавенсари	IV - 254/45; IV - 152/45
о.Соммерс	IV - 254/45; IV - 152/45
о.Кильпсари	IV - 152/45
о.Ранкэ	IV - 152/45

Предполагалось, что орудия для этой позиции передаст Кронштадтская крепость. Но ко всем сложностям того периода добавился еще и спор о том, в ведении какого министерства, Военного или Морского, должна на-

Командующий Балтийским флотом
адмирал В.А. Канин

ходиться Кронштадтская крепость. Кроме того, флот с недоверием относился к созданию тыловой позиции, считая, что она предназначена не для флота, а для его остатков, уцелевших после боя на центральной позиции. Вот как объяснил такое отношение капитан I ранга М.Петров, бывший флаг-офицер Н.О. фон Эссена: "Сознание, что ты на последнем рубеже, придает особые силы, а когда еще есть одна позиция, то бой на основной может быть лишен одного из импульсов, питающих напряжение сил флота в решающем бою"³.

В результате к концу 1917 года тыловая позиция Финского залива была оборудована лишь частично.

¹ Там же. л.89.

² Там же. д.46.л.2.

³ Морской сборник № 5—6.1919.стр.47.

Сухопутный фронт

Постоянный член временного крепостного совета морской крепости Императора Петра Великого капитан I ранга В.М. Альтфатер

Еще в первом проекте Ревель-Поркалаудской позиции предполагалось укрепление Ревеля с суши. Но вследствие необходимости срочной разработки приморского фронта подробное обследование сухопутного района пришлось отложить. И лишь летом 1912 года под руководством начальника Генерального штаба проводились первые изыскания в окрестностях Ревеля. По их результатам полковник Щеглов разработал первоначальный проект обороны сухопутного фронта. 11 февраля 1913 года Николай I одобрил его, но окончательный вариант был утвержден лишь в конце 1913 года. По проекту расположение главных позиций обуславливалось удалением сухопутного фронта на расстояние, обеспечивающее порт от обстрелов с суши. Кроме того, необходимость защиты с материка батарей на п-ове Суруп определила некоторую растянутость фронта.

В целом сухопутному фронту морской крепости Императора Петра Великого ставилась задача "защищать от взятия открытой силой и нечаянным нападением приморский фронт крепости от п-ова Суруп до п-ова Вимс включительно, при этом сооружения военного порта у в.Карлос должны быть обеспечены от бомбардирования, а г.Ревель — от действительного огня противника с сухопутной стороны"¹.

Сухопутный фронт крепости проходил в среднем на расстоянии 19—20 км от Ревеля и имел протяжение по обводу около 48 км. Фронт проходил по местности, изобилующей населенными пунктами. В основном это были небольшие деревни и хутора (мызы).

Равнинный характер местности обеспечивал огневую связь опорных точек и их взаимную поддержку, но затруднял действие артиллерии из-за недостатка естественных укрытий позиции.

Болота, которых было довольно много в этой местности, не рассматривались как серьезные препятствия для атакующего неприятеля, так как чаще всего это был лишь тонкий слой торфа, лежащий на каменной плите. В сухое лето болота высыхали настолько, что иногда по ним можно было даже ездить на подводах.

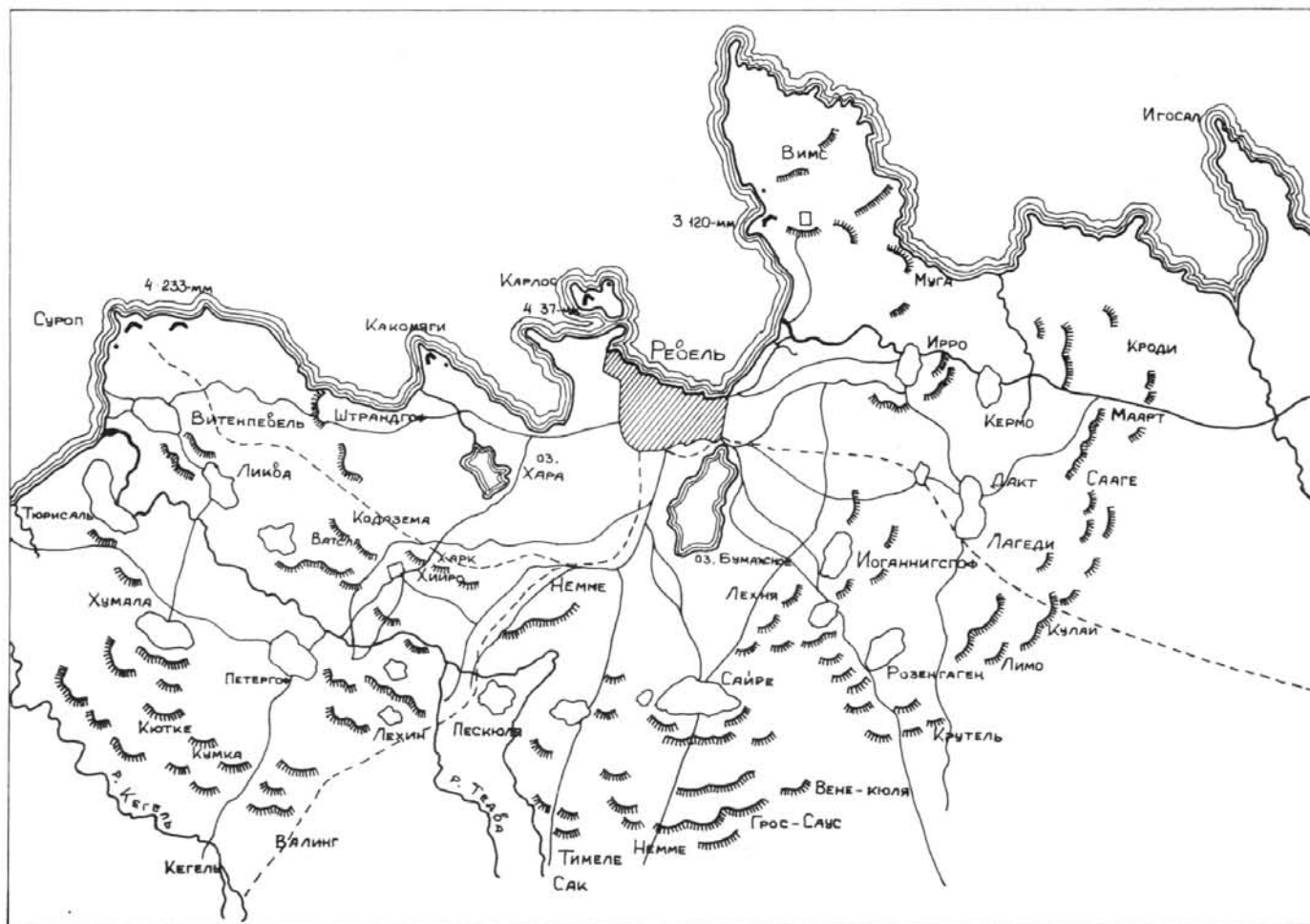
Первоначальный проект сухопутного фронта предполагал организацию и строительство девяти укрепленных групп, двух отдельных фортов и девяти промежуточных опорных пунктов. На вооружение фронта назначалось 296 орудий дальнего боя, 292 орудия мелкого калибра и 164 пулемета².

Подготовительные работы на позициях начались в 1913 году, и к началу войны имелось всего пять укрепленных групп и опорных пунктов: № 1 — у Витенпелева, № 3 — западнее Ватола, № 4 — начатая у Хийру, а затем вынесенная к Петергофу в качестве передовой, № 6 — у Пескюля и № 12 — у Ирро. Причем на большей части позиций строительство укреплений только разворачивалось. Уже во время войны, продолжая постройку начатых долговременных групп, наряду с ними стали устраивать полевые позиции у Витенпелева и Ликвы, у Штрангова и впереди Немме, а также в других местах.

Надо сказать, что особенностью строительства сухопутной обороны Ревеля была крайняя неустойчивость взглядов на основные принципы ее устройства.

Так, в 1915 году центр тяжести был перенесен на долговременные сооружения — возводились бетонные убежища и тоннельные ходы (потерны). В начале 1916 года поступил приказ бросить работы долговременного характера и начать укрепление полевых позиций. Осенью 1916 года полевые позиции временно оставляются и строители снова берутся за долговременные укрепления. Через некоторое время, продолжая

1 РГА ВМФ. ф.1148.оп.1.д.2390.л.73.
2 В.В. Яковлев. Приморские крепости. Л.1926.стр.100.

Сухопутный фронт морской крепости Императора Петра Великого

последние, снова совершенствуют и развивают полевые позиции. Окончательные, сложившиеся к этому периоду позиции представляют собой смесь долговременных сооружений с чисто полевыми. Такими были, например, позиции у Тюрисаля, у Хумола, у Иоганисгофа. На стр.46 приведено последовательное изменение укрепленной группы у Иоганисгофа, начиная с проектного вида и кончая тем, который она приняла ко времени эвакуации крепости.

Такая ситуация на сухопутном фронте отчасти объяснялась изменением общей обстановки на Северном фронте, включая Балтийское море. Кроме того, за все время существования крепости Императора Петра Великого сухопутной обороне Ревеля придавалось второстепенное значение. Среди большей части моряков бытовало мнение, что здесь можно устроить оборону "...не прибегая к созданию дорогостоящих артиллерийских позиций"¹.

Насколько далеки были сухопутные офицеры от понимания проблем береговой артиллерии, настолько морские офицеры оказались не в состоянии (или не по-

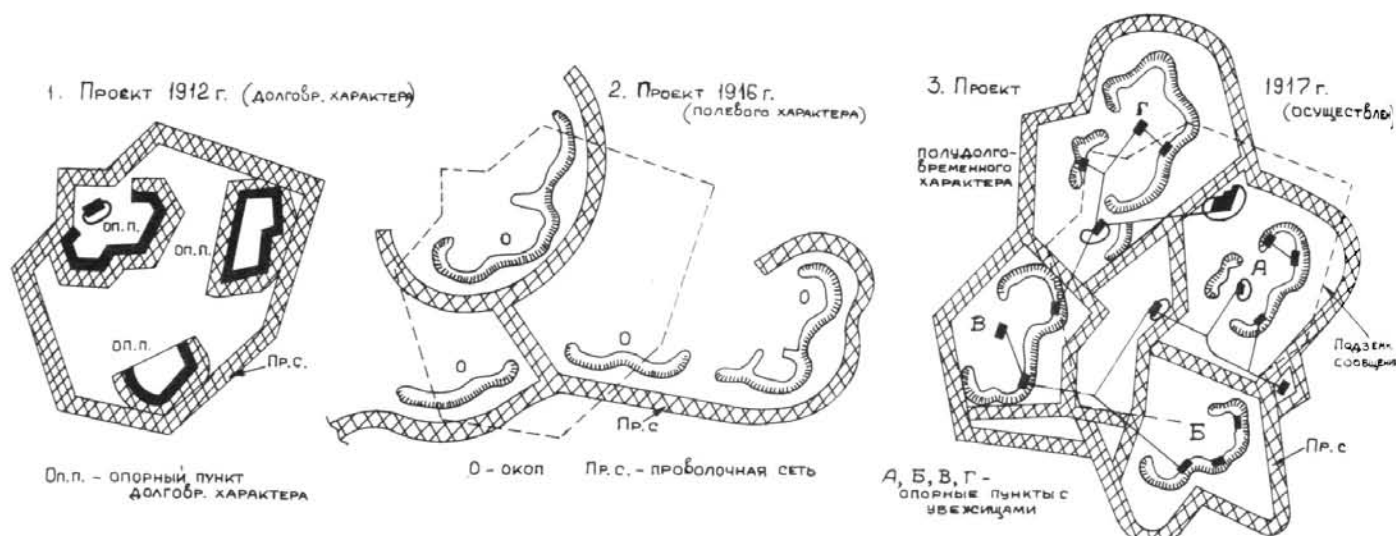
желали) вникнуть в проблемы обороны сухопутной. И хотя артиллерией сухопутного фронта командовал сухопутный офицер, генерал-майор Лайминг, без поддержки командования Балтийского флота ему трудно было что-нибудь сделать.

9 октября 1915 года постоянный член Морского крепостного совета В.М.Альтфатер обратился с довольно длинным письмом к капитану I ранга Н.И.Игнатьеву, ставшему флагманским артиллерийским офицером вместо погибшего на "Славе" В.А.Свиньина. Письмо было посвящено в основном проблемам сухопутного фронта, но начиналось весьма характерной фразой: "Покойный Свиньин от себя это дело отпихивал"². Далее В.М.Альтфатер выражал надежду, что Н.И.Игнатьев будет уделять больше внимания артиллерии сухопутного фронта, но и преемнику В.А.Свиньина хватало забот с корабельной артиллерией.

Осенью 1915 года в морскую крепость Императора Петра Великого стала поступать артиллерия из крепостей Западного фронта: Осовца, Брест-Литовска, а так-

1 РГА ВМФ. ф.1148. оп.1.д.2390.л.76.

2 РГА ВМФ. ф.418.оп.1.д.407.л.5.

Изменение укрепленной группы у Иоганисгофа в процессе строительства 1912—1917 гг.

же большое количество трофейных германских и австрийских пушек.

Это, с одной стороны, способствовало решению главной задачи — снабжению сухопутного фронта артиллерией. С другой — ставило новые проблемы. Для трофейных пушек пришлось налаживать изготовление снарядов, а для 9-см австрийских пушек на Обуховском заводе изготовили новые замки.

На сухопутном фронте, как и на морском, планировалось размещение 305-мм орудий. Однако реально артиллерия сухопутных позиций могла рассчитывать лишь на одну такую пушку, так как установка имела только одна, и та опытная на морском полигоне. Ее назначили на позицию близ Немме, а переделку опытной установки для сухопутного фронта поручили Металлическому заводу.

В 1916 году сухопутному фронту морской крепости Императора Петра Великого пришлось расстаться с частью артиллерии. Сформированные специально для сухопутной обороны Ревеля 1-й и 2-й морские тяжелые дивизионы, имевшие на вооружении 305-мм гаубицы образца 1915 года, отправили в распоряжение Усть-Двинской крепости. Дивизионы принимали активное участие в обороне Риги, до последнего дня обстреливая немецкие позиции.

В сентябре 1917 года дивизионы вернулись в крепость Императора Петра Великого, а с ними и другие артиллерийские соединения Усть-Двинской крепости. К этому времени комендантом крепости Петра Великого стал генерал-майор Изметьев. Он сменил на этом посту контр-адмирала П.Н.Лескова. (Лесков стал комендантом крепости после того, как во время февральских событий 1917 года в Ревеле был ранен А.М.Герасимов. А место начальника приморского фронта морской крепости Императора Петра Великого занял капитан I ранга Б.Б.Жерве.)

Ситуация к концу лета 1917 года в крепости Петра Великого, как и во всей армии, как и во всей России,

сложилась крайне напряженная. Лучшей иллюстрацией тому может служить рапорт контр-адмирала П.Н.Лескова командующему Балтийским флотом контр-адмиралу А.В.Развозову.

29 августа 1917 года

Командующему флотом Балтийского моря.
Рапорт

В связи с событиями на северном флоте, той исключительной важностью, которую приобретает крепость ИПВ, и той серьезной ответственностью, которая ложится на меня как Коменданта Крепости, я считаю своим долгом службы вновь доложить то, что мной неоднократно докладывалось как Вам, г.Адмирал, так и Вашим предшественникам. До сих пор на гарнизон крепости ИПВ все начальствующие лица смотрели как на войска, которые представляют из себя известную силу, и которая способна оказать сопротивление врагу. Между тем эти войска как по своему численному составу, так и по своей подготовленности и особенно в моральном отношении отнюдь не представляют из себя части, на которые можно было бы рассчитывать как на боевую силу. Так 1-й и 2-й крепостные пехотные полки имеют своих рядах — первый полк около 800 штыков, второй полк около 1100 штыков. Полки эти с самого начала своего формирования почти не вели занятий, неся непосильные для них караульные наряды. Идеи большевизма пустили в этих полках глубокие корни и, в связи с неразвитостью и темнотою солдатского состава, сделали эти полки непригодными и совершенно неподготовленными для боевых действий.

469-й пехотный Арзамасский и 471-й Козельский полки требуют пополнения до 14 маршевых рот. Эти полки пополнялись худшими элементами из запасных полков и состав их, как в большинстве случаев офицерский, так и солдатский не может желать худшего. Занятия в этих полках также почти не велись. Большинство людей или охраняет пленных или несет караульные наряды и кроме того, потакаемые слабым составом младших офицеров, занятий не ведут. Грabeжи и разбои этих полков стали обычным делом, а идеи большевизма и критика распоряжений начальства сделали эти полки малопригодными к бою и надежды на них возлагать не приходится.

Гарнизон крепости не имеет подвижной артиллерии, о сформировании которой мной много раз ходатайствовалось и без которой оборона крепости мало действенна. Укрепления крепостного обвода в связи с неполучением до последнего времени определенных директив от высшего начальства, в связи с рабочим кризисом и невозможностью проводить работы войсковыми частями, требующими оплаты их труда наравне с рабочими, не приведены до сих пор в должное состояние и мало обороноспособны.

Докладывая о всем вышеизложенном, я вновь доношу, что без пополнения полков до их штатного состава, без присылки сейчас же хотя одной действующей пехотной дивизии с ее артиллерией и не менее 2 кавалерийских полков крепость никакой серьезной силы даже для пассивной обороны не представляет и я, не рассчитывая совершенно

на ее настоящий гарнизон, прошу указать, на что я могу рассчитывать и будет ли удовлетворено мое ходатайство.

Вместе с тем прошу ходатайства о спешном назначении Начальника обороны сухопутного фронта крепости, без которого я как офицер морской службы обойтись не могу, так как недостаточно знаком со всеми требованиями сухопутной войны. Если же в настоящее время ввиду невозможности прибытия полковника Махрова начальник сухопутного фронта крепости назначен быть не может, то я прошу ходатайства о назначении Комендантом крепости сухопутного генерала, особенно если положение сухопутного фронта крепости признается ответственным и серьезным.

Еще в начале мая сего года я, представляя проект Штата Начальника сухопутного фронта крепости, высказал мнение, что Комендантом крепости должен быть для пользы службы сухопутный генерал, но мое мнение у высшего начальства поддержки не получило.

Считая, что своими ходатайствами и указаниями на состояние сухопутного гарнизона крепости и ее укрепления я в полной мере исполнил все от меня зависящее, я теперь вновь подтверждаю, что крепость в данном состоянии не способна к защите, ее гарнизон не имеет никакой цены как боевой материал и я как Комендант крепости рассчитывать на успех исполнения возложенной на крепость задачи не могу.

Контр-адмирал Лесков¹

Еще более категоричен был начальник строевого отделения сухопутного фронта подполковник Костанди, считавший ошибкой подчинение прибрежного района командующему флотом. Старый спор о приморских крепостях разгорелся с новой силой. Но в данном случае надо иметь в виду общую кризисную ситуацию, в результате которой оказалось, что "над фактическими руководителями обороны... поставлены совершенно некомпетентные, не правомочные, а иногда и воображающие себя сухопутными стратегами адмиралы, что безусловно вредно отражается на деле обороны".

В конце концов командование решилось на реорганизацию, и 9 октября 1917 года главнокомандующий армии Северного фронта приказал:

1. Выделить из состава крепости Императора Петра Великого приморский фронт и артиллерию приморского фронта, подчинив начальника приморского фронта непосредственно командующему флотом.

2. Переименовать приморский фронт и артиллерию приморского фронта в "береговую оборону Финского залива"². Ее начальником стал капитан I ранга Б.Б.Жерве.

Но уже через три недели, 31 октября, последовал новый приказ "Об образовании двух укрепленных районов: на северном берегу Финского залива (Свеаборгская крепость) и на южном (морская крепость Императора Петра Великого)". На основании этого приказа комендант крепости генерал-майор Изметьев издал 1 ноября 1917 года свой приказ войскам Ревельского укрепленного района:

"С целью придать надлежащую организацию обороне подступов с сухого пути к флангам главной морской

позиции главнокомандующий армиями Северного фронта приказал образовать Ревельский укрепленный район, включив в него сухопутный фронт вверенной мне крепости.

В состав Ревельского укрепленного района кроме постоянного состава крепости включена 44-я пехотная дивизия с ее артиллерией, 13 и 15 Донские казачьи полки с конной казачьей артиллерией и войска Эстляндской группы.

Я назначен начальником Ревельского укрепленного района.

Штабом укрепленного района быть штабу Крепости. Обязанности инспектора артиллерии района исполнять начальнику артиллерии крепости генерал-майору Нагорову.

Обязанности начальника инженеров района исполнять начальнику инженеров крепости полковнику Маресеву.

Общим начальником над Ревельским и Свеаборгским укрепленными районами остается командующий сухопутными войсками, подчиненными командующему флотом Балтийского моря"³.

Таким образом было формально зафиксировано преобразование крепости в укрепленный район. Причем процесс этот начался едва ли не с первых дней существования крепости.

Но в конце 1917 года уже никакие преобразования такого рода не могли остановить разложения армии, деградации и надвигающегося кошмара.

Изметьев в октябре еще пытался завершить некоторые фортификационные работы, исправить недостатки, но не успел. 29 декабря 1917 года штаб Северного фронта приказал: "Все позиционные и долговременные работы прекратить, заготовки для весенних работ до особого распоряжения не производить"⁴.

К этому времени сухопутный фронт, широкой полосой окаймлявший крепость с юго-запада, юга и юго-востока, представлял собой укрепленную линию, скорее, позиционного, чем долговременного характера. Отдельные группы являлись как бы центрами или узлами сопротивления. Здесь постройки были частично долговременные (бетонные убежища, потеры), но в большей степени полевые (окопы, проволочные заграждения, открытые ходы сообщения). Группы соединялись с центром крепости проведенными ветками железных дорог, а все пространство позади групп было покрыто довольно густой сетью шоссейных дорог. Центральный склад всей крепости построили у станции Немме⁵.

К моменту занятия Ревеля немцами (25 февраля 1918 года) большая часть сооружений была взорвана.

1 РГА ВМФ. ф.949.оп.1.д.44.л.12.

2 Там же. л.113.

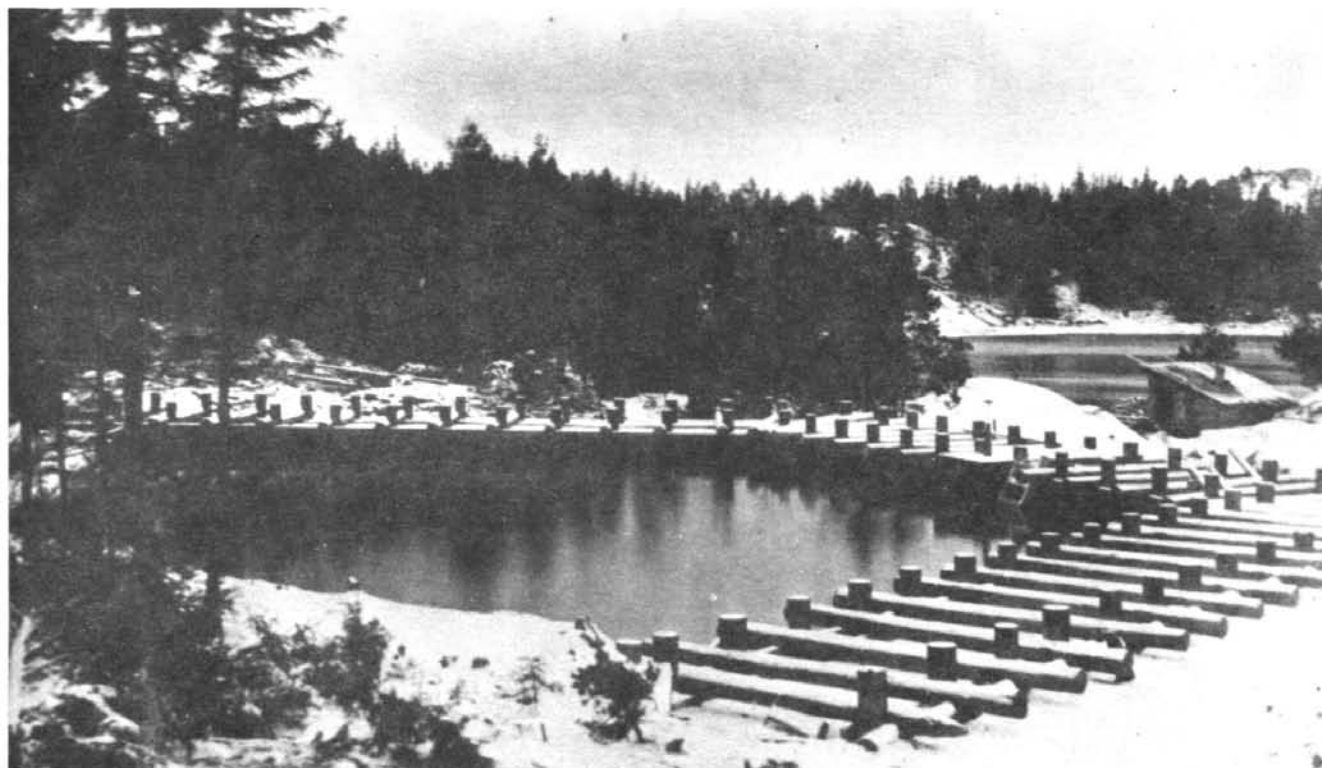
3 РГА ВМФ. ф.949.оп.1.д.44.л.56.

4 Там же. д.143.л.3.

5 В.В. Яковлев. Приморские крепости. Л.1926 стр.102.

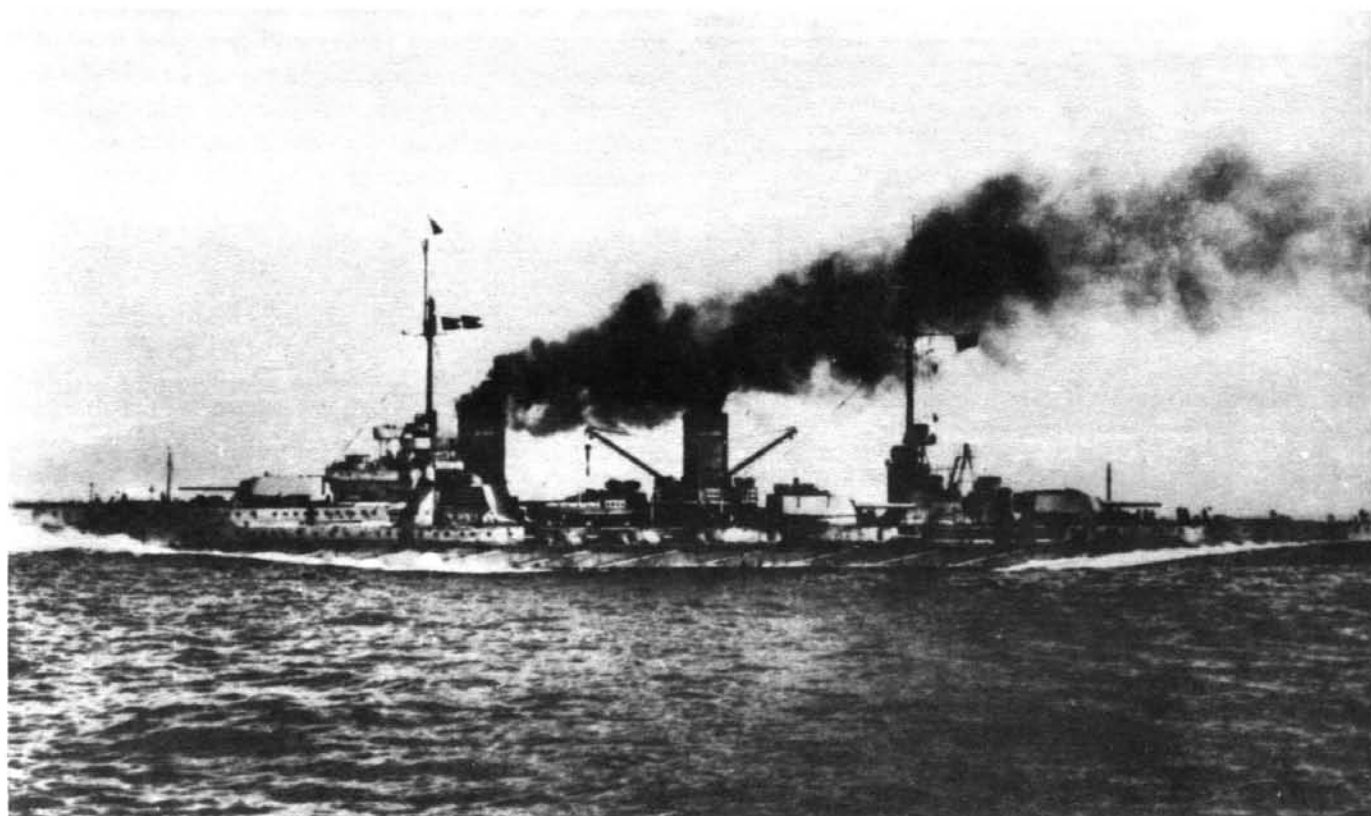
Остров Оланд, транспортировка 152-мм орудия

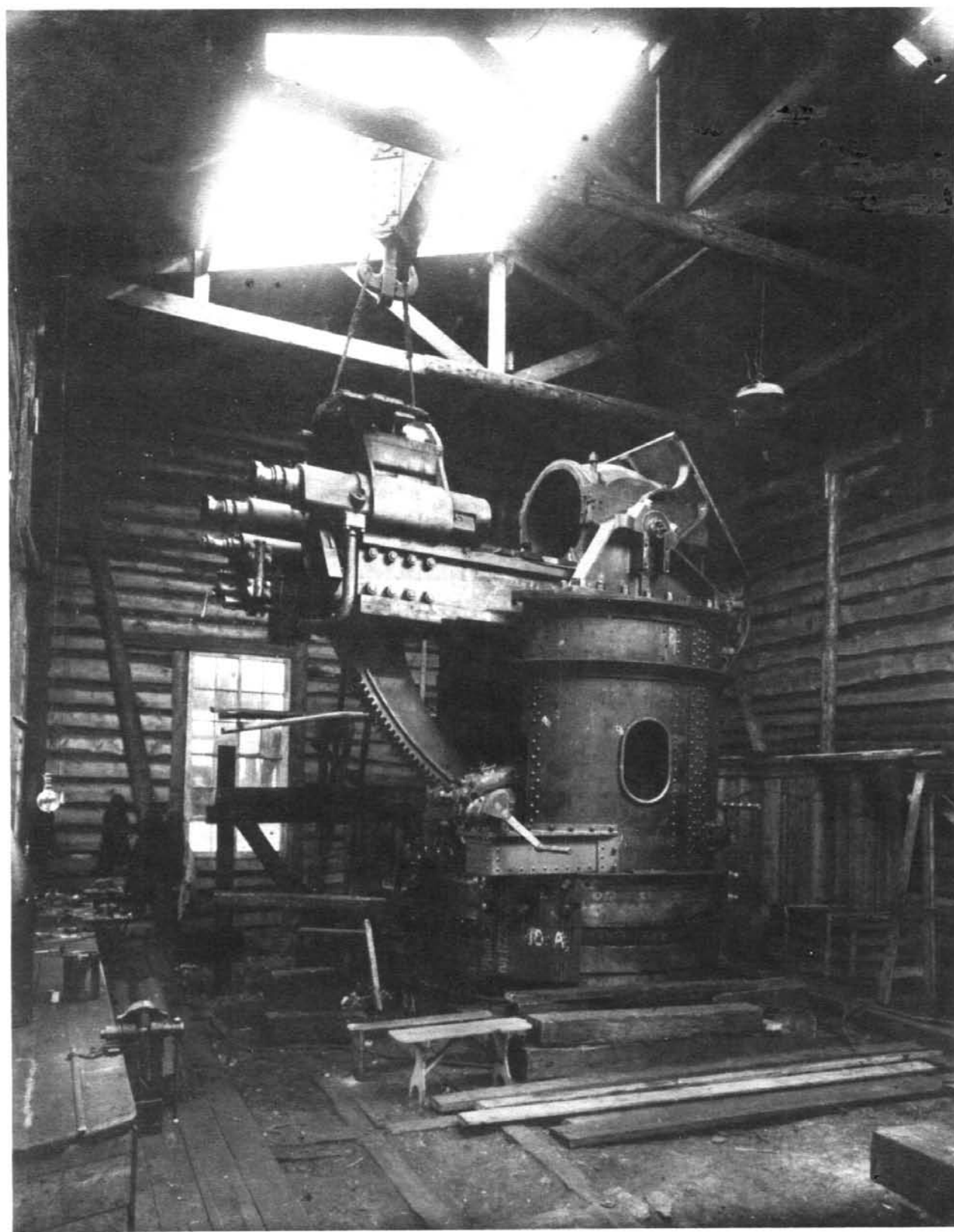
Остров Стура-Миеде. Каптаж

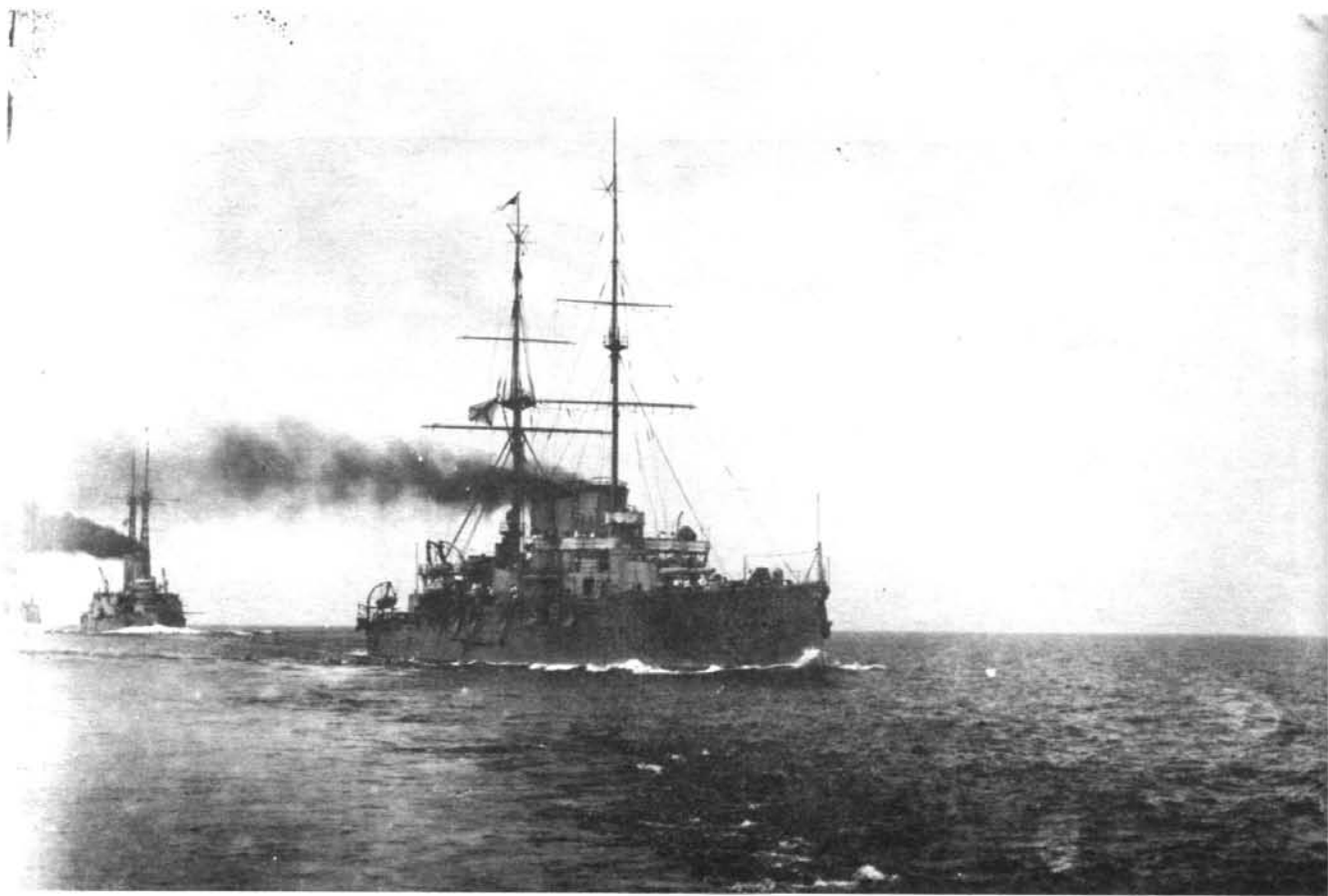
Великий князь Кирилл Владимирович на острове Люпертэ на батарее (IV - 152/45), которая так и не была достроена

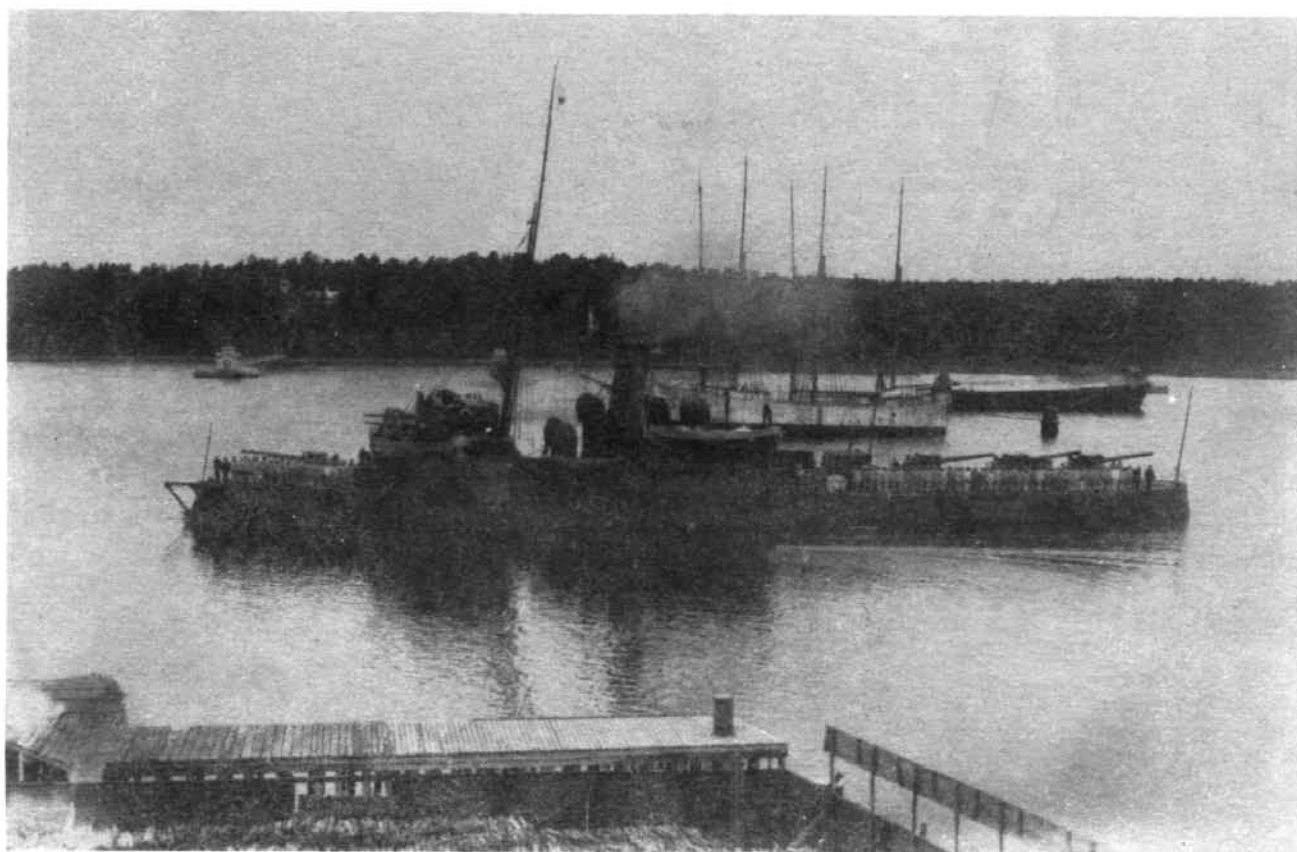
Линейный крейсер "Фон дер Танн"

*Сборка оружейного станка одной из 305/52 открытых установок морской крепости
Императора Петра Великого*

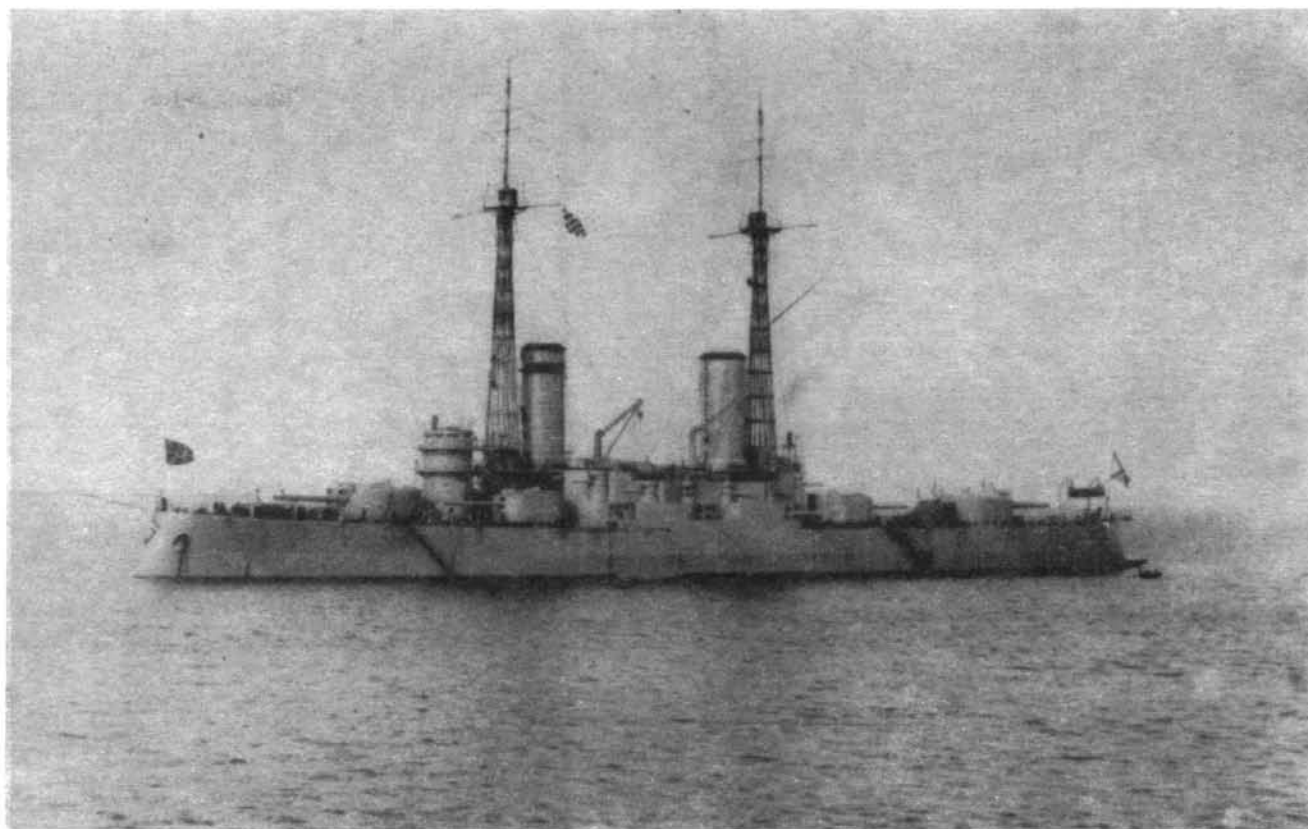
Броненосный крейсер "Рюрик"

Канонерская лодка "Грозный".

Полуостров Вердер. Батарея № 33 (IV - 152/45)

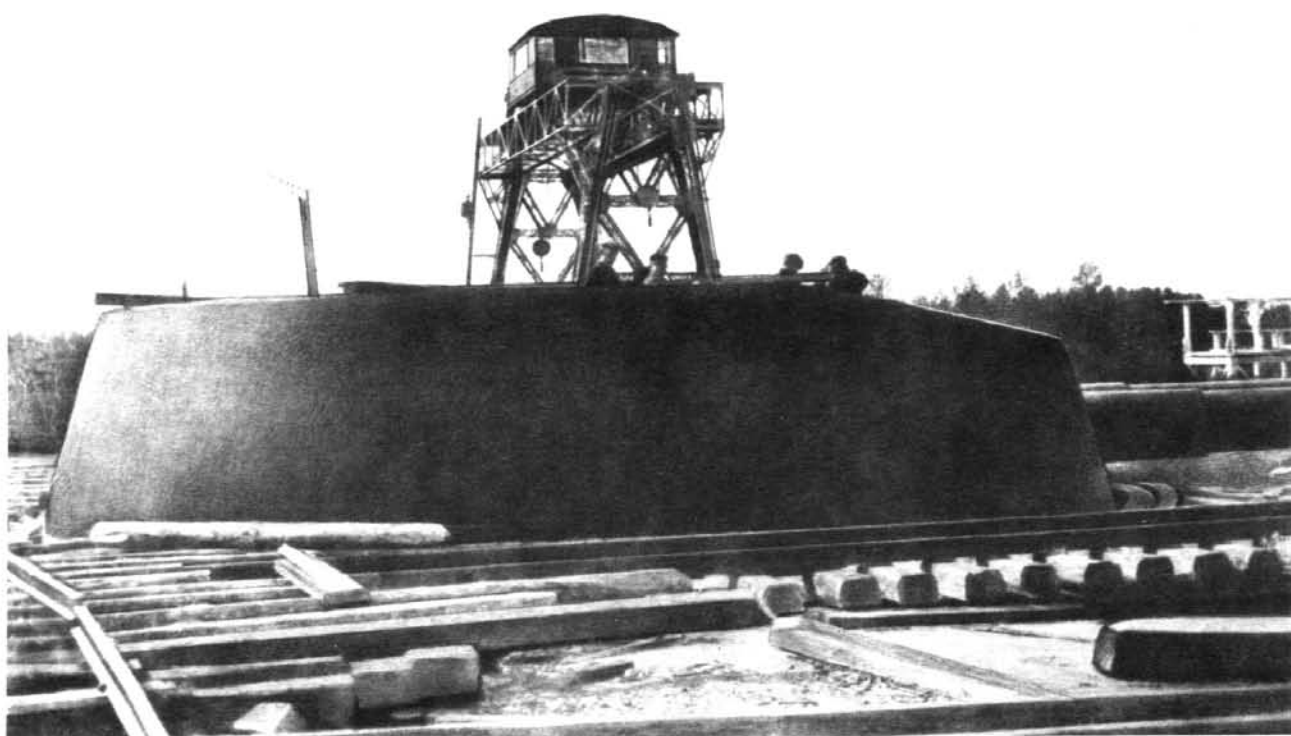
Линкор "Андрей Первозванный"

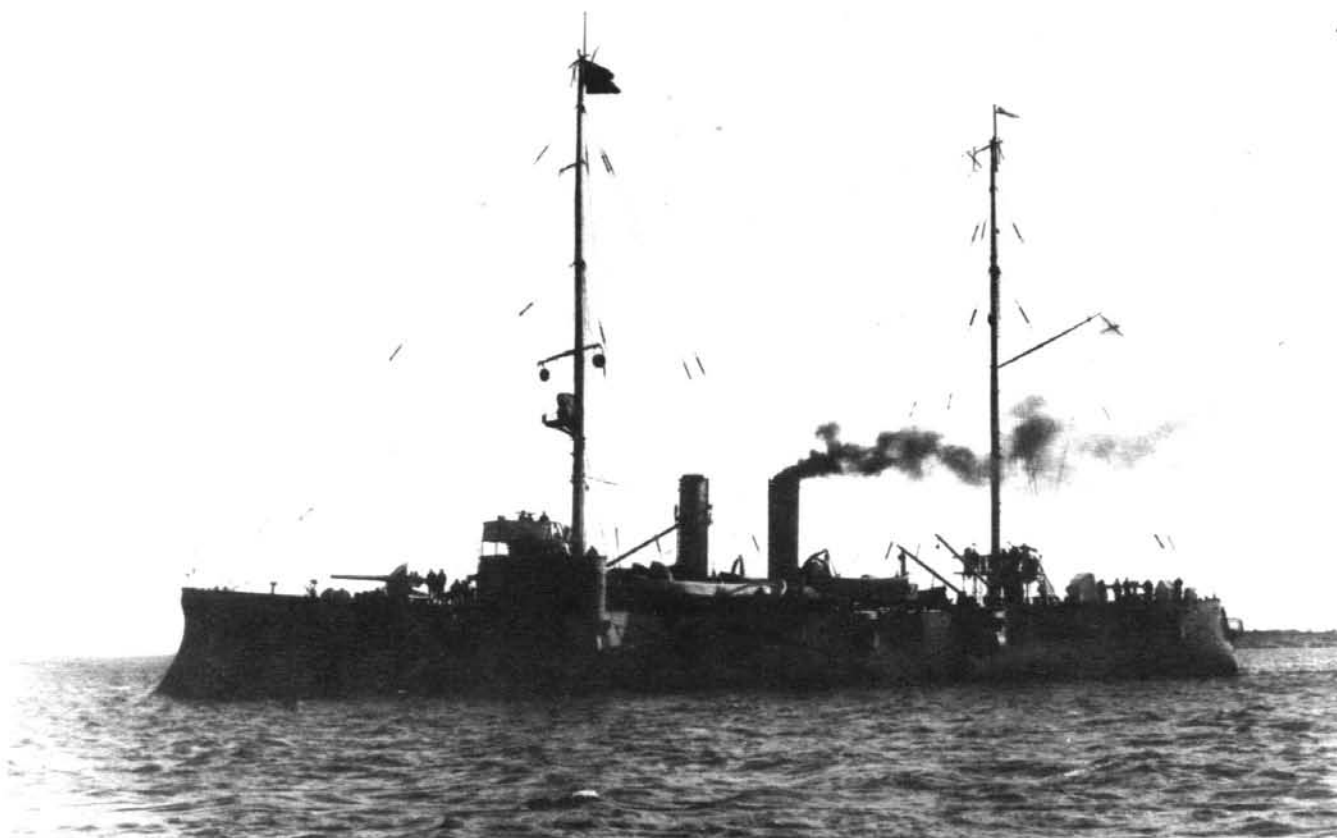
Одна из позиций сухопутного форта морской крепости Императора Петра Великого

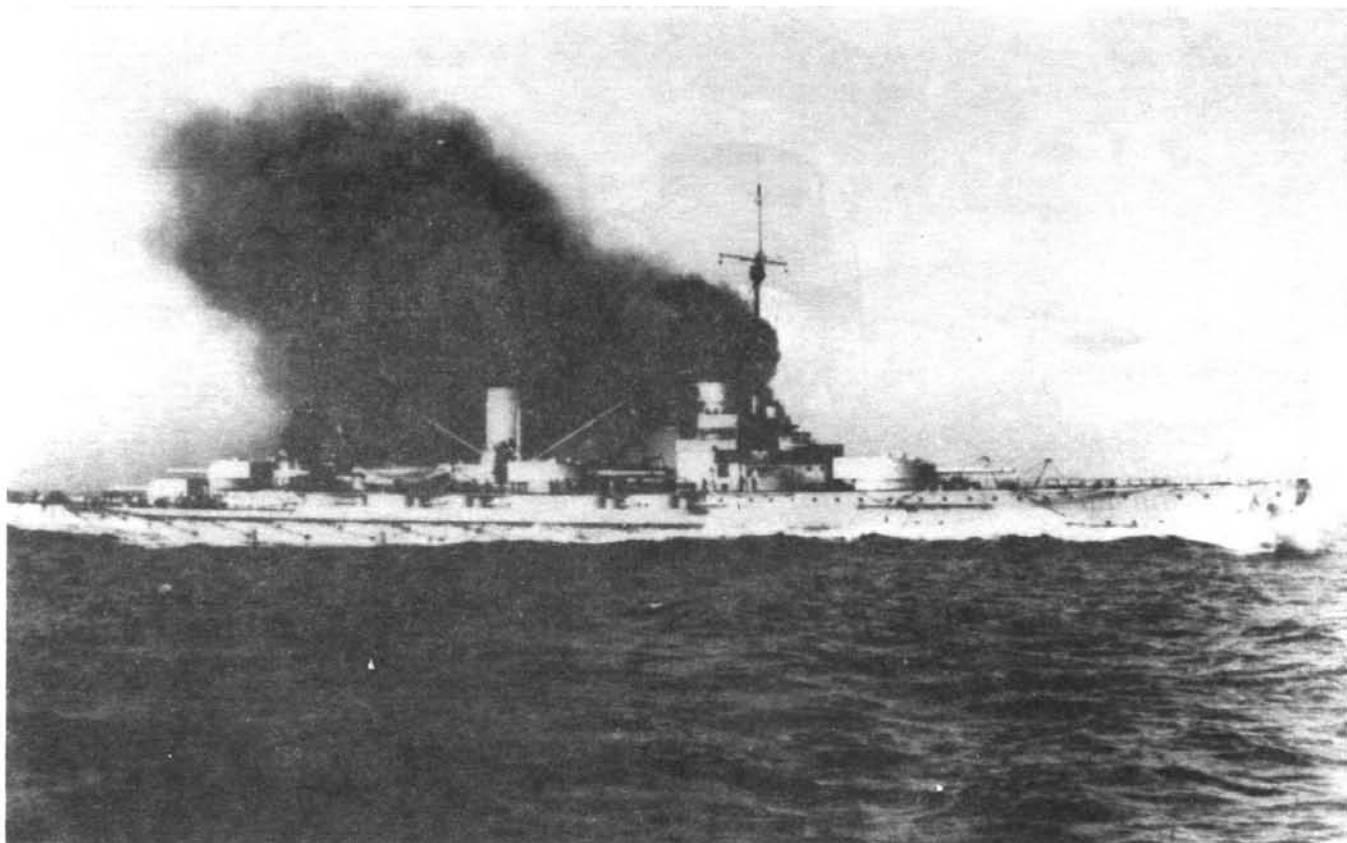
Командующий Балтийским флотом адмирал В.А. Канин на одной из батарей морской крепости Императора Петра Великого

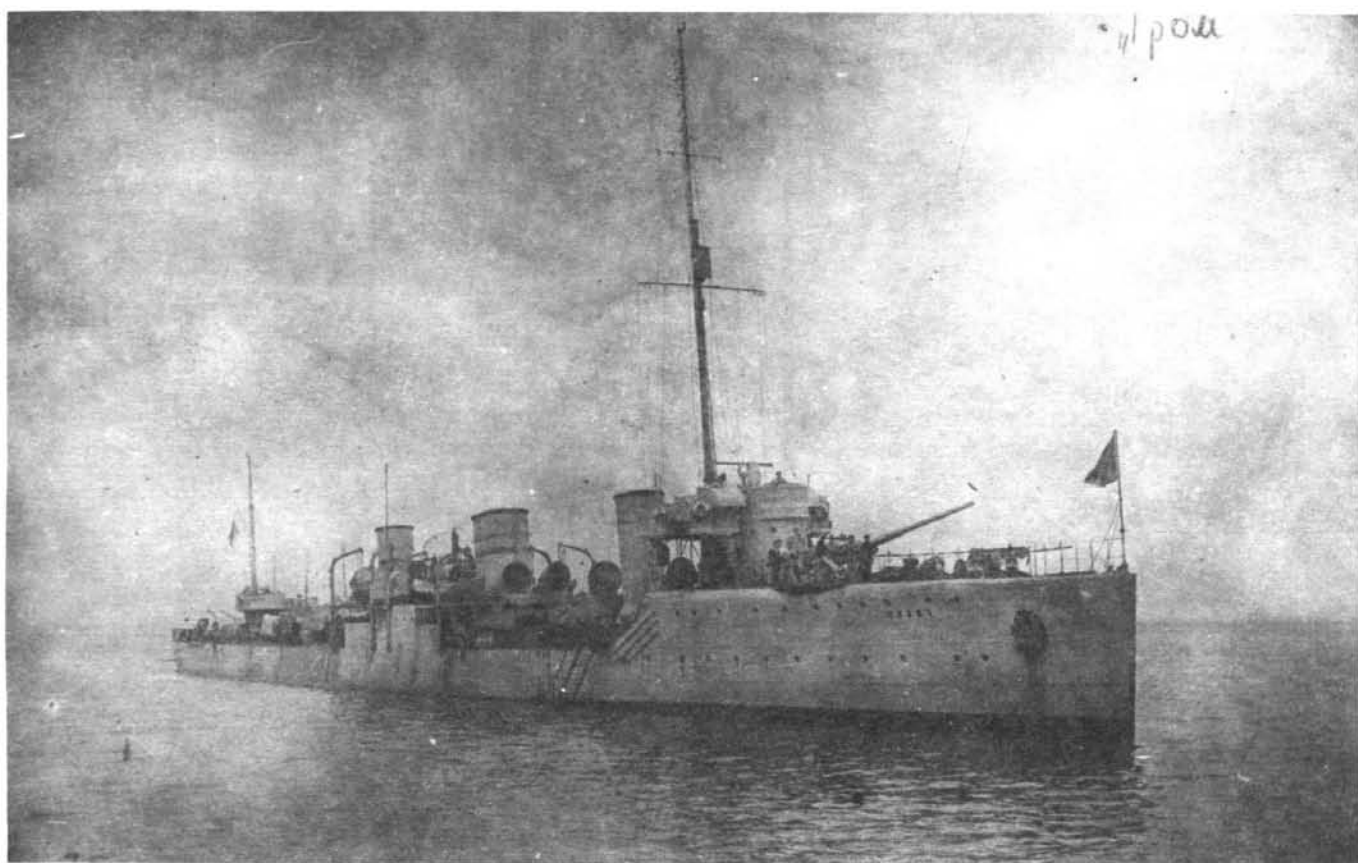
Остров Нарген. Батарея № 10 (IV - 305/52)

Канонерская лодка "Хивинец"

Линейный крейсер "Мольтке"

Эскадренный миноносец "Гром"

Операция "Альбион"

Навигация 1917 года в Финском и Рижском заливах началась позднее обычного. Лишь со второй половины мая русские минные заградители начали подновление минных заграждений центральной и передовой позиций, постепенно включая в зону своих действий Або-Оландский район и Моонзундский архипелаг.

Активные действия вели лишь подводные лодки — как русские, так и германские. Летом и немецкие минные заградители, в том числе и подводные, начали ставить минные заграждения, в основном на северных и южных подходах к Моонзунду. К концу лета минные действия германского флота заметно активизировались, участились и налеты авиации на русские корабли в Рижском заливе.

Данные агентурной разведки, полученные в конце августа — начале сентября, говорили о намерении германского командования предпринять в ближайшее время наступательную операцию на Балтийском морском театре. Однако время ее начала и направление удара оставались неизвестными¹.

1 сентября германские войска начали наступление с целью окружения русской 12-й армии и захвата Риги. После упорных боев немцам удалось захватить рижский плацдарм и сам город. Русские части отошли на позиции в районе Вендена.

С падением Риги и отходом русских войск обстановка в районе Моонзундских островов резко ухудшилась. Наибольшая опасность исходила от германских подводных лодок и авиации. Воздушная разведка архипелага велась немцами в широких масштабах, участились налеты на наиболее важные объекты Моонзунда. Противодействия налетам почти не было ни со стороны русской авиации, которая была слишком слаба, ни со стороны 75-мм противозаградительных пушек, которые оказались малоэффективны. Особое внимание германского командования было приковано к Церельской батарее № 43. 18 сентября очередной налет оказался для немцев удачным. Осколок бомбы пробил дубовую дверь погреба и вызвал пожар и взрыв погреба. Были убиты полковник К.В.Ломан, подполковник Маклютин. Всего батарея и 425-й пехотный полк потеряли убитыми и ранеными около 120 человек². Взрыв погреба, показавший беззащитной батарее ее уязвимость, произвел сильнейшее подавляющее впечатление на ее личный состав. Вот что писал об этом Алексей Михайлович Косинский, барон, капитан I ранга, участвовавший в русско-японской и первой мировой войнах, сотрудник Морискома (Военно-морская комиссия по описанию и исследованию опыта первой мировой войны.) "Преувели-

ченные надежды морского командования на оперативное значение 12-й Церельской батареи сопровождались преувеличенными требованиями к героическому духу ее личного состава. Не принимая никаких реальных мер к защите батареи от неприятельских ударов с моря и с воздуха, не заботясь в должной мере даже о пополнении убыли в личном составе, подвергавшемся в течение всего лета почти ежедневным налетам неприятельских воздушных сил и перенесшим только что тяжелый материальный и моральный удар при взрыве погреба, морское командование в дни Моонзундской операции возложило на плечи этой батареи всю тяжесть и ответственность задачи обороны Ирбенского пролива, удерживая ядро морских сил Рижского залива в Моонзунде, у Куйвасто"³.

К этому остается добавить, что сам тип открытых установок не соответствовал задаче, поставленной перед батареей. Правда, за полгода возвести башенную батарею было невозможно, но оценить значение Ирбенского пролива следовало значительно раньше. А в результате 43-я батарея со своей задачей не справилась. Серьезное ранение при взрыве погреба получил и ее командир — старший лейтенант Н.С. Бартенев.

Бартеневы — древний русский род. Еще в Волинской летописи XII в. упоминался Даниил Бартенев, а во времена Ивана Грозного воеводой в Новгороде служил Михаил Бартенев. Служил Новгороду, а не Москве, за что царь приказал затравить его медведями. О другом представителе этого рода упоминает Большая советская энциклопедия — о Федоре Осиповиче, майоре Преображенского полка, адъютанте Петра I. Еще один Бартенев — Феодосий Дмитриевич — контр-адмирал, участник обороны Севастополя в Крымскую войну. Но не только военными делами был славен этот род — журнал "Русский Архив", издававшийся Петром Ивановичем Бартеневым, до сих пор остается явлением в русской культуре.

Сын Петра Ивановича, Сергей Петрович, был "свободным художником и преподавателем музыки". В его семье потомственных дворян Московской губернии и родился 29 ноября 1887 года Николай Сергеевич Бартенев, будущий командир Церельской батареи.

В 1901 году Сергей Петрович привез мальчика в Петербург в Морской кадетский корпус. Шесть лет провел здесь Николай, и не раз судьба его висела на волоске. В первое свое плавание на учебном судне "Моряк" во время стоянки на одном из островов Финского залива Николай без разрешения сбежал на берег. Может, это был знак судьбы, но начальство, разумеется, увидело в этом только нарушение устава. Подобных поступков молодой Бартенев совершил немало. Однажды за то, что "умышленно бил стекла в арсенале", он получил трое суток карцера, где "позволил себе на стене сделать возмутительную надпись и не выказал никакого раскаяния"⁴.

А когда, находясь в лазарете, собственноручно изготовил игральные карты с рисунками, а на одной из них изобразил самого государя, родителям предложили забрать мальчика из Морского корпуса. Однако спасли его (и не только в этот раз) отличные знания по основным дисциплинам. Один из преподавателей, полковник Тыртов, в 1905 году так отзывался о Николае Бартеневе: "Способностей блестящих, но ленив свыше всякой меры"⁵.

И в конце концов из шалопапа получился опытный специалист. Блестящий офицер и настоящий патриот. Окончив курс Артиллерийских офицерских классов, Бартенев в 1912 году получил звание лейтенанта и назначение младшим артиллерийским офицером на броненосный крейсер "Рюрик". Здесь под флагом командующего Балтийским флотом он прослужил два года. А когда одна за другой начали строиться и вводиться в строй береговые батареи морской

1 Флот в первой мировой войне. Т.1.М.1964.стр.261.

2 РГА ВМФ. ф.418.оп.1.д.407.л.67.

3 А.М. Косинский. Моонзундская операция Балтийского флота 1917 года. Л.1928, стр.18.

4 РГА ВМФ. ф.432.оп.2.д.118.л.11.

5 Там же. л.13.

крепости Императора Петра Великого, Бартенева в декабре 1914 года отправили на остров Вормс помощником командира батареи № 30. В марте 1915-го он уже командир батареи № 33 на полуострове Вердер. Здесь Бартенев получил свою первую боевую награду — орден Св. Станислава III степени. Вторую (орден Св. Анны III степени) и третью (орден Св. Станислава II степени с мечами и бантами) Николай Бартенев получил на линкоре "Слава", куда его перевели в июне 1916 года вторым артиллерийским офицером. А со 2 марта 1917 года он снова в крепости, но на этот раз в Свеаборгской. Здесь Бартенев стал руководителем стрельб учебной аэробатареи. Отсюда он через два месяца отправился на м. Церель командовать батареями № 43.

24 сентября 1917 года командующий 8-й германской армией генерал фон Гутье подписал приказ: "Для господства в Рижском заливе и обеспечения фланга восточного фронта занять совместным ударом сухопутных и морских сил острова Эзель и Моон и закрыть Большой Зунд для плавания военно-морских сил противника"¹.

Действия против острова Даго ставились в зависимость от успеха операции по овладению островами Эзель и Моон.

Операцию предполагалось провести в два этапа: на первом овладеть о. Эзель, а на втором — о. Моон. При этом устанавливалась следующая последовательность действий на первом этапе: высадка десанта в бухте Тагалахт, развертывание наступления основных частей в направлении Аренсбурга и Ориссара. Остальные силы десанта наступают на полуостров Сворбе, "имея дальнейшей задачей продвижение в южном направлении для очистки от противника всего полуострова и захвата расположенных на его южной оконечности батарей.

Эти батареи, имеющие круговой обстрел и могущие вести огонь по перешейку во время наступления сухопутных войск на Сворбе, должны быть подавлены огнем судовой артиллерии"².

Базой и гаванью для посадки десантного корпуса на суда назначалась Либава. Как здесь не вспомнить о тех средствах, которые были затрачены в свое время на строительство порта Александра III.

Задачей германского флота на первом этапе являлось обеспечение перехода десанта морем из Либавы в бухту Тагалахт, подавление береговых батарей в районе высадки.

Дальнейшие задачи флота состояли в поддержке с моря действий сухопутных войск против Аренсбурга, в прикрытии правого фланга войск, наступающих из Аренсбурга к Ориссару, совместных действиях с войсками при захвате ими Ориссарской дамбы и переходе на о. Моон.

Для решения последней задачи требовалось форсировать Ирбенский пролив, что можно было осуществить только после уничтожения Церельских батарей, обстреливающих пролив, и протраливания прохода в минном заграждении.

Морские силы, выделенные для участия в операции, выглядели весьма внушительно. Их ядро составляли 10 линейных кораблей типа "Кениг" и "Кайзер". Кроме

Старший лейтенант Н.С. Бартенев — командир батареи № 33 на полуострове Вердер

них в состав отряда входили: линейный крейсер "Мольтке", девять легких крейсеров, 56 эскадренных миноносцев и т.д. Всего более 300 кораблей.

К воздушному обеспечению операции привлекались 9 дирижаблей и 94 самолета морской и сухопутной авиации.

28 сентября 1917 года головной отряд германских кораблей вышел из Либавы. Приближение неприятеля к бухте Тагалахт обнаружили наблюдатели батареи № 45 на м. Хундва. Батарея тотчас открыла огонь, сосредоточив его на флагманском корабле "Мольтке" и уже на третьем залпе достигнув накрытия. К 45-й батарее присоединилась 46-я на м. Нинаст.

Но борьба с 305-мм артиллерией германских линкоров была им не под силу. Первой замолчала 45-я батарея, а затем и 46-я, на которой взорвался погреб второго орудия.

Подавив русские береговые батареи, немцы под прикрытием огня миноносцев начали высадку десанта. Стремительное движение первого броска неприятеля оказалось неожиданностью для частей сухопутной обо-

1 Фон Чишвиц. Захват Балтийских островов Германией в 1917 г. М. 1937. стр. 22.

2 Там же. стр. 23.

роны — части 426-го полка не успели даже занять полностью первую линию обороны.

Дальнейшие события хорошо известны в общих чертах. Немецкие десантники без особого труда захватили о.Эзель. Лишь у дамбы, ведущей с о.Эзель на о.Моон, разгорелись ожесточенные бои. Но и здесь немцам удалось сломить упорнейшее сопротивление моряков. Ничего не смог сделать и ревельский "батальон смерти" под командованием капитана I р. П.О.Шишко.

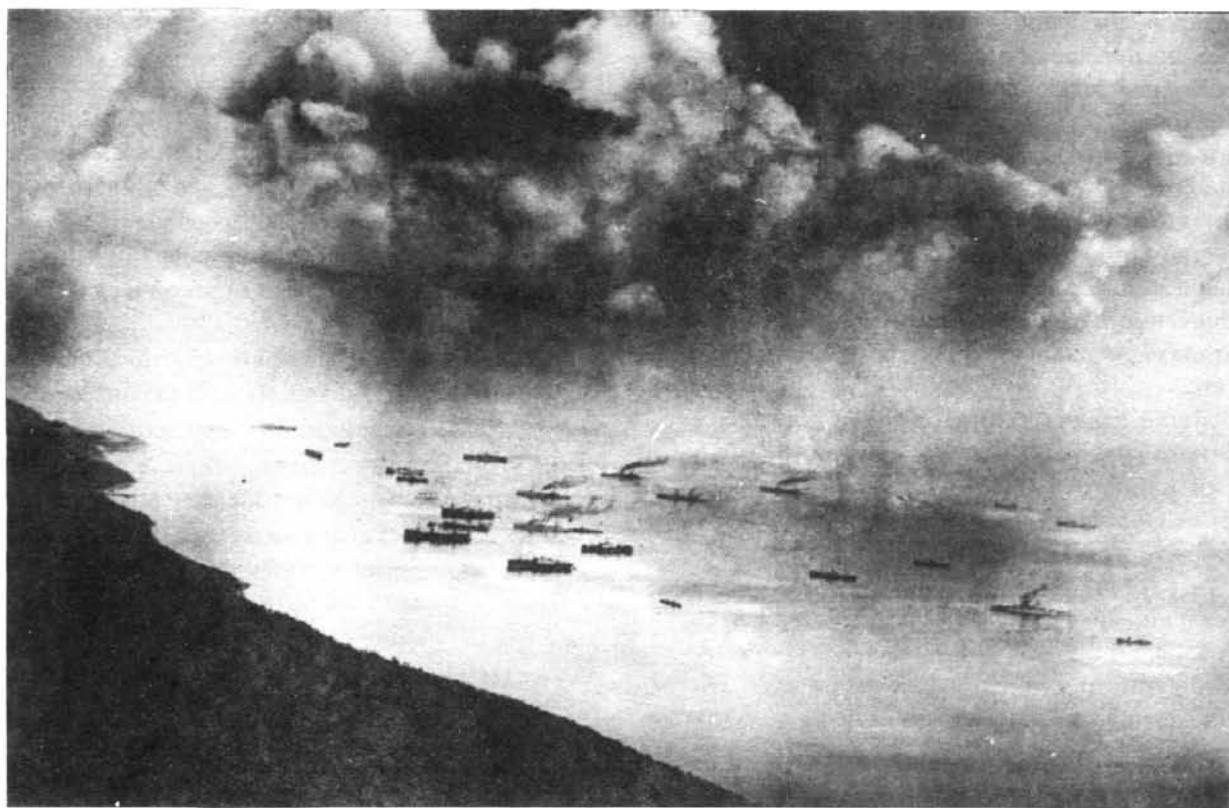
Овладев 5 октября островом Моон, немцы перебросили на о.Даго 17-й пехотный полк, участвовавший в бою у позиции Ориссар. Батарея № 34 на м.Серро была подавлена еще 30 сентября линкором "Байерн" и крейсером "Эмден". Критикуя сухопутных артиллеристов за пренебрежение маскировкой при строительстве первых батарей крепости Императора Петра Великого, морские артиллеристы сами подчас забывали об этом. Батарея № 43, как и № 45 и № 46, стояла совершенно открыто, и надо отдать должное героическому духу команд этих батарей, вступивших в заведомо безнадежный бой с несравненно сильнее противником. Продвигаясь на север острова, немцы не встретили серьезного сопротивления, так как еще 4 октября русские части начали переправляться на материк.

В сложном положении оказались батареи № 38 и 39, так как не имели возможности стрелять в южном на-

правлении. Позднее командир отдельного морского батальона Моонзундской позиции докладывал: "Команде батарей № 38 и 39 в эти дни пришлось нести очень тяжелую службу, так как благодаря отсутствию сухопутных частей им приходилось самим себя охранять с суши, высылая разведки, и, кроме того, этой же командой обслуживать батареи при постоянных боевых тревогах. Дух команды батарей № 38 и 39 был великолепный. Решено было в случае столкновения с неприятелем драться, насколько хватит сил. Относительно батареи № 38 могу засвидетельствовать, что не имея никакой надежды на помощь и зная это, команда сохранила полное спокойствие и решила умереть на батарее с оружием в руках"¹.

Однако, когда германский самокатный батальон, двигавшийся впереди 17-го пехотного полка, подошел к м.Тахкона и к м.Симнернес, батареи № 38 и 39 были уже взорваны.

Создавая Моонзундскую позицию, русское морское командование совершило еще одну ошибку. Оно решило выпрямить и углубить до 5,5 м пролив Созлозунд, чтобы сделать его удобным для быстрого прохода днем и ночью наших эсминцев из внутренних вод Моонзунда в море. Работа в проливе была выполнена к весне 1917 года, но реальных выгод это не создавало, а лишь облегчало дальнейшие операции германского десантного

Германская эскадра в бухте Тагалахт

1 А.М. Косинский. Моонзундская операция Балтийского флота 1917 года. Л.1928.стр.143.

корпуса. А также могло вывести прорвавшийся через Созлозунд германский минный флот на Кассарский плес, в тыл наших морских сил Рижского залива. В первый же день операции "Альбион" несколько германских миноносцев попытались прорваться на Кассарский плес, но были отбиты канонерской лодкой "Грозный". Попытка заградить пролив постановкой мин с заградителя "Припять" кончилась неудачей. Несмотря на все уговоры и угрозы, экипаж "Припяти" отказался выполнить приказ адмирала Старка и своего командира старшего лейтенанта С.И. Медведева 2-го. Следствием этого были бой на Кассарском плесе и гибель эсминца "Гром". Лишь после этого заградитель "Припять" выставил минное заграждение на меридиане м.Павастерорт. Если бы Созлозунд был закрыт для прохода германских эсминцев, то значительная часть русских морских сил могла быть направлена к п-ову Сворбе и, может быть, тогда события здесь пошли бы по другому сценарию.

Безусловно Моонзундская операция заслуживает отдельного серьезного исследования, так как наряду с весьма достоверной работой А.М.Косинского эти события обросли легендами и откровенными вымыслами. Чего стоит, например, история эсминца "Гром" и "подвиг" Ф.Самончука во время боя на Кассарском плесе. Обстоятельства гибели эсминца "Гром" до конца не выяснены, но официальная версия (см. "Флот в первой ми-

ровой войне", под ред. Н.Б.Павловича т.1 стр.293), утверждающая, что Ф.Самончук взорвал эсmineц "Гром", по ряду обстоятельств не выдерживает никакой критики.

Еще один эпизод — это события на м.Церель, на батарее № 43. Командир батареи старший лейтенант Н.С.Бартенев послужил прототипом для героя романа В.Пикуля "Моонзунд". У художественного произведения свои законы, поэтому, не желая полемизировать с известным писателем, "советским Александром Дюма", обратимся к самому Н.С.Бартеневу. С точностью вахтенного журнала записывал он события тех дней. И за этими простыми фразами встает потрясающая картина хаоса и разложения.

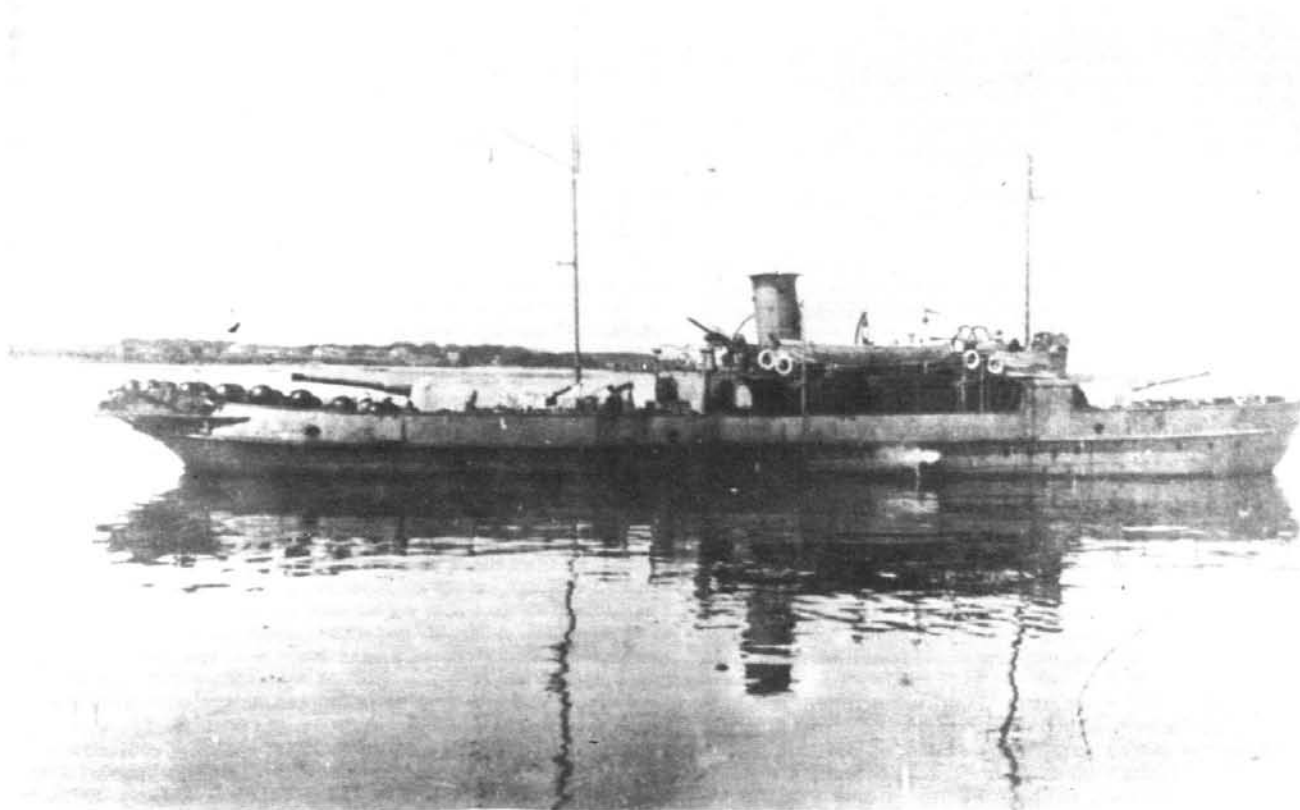
1-го октября ст.ст. 1917г.

НА ЦЕРЕЛЕ¹

Утром 1-го октября мне было доложено с маяка, что на SW, у Люзерорта, в море видны дымы. Ясно. Горизонт чистый, видимость в море весьма большая. Курляндский берег виден хорошо, но не отчетливо. С маяка на SW видна группа дымов у Люзерорта, и две другие двигающиеся на N.

В 15-ти кратный стереобинокль Цейса, в группе дымов у Люзерорта постепенно стали видны мачты. По приближении стало возможно различить мачты 3-х судов и концы труб, т.ч. сперва их можно было принять за л/к типа "Гельголанд". Обо всем происходящем было передано на Менто.

Около 11 часов выяснилось, что это легкие крейсера "Штральзунд", "Аугсбург" и типа "Штеттин", идущие в пролив к Ирбенке. За

Заградитель "Припять"

ними видно облако дыма, двигающееся также на SW, но мачт и силуэтов в нем не видно.

Дистанция по дальномеру 130 каб. 1-я устан. — 150 каб — целик на 23 узла. Залп по 2 орудия. Открыл огонь по головному. Крейсера в кильватер на дистанции 4—5 каб шли ходом узлов 21—23.

Первый залп лег в стороне, с большим разносом (до 30 дел.). Исправив целик, пошел два раза по 8 каб. Наносом разрыва обнаружил, что не долет. Прекратил огонь. Всего сделано 12 выстрелов.

Крейсера повернули к берегу и стали скрываться у Михайловского маяка во мгле, надвигавшейся с S, которая постепенно суживала горизонт. Приказал следить за крейсерами, чтобы они не пробрались в Ирбенку, куда им надлежало проходить в сфере нашего огня.

Около 12 часов прибыл Нач.Обор. Капитан 1 ранга Кнюпфер и было устроено собрание команды. На нем капитан 1-го ранга Кнюпфер ознакомил с обстановкой и сообщил, что в Торкино ведут немецких парламентариев. Сперва он предложил их просто повесить, но после было решено, что на переговоры армейцев с ними он поедет. Подымался вновь вопрос о транспортах. На мой доклад, что в связи с появлением крейсеров следует ожидать неприятельского флота в Ирбене, Кап. 1-го р. Кнюпфер вновь сказал, что, по имеющимся у него точным сведениям, в течение ближайшей недели ничего у Ирбена ждать нельзя. Определенных инструкций на случай появления неприятеля мне дано не было.

Время с 2—4 дня я провел почти непрерывно на маяке, т.к. несколько раз с поста службы связи докладывали о появлении тральщиков на S у Ирбена. В 15-кр. стереобинокль были видны группы тральщиков и миноносцы, становящиеся видимыми в развивающейся по временам мгле, то снова заволакиваемые ею. Группа тральщиков была видна в 90 каб. против Ирбенки, идущая кольцом. По пробитии тревоги, по времени готовности пушек, все это быстро заволакивалось мглой и так как в визир увидеть их все время не удавалось, то стрельба фактически была невозможна. Ввиду слов Нач.Обор., что Командующий Морскими Силами Рижского залива не приказал тратить 12 снарядов по тральщикам, тревоги я больше не играл, а оставался на маяке для наблюдения.

На N изредка была слышна стрельба. Около 3 ч. дня из Торкино передали, что один из береговых постов Каргопольского полка видит в бухте Лео 2 больших и 2 малых судна. Через несколько времени оттуда передали, что суда открыли огонь по берегу. Слышны отдаленные выстрелы из тяжелых орудий. Около того же времени лейтенант Северский не добившись Кнюпфера, бывшего в Торкино, сообщил мне, что летал около 1 ч. дня на истребителе и видел у Михайловского маяка 3 крейсера и 10 миноносцев и тральщиков, идущих кольцом против Ирбенки.

Туман в это время усилился и горизонт был не более 30 каб., почему я, прождав некоторое время, спустился с маяка в маячный дом. В это время было начало 5-го часа.

Через несколько минут, т.е. около 4 ч., из помещения Службы Связи я услышал дикие вопли: "с маяка видят германские дредноуты близко".

Вбежав на маяк, я приказал поднять боевой флаг и пробить тревогу. На NW из-за леса были видны выступившие из нескольких рассеявшегося тумана, вплотную к берегу трубы и мачты большого судна и правее его дым другого большого корабля.

При рассмотрении в 15-кр. стереотрубу оказался линейный корабль типа "Кайзер". Дистанция по 9 дюймовому дальномеру около 75 каб. Дредноут стоял к нам левым бортом, под Курсовым Углом около 90 град. Я приказал по телефону пускать дизель и по готовности включать приборы. Ввиду внезапного появления из тумана неприятеля, весь вопрос был — успеем ли мы приготовиться к бою до открытия им огня.

Неприятель огня не открывал и дал возможность команде собраться на батарею, приготовиться к стрельбе и повернуть орудие на 180 град. Все это заняло около 20 минут.

Я передал в Ц.П. (Центральный Пост. — Л.А.): "Центральная наводка" "Орудия зарядить". "Линейные корабли". "Прицел 76". "Целик...". "Залп по 2". Дистанцию я измерил лично, ввиду малого знакомства дальномерщика с дальномером. Получил дистанцию 76 каб.

Когда все было готово, я поставил "Залп" и хотел дать ревун. У неприятеля башни были повернуты по походному и т.к. никаких тральных работ в том районе до сих пор не было, по неоднократному же заявлению Кап. 1 ранга Кнюпфера там стояло 6 линий заграждений. На минуту я усомнился, не наши ли это линейные корабли и поставил "Дробь". По тщательному рассмотрению оказалось несомненно Л.к. "Кайзер" и я вновь поставил на "Залп" и открыл огонь.

Первый наш залп был в 5 ч., из 2 и 4 ор. Первый наш залп лег сильно в сторону. Целик визира исправил на 50 дел.

Первую вилку взял 8 каб., т.к. дальномеру не доверял. В половину узкой вилки цель долго захватить не удавалось, т.к. были неожиданные отклонения в сторону чрезвычайно большие. Приходилось несколько раз начинать пристрелку снова. Первые залпы были сравнительно недурны. Один из залпов лег так: разрыв проектировался между труб-столб не большой, второй вправо под кормой делений на 30 в сторону. Было весьма похоже на попадание, но я принял это за недолет. Впоследствии, в плену, мы узнали, что в "Кайзера" было попадание в 6 дм. батарею. Вероятно это и было попадание от этого залпа. После этого он быстро пошел на удаление. Наши падения падали то на цели, то в стороне. Разность двух падений в залп была так велика, что иногда они не вмещались в бинокль. Пушки были готовы к залпу минуты через 2, так что несмотря на то, что я стрелял залпами по 2, залпы давать приходилось через 2 минуты. Бывали осечки. Все это создавало невозможность управления огнем, почему я и предположил, что эти отклонения падений то в ту то в другую сторону происходят от расстройств прибора Центральной Наводки. Предложение перейти на прямую наводку не осуществилось, т.к. на мой вопрос "видна ли цель в прицел", я весьма долго не мог получить ответ из Центрального Поста, откуда в конце концов передали "У 1 ор. цель не видно". Поэтому я решил командовать "Дробь", и проверил приборы.

Из Ц.П. быстро передали, что приборы исправны и стрелка "Азимут" прибора у всех орудий стоит на одном делении. Я открыл вновь огонь по неприятелю, перенес его на следующий дредноут, бывший в это время ближайшим. Неприятельских судов было к этому времени 3. Первый, по которому открыли огонь, отошел дальше к NW, на его место подошел другой с N, и на NW 45° в море, на дист. 120 каб., был третий.

После перерыва и проверки приборов, стрельба не улучшилась. Две пушки скоро вышли из строя и совсем прекратили стрелять. Перешел на залпы по 4. Залпы чрезвычайно затягивались. Характер падений тот же. Однако, невзирая на невозможность какого бы то ни было управления огнем в таких условиях, я продолжал стрельбу до конца. Из Ц.П. мне передали, что команда бежит от орудий, что было видно и с маяка. Сперва прислуга погребов и подачи пряталась за погреб и разбегалась в блиндажи дизеля и Ц.П. и дальше в лес; затем и нижняя прислуга, т.ч. подача окончательно прекратилась. Бежали сперва от 2-го, затем от 1-го и 3-го, и наконец, часть прислуги от 4-го, но однако, 4-е орудие стреляло до конца. Видя, что на батарее стреляет лишь одно орудие, неприятель же удаляясь скрывается во мгле, я прекратил огонь. Последняя установка 126 каб. Время стрельбы около часа. Перерыв в стрельбе был через 20—25 мин. по открытии огня; 4-е орудие сделало 26 выстрелов.

После нашего 2-го залпа на неприятельском корабле башни развернулись, орудия задирались на ходу и он открыл огонь. Видимо, из-за тумана наша стрельба застала его врасплох.

Первые залпы были по 4, затем по 3 попадания. Минут 10 стрелял один, затем 2-й открыл огонь, а после перерыва также и 3-й, открывшийся в рассеянном тумане на NW, каб. в 120. После перерыва огонь велся одновременно и из 6 дюйм. орудия.

Первый залп неприятеля лег у запасных погребов, т.е. в 1 1/2 версты от батареи, разбив ж.д. путь у стрелки, сделав яму 4x2x1 саж. Разрывы очень хорошие. Столбы дыма саж. 25 высотой. Залп ложился очень кучно, т.ч. они иногда сливались.

Падения от запасных погребов стали приближаться к казарме. Ближайшее падение неприят. снаряда у батареи было в 30 саж. у орудия. Осколки ударились по каркасу для бетонного массива и выбили часть досок. Залпы неприятеля следовали один за другим секунд через 30—40. После перерыва стрельба неприятеля стала более интенсивной. Залп лег у сухопутной авиации, после следующего из столбов дыма вылетели 3 наших Ньюпора и улетели на NO. Дальше залпы приближались к маяку и один накрыл его. Ближайший недолет лег в 15 саж., обдав маяк осколками. Ударом воздуха нас отбросило с наблюдательного поста, т.ч. на минуту мы инстинктивно спрятались за тамбур. Дальше залпы ложились перелетно.

Одновременно обстреливалась и коса. Неприятель прекратил огонь раньше нас.

Неприятельские суда маневрировали каждый самостоятельно, идя большим ходом (в бинокль был виден большой бурун) зигзагообразно удаляющимися курсами. Каждый дредноут сопровождался по бокам двумя большими миноносцами. От пробития тревоги до второй дробы и отбоя прошло около 1 1/2 ч. Стрельба велась около часа.

Обнаружившееся во время стрельбы столь большое и беспорядочное раскидывание, делавшее совершенно невозможным управление огнем, происходило, как это выяснилось впоследствии, т.к. наводчики невнимательно совмещали стрелки прибора Центральной Наводки,

будучи напуганы неприятельской стрельбой. Поправка на отстояние пушек, видимо не вводилась.

Стрельба неприятеля была неудовлетворительна, хотя под обстрелом был большой район, но все залпы ложились далеко от батареи, около версты. Лишь один залп лег недалеко от батареи, ближайший снаряд разорвался в 30 саж. у 1-го орудия.

При начале неприятельской стрельбы от 2-го орудия много народу набилось в Ц.П., чем весьма затруднили переговоры с ним. Через мин. 7—10 после открытия огня я никак не мог добиться ответа из Ц.П. Так как стрельба неприятеля шла с тыла батареи, то прислуга подачи и погребов пряталась за погреб, а при приближении падений разбежалась в блиндаж и дальше в лес. При каком-нибудь заедании разбежалась и нижняя прислуга.

Бежали сперва от 2-го орудия. Вследствие дурно исправленной круговой рельсовой подачи, после нескольких выстрелов, тележка перестала подходить к заряднику.

По-видимому прапорщик Родионов не показал команде должного примера и бежал сам в Ц.П. Затем у 1-го орудия (после близкого падения), т.к. из-за ухода подачи и нижней прислуги подача прекратилась совершенно. Мичман Поликарпов отпустил комедоров и верхнюю прислугу и сделал сам последний выстрел. У 3-го орудия команда то бежала, то возвращалась. Когда зарядник не дошел до места, то команда бежала окончательно. У 4-го орудия бежала лишь часть прислуги подачи и пушка стреляла до сигнала "дробь". По бегущим стреляли из винтовок с 3-го орудия и от пулеметов на 2 дизеле. Роль офицеров неясна, видимо, они растерялись.

Для меня бегство команды явилось неожиданностью, т.к. стрельба неприятеля была скверна, наша же команда была обстрелена предвещавшим частым бомбометанием. Председатель комитета бат. 43 минер Савкин, бывший на маяке у меня телефонистом, был в ярости от поведения команды и требовал всех беглецов расстрелять, прочие же были подавлены и возмущены этим.

В сопровождении Савкина я отправился на батарею. По дороге встретил нескольких пьяных с 44 бат., которые во время боя, когда их прочая команда была на 44 бат., напились денатурату. Дальше матрос 44 бат., Кулай, привел ко мне нескольких беглецов с 43 бат., которых он поймал у Кордона, за проволочным заграждением.

По приходе на батарею я сказал речь команде, собравшейся у Ц.П., соответствующую обстановке. Так как у орудий, у погребов и у приборов были еще работы, то я приказал устроить в казарме общее собрание.

На батарее я встретил полную растерянность. Офицеры подавлены всем случившимся. Команда перепугана и пристыжена, многие возмущены. Прапорщик Родионов, видимо, перепуган.

Из Ц.П. по телефону я говорил с Кап. 1-го ранга Кнюпфером, доложил обо всем случившемся и просил беглецов, сбжавшихся в то время к Менто и скопившихся там в числе около 125 чел., задержать там и обезоружить, и ни в коем случае не пускать на батарею. Также обязательно уничтожить вино, предполагавшееся к раздаче на батарее.

На батарее выяснил происшедшие заедания и поломки. 1-е орудие исправно; 2-е — разошлись рельсы круговой подачи; 3-е ор. — недостаток зарядника до места и тоже у 4-го орудия. Приказал настойчиво сейчас же исправлять повреждения, несмотря на то, что стало смеркаться. К 8 ч. повреждения были исправлены, кроме рельс, что должно было сделать строительство.

На собрании в казарме я произнес после председателя комитета горячую речь, разуверил и опроверг провокацию о неисправности всех орудий и указал, что стрельба немцев была чрезвычайно плоха. В результате команда прокричала "ура" в честь 4-го орудия; было решено иметь на батарее 2 смены, а всем остальным срочно исправлять путь у запасных погребов. О беглецах к определенному решению не пришли, т.к. команда не хотела дать им возможности не принимать участия в бою; я же считал, что их ни в коем случае на батарею допускать нельзя. Был, конечно, вновь поднят вопрос о приходе нашего флота и готовности транспортов взять команду, когда снаряды израсходуем — "А то может быть поздно", — но в общем удалось поднять настроение и, казалось, все идет хорошо.

В то время как происходили вышеуказанные события, я, направив работы, переговаривался по телефону с Кнюпфером.

Мичман Ларош и Таланов запрашивали меня, можно ли расстрелять беглецов, скопившихся на Менто. Считая, что это неосуществимо, т.е. спрашивающие не считаются достаточно с психологией сей команды, а кроме того, существенной пользы это не принесет, а значительно ухудшит дело, я ответил, что считаю это излишним, а требую их всех обезоружить и задержать на Менто. На это они возражали, что обезоружить трудно — что ясно характеризует всю легкомысленность их первого предложения. Кап. 1-го р. Кнюпфер от-

несся к этому моему требованию как-то невнимательно, возразив, что и держать их негде, хотя было помещение около 42 батареи, приготовленное для к..... роты Гвардейского экипажа. Видимо, он недостаточно взвешивал последствия их возвращения.

Около 8 ч. мне доложили, что все исправлено и все орудия на батарее в полной готовности.

Мною был вызван строитель военный инженер Валенков, которому я указал необходимость срочного исправления пути у 2-го орудия, а затем и пути у запасных погребов, т.к. иначе мы оказывались совершенно отрезанными от боевых запасов. На батарее перед боем во всех трех погребах было зарядов на 300 выстрелов. Инженер Валенков мне сообщил, что команда специалистов Каргопольского полка, производившая эти работы для строительства, разбежалась и придется ждать утра, чтобы их собрать. Бежала также прислуга паровозов, которую заменили автоматически назначенные ранее по боевому расписанию люди с 43-й батареи.

Все свободные офицеры были мною посланы к зарыванию ямы у Запасных погребов. Я предполагал, что заняв команду работой, я не дам им быстро разложиться и удастся поддержать в них бодрость духа. Из-за порчи двигателя последнее время команда сидела в казарме в полутьме, что, конечно, действовало на психику угнетающе. Однако, ввиду темноты и поистине колоссального размера воронки 1х2х4 саж., находившейся как раз по пути, работа оказалась срочно невыполнима и около 10 ч. вечера ее пришлось прекратить.

Около того же времени мне доложили, что последний паровоз подстрелен неизвестно кем из леса, брошен прислугой и опрокинулся, сойдя с рельс. Накануне был подобный случай, почему было дано категорическое приказание ни в коем случае без приказа не полагаться на стрельбу. С чем имели мы дело — с провокацией или это было проявление паники — неизвестно.

Около 10 ч. в комнату, где я говорил по телефону, пришел один из членов комитета и доложил: "г. Лейтенант, там к Вам пришла команда, просят в канцелярию, хотя предложить какую-то мерзость". Войдя в канцелярию я нашел там вооруженную толпу, среди коих было много стариков. Один из них обратился ко мне, заикаясь: "г. Лейтенант, мы не можем больше сражаться. Надо сдаваться. Дальше сопротивляться бесполезно". Вглядевшись в эту толпу, я увидел звероподобно-бессмысленные рожи, совершенно оступевшие от страха и окончательно деморализованные. Их было человек 30. Уговаривать их и даже пытаться на них воздействовать было бесполезно. Взвесив это, я, видя смущенное молчание комитета, ответил им только: "Убейтесь вон, разговаривать с вами не желаю". Столь неожиданное и резкое проявление пораженного настроения ясно показало, что не только нельзя рассчитывать на образумление беглецов и их использование при вероятном появлении на другой день неприятеля, но необходимость всячески оберегать и остальных от разложения. Это я считал основой плана действий.

Я пошел к телефону выяснить каково настроение на других батареях. К сожалению, откровенный разговор с офицерами и Кнюпфером был невозможен, т.к. все время разговоры подслушивались и следовало опасаться провокации. Я предполагал использовать другие батареи в смысле воздействия их на 43-ю, а с остальными действовать по обстоятельствам. Хотя командиры давали мне о своих батареях самые хорошие заверения, из общего тона я понял, что отнюдь на них рассчитывать не могу, т.к. не имея еще столь сильных оснований для деморализации, как 43-я (взрыв, прибытие новой команды, явно не желавшей сражаться, бой и т.д.), они уже находятся в совершенно неустойчивом состоянии. На батареях к этому времени широко стали известны предложения и запугивания немецких парламентариев. Менто было уже наводнено беглецами и делегатами со всех батарей, т.ч. связь с ними стала затруднительна. Общая деморализация начала развертываться вдруг, чрезвычайно быстро. Один лишь Лейтенант Линдеберг правильно, как оказалось впоследствии, оценил обстановку и откровенно мне сказал, что за команду ручаться абсолютно не может. Сам он находится в казарме и с ним его старая команда. Они остаются пока он с ними и только потому, что им стыдно его бросить. Он считает, что дело безнадежно проиграно, да и сам он не видит надобности в дальнейшем упорстве, т.к. флот нас бросил и конец всей эпопеи очевиден.

В то время как я вел переговоры по телефону у себя в комнате, из столовой услышал крик пришедших людей: "г. Лейтенант, нам надо Вас видеть. Выходите-ка сюда к свету". Войдя в столовую, я застал там несколько человек вооруженных мотористов, сильно возбужденных. Спросил их, что им надо. Они ответили вопросом "что происходит, что-же нам делать". Оказалось, они настроены весьма добропорядочно. Сообразуясь со всей обстановкой и начинающейся полной деморализацией и систематической провокацией, и исходя из твердого убеждения, что возможно что-либо сделать, лишь удалив так

или иначе прочь весь совершенно деморализованный и ненадежный элемент, который никакому доброму воздействию уже был недоступен, я сказал, что сам во всяком случае остаюсь на своем посту, надо чтобы все оставались на своих местах; та же сволочь, которая не желает сражаться, а хочет сдаваться, может убираться куда хочет — задерживать ее я не буду. Они ушли от меня, видимо, успокоенные. (Впоследствии я узнал, что их приход и столь резкий вызов меня к свету обусловлен слухом, что я пьян, пущенным после того, как провокация, что я ранен и все орудия на батарее испорчены, была опровергнута.)

Чтобы быть более в связи с комитетом и батареями, я перешел в Центральную Телефонную Станцию. Телефонная связь была уже крайне затруднительна, т.к. батареи все время переговаривались друг с другом и с армейскими частями. Повсюду сидели делегаты якобы для контроля, подслушивали, мешали и т.д. Вообще, телефон действовал лишь благодаря добросовестности прислуги Ц.Т.Ст., сохранявшей все время бодрость духа и воздействовавшей также на телефонистов всех других аппаратов.

На Ц.Т.Ст. я должен был отзвучивать на текущие вызовы и доклады, а также говорить с Командирами батарей, убеждая их стараться всеми силами удержать команду на местах.

Комитет обращался на другие батареи, прося поддержки, рассчитывая главным образом на 40-ю батарею. Те будто бы решались энергично выступить, но вдруг распространялись слухи, что они видят невозможность оставаться, если 43-я сдала, и решили ждать.

С маяка сигнальщик Весельский сообщил, что простоял на посту более 8 часов; никто не сменяет, т.к. все сигнальщики Службы Связи ушли, другие же не хотят. Его я уговаривал остаться. С других батарей команда тоже уходила. С 43-й батареи ушли обе смены. Бедлам шел полный. При докладе об этом Кнюпферу он сказал, что в таком случае надо будет с утра выкатывать боевой запас стрельбою в залив. Расстреляем пушки и запас уничтожим, на что я возразил, что это неосуществимо, да и бесцельно. Надо хорошую организацию, чтобы сделать около 100 выстрелов из пушки, и время. Немцы этого не допустят.

Столь быстрых и решительных переделом настроения и полное нарушение организации произошли, во первых, из-за возвращения беглецов обратно, а также из-за невообразимых переговоров всех желающих между батареями и армейскими частями, появлением разных "контролирующих" на Менто, вносящих путаницу и хаос своим самостоятельным и опрометчивым вмешательством, а кроме того, тут была сознательная работа каких-то лиц, часть которых прибыла и с последней партии.

Сохранили бодрость лишь телефонисты, минеры и электрики и комитет, за исключением Поликарпова, который действовал разлагающе на других, перетрусив сам до последней степени.

В это время (в 12-м часу) на Ц.Т.Ст. ко мне начали приходить мотористы, некоторые комендоры и часть из хорошо настроенной команды, относящиеся с осуждением к предательскому поведению других. Спрашивали у меня совета и указания — что делать. Я ободрял их, уговаривал оставаться на местах и стараться удержать и других. За это время выяснилось, что можно рассчитывать из всей команды только человек на 60, не больше.

Около 12 ч. ко мне пришла группа мотористов с дизелей и спросили — что же делать. Надо что-нибудь предпринять, т.к. разложение среди команды идет все дальше. 43-я батарея почти совсем брошена.

Желая выяснить окончательно, на кого же я могу рассчитывать и опереться, и поговорить с ним отдельно от прочей сволочи, дабы дать им нужные директивы, я приказал им всем собраться на батарею 43-ю в блиндаж № 1, и чтобы они позвали туда всех, кто не потерял еще совести и намерен сражаться; сам я приду к ним туда.

Являлось настоятельно необходимым поговорить с ними отдельно от прочей команды, вне постороннего скверного влияния. Настроение характеризовалось, главным образом, недоверием к окружающим и отсутствием уверенности в поддержке. Самые лучшие намерения парализовались мыслью, что другие не поддержат и предадут. Вся предыдущая картина сухопутной обороны Эзеля давала тому яркий пример. Батареи на Каргопольский полк не рассчитывали и их обещаниям и резолюциям абсолютно не верили. Всем, обращавшимся ко мне в отдельности, я мог до сих пор дать лишь убеждения, что вполне можно рассчитывать на меня и офицеров (увы, не на всех, т.к. трусость некоторых и некомпетентность других были весьма очевидны). Поэтому и являлось совершенно необходимым наглядно показать этим людям, что они не одни, а есть надежное ядро, и сплотить их. Говорить с ними в общей массе было бы бесполезно, т.к. общее настроение дало бы им доказательство обратного и всякая провокация обескуражила бы их.

Через несколько времени я с пред. комит. Савкиным прошел на батарею, зашел в Ц.П., где были мичман Поликарпов и подп. Вольский, и позвал их на собрание. Мне доложили, однако, что команда ушла в казарму и просит меня прийти туда. Эта неудача моей попыт-

ки отделить хоть временно надежную часть команды от прочей показала вмешательство другого враждебного влияния и крушение плана сплотить оставшихся, дабы, опираясь на них, организовать что-либо.

С большой неохотой пошел я в казарму, говоря мичману Поликарпову и Вольскому, что это очень не хорошо и я считаю, что теперь дело проиграно. Савкин весьма неуверенно возражал против этого.

При входе в казарму я увидел, что там масса посторонних лиц, все не те, что приходили ко мне и на которых можно было рассчитывать. Они были, видимо, спокойны и даже веселы, т.ч. казалось, что какое-то подлое решение у них уже есть. Входя, я почувствовал запах вина. Посреди стояло ведро, из которого все пили и при нашем входе предложили и нам выпить. Мичман Поликарпов бросился удерживать их (впоследствии, однако, выяснилось, что это была вода). Осмотревшись кругом, я не нашел никого, на кого можно было бы опереться; впечатление у меня составилось такое, что собравшиеся здесь люди дали себе "право на бесчестье". Я сказал подп. Вольскому: раз здесь винуешь, то все уже кончено, надо скорей идти отсюда. Вдогонку раздались наглые крики "г.Лейтенант куда же Вы, пожалуйста сюда". Я прошел на Ц.Т.Ст., ища Савкина, но не нашел его там и, сказав дежурному телефонисту, что буду на маяке, отправился на 47-ю батарею, где поговорив с прапорщиком Златоустовским и доктором и изложив им мой взгляд на положение, прошел затем на 48-ю батарею. Обошел Дизеля, блиндажи, Ц.П. — все пусто. На батарее нет ни одного человека, даже часовых. Оттуда прошел на маяк и затем на 44 батарею. Подп. Вольский не понимал моих действий, но мне было ясно, что весьма вероятно, дабы отделиться от нас, нас могут прикончить. (Впоследствии было установлено, что пропаганда в этом направлении велась усиленно).

Я остался на ночь на 44-й батарее, рассказав Сперанскому, в чем дело. Подп. Вольский решил вернуться на 43-ю батарею. Ночью все время звонили на 44-ю, узнавая где я. На 44-й оставалась лишь ничтожная часть команды, удерживаемая с большим трудом прапорщиком Сперанским и матросом Кулаем.

Когда начало светать, около 6 ч. утра, я отправился на маяк. Погода мгlistая, с переходящим мелким дождем. Горизонт 30-35 каб. В море ничего не видно. наших судов тоже нет. По переговорам с Ц.Т.Ст. выяснилось, что большинство команды находится в казарме; беглецы почти все вернулись. Настроение скверное, но неопределенное.

Предс. комит. Савкин передал мне, что надежда удержать команду, вновь организовать ее и заставить сражаться, маловероятна. Мое предположение, что если не произойдет резких событий ночью или внезапных действий неприятеля, то команда постепенно успокоится, пройдет состояние паники и еще возможно будет организовать оборону — оказалось несостоятельным. В Менто по телефону я говорил с Лейт. Степановым, выяснил ему положение на батарее, просил доложить Нач. Обороны. На Менто общая обстановка неизвестна. По слухам, немцы ночью были у Айзекюля. От нашего флота сведений нет. Затем мне передавали, что предполагается присылка команды с других батарей, что, конечно, не могло помочь делу. Я обещал выяснить точнее настроения команды и положение батареи.

При дальнейших переговорах с Савкиным я спрашивал, есть ли какая-нибудь надежда, т.к. с командой говорил и он и мичман Поликарпов; он ответил, что никакой надежды нет. Я предложил пробить тревогу для проверки и показать команде, что все орудия исправны, на что он передал мне, что лучше этого не делать.

Около 9 ч. на NW из тумана показался неприятельский аппарат, летевший на высоте 400—500 метров. 44-я батарея открыла огонь. После нескольких выстрелов с 43-й батареей передали категорическое требование стрельбу прекратить и 44-я батарея вскоре замолчала. Из Ц.Т.Ст. передавали, что все батареи решили уходить, отнюдь не сражаться и увести с собой офицеров. Видя всю безнадежность попытки заставить 43-ю батарею действовать в случае появления неприятеля, я вызвал к телефону Ст.Оф.батарей, Подп. Вольского, и просил проверить подрывную партию и принести подрывные патроны на батарею. Он мне ответил как-то кратко, что это невозможно. Впоследствии он объяснил, что команда не разрешила, я тогда так это и не понял. Оставалось некоторое время пассивно выжидать ухода команды, чтобы иметь свободу действий. В команде была тенденция не позволять даже уничтожать, чтобы не вызвать стрельбы немцев и не раздражать их, т.к. те требовали сдачи им всего в исправности, иначе-де они нас накажут. Я передал, что в нужный момент приду на батарею.

Прапорщик Сперанский перешел на маяк, где некоторое время мы с ним ожидали событий. На маяке находился еще прапорщик Кивалкин, сигнальщик Весельский, два-три сигнальщика.

Последние переговоры с командой вели мичман Поликарпов и Гончаревский. Команда согласилась, что когда она сядет в Менто на транспорт и баржу, то разрешает офицерам уничтожить батарею. Мне было передано, что команда решила окончательно уходить.

Было около 11 ч. С маяка было видно, как у казармы 43-й бат. начала собираться толпа команды с котомками и сундуками. Отдель-

ные люди уже тянулись по дороге к Менто; за ними вскоре двинулись и остальные. Не дожидаясь их окончательного ухода, я отправился на батарею 43 и передал придти туда всем офицерам. По дороге я встретил толпу, уходящую с 44-й батареи с котомками и ружьями. Я задерживал многих, уговаривая остаться с нами и не позорить себя пугным бегством. Некоторые, как например Скворцов, оставались со мной, решительно бросив свою компанию. С их помощью я отбирал у прочих винтовки и патроны, приказывая бросать их в колодез у погреба с подрывными патронами. В это время ко мне подошел с 43-й бат. подп. Вольский и мы вместе с ним начали носить подрывные патроны на носилках на батарею и складывать у Ц.П. За это время подошли с 43-й некоторые комендоры, гальванеры и электрики, всего человек 10—12. Из них организовали перенос патронов, что затруднялось тем, что расстояние до батареи сажень 150—200, и на руках и носилках трудно было перенести большое количество. В погребе лежали сверху в ящике штук 10—12 18-ти фунт.; затем следовали большие ящики с 1 фунт. и дальше весь погреб был забит ящиками с патронами Арисака. Я знал, что подрывных патронов у нас должно быть около 23-х пудов, но еще 18 фунт. мне найти не удалось. В строительстве был динамит, но за бегством всех строительных достать, и главное доставить его было нельзя.

На батарее собрались комендоры, прибывшие с Гангута и Полтавы, гальванеры, электрики, мотористы, члены комитета и человек 20 матросов, среди которых были и из последней партии. Люди подходили не сразу, понемногу, т.ч. рассчитать и организовать полностью работы было нельзя; ввиду же огромности работы надлежало торопиться.

Я предполагал, когда вопрос об уничтожении батареи будет решен окончательно, взорвать сперва тела орудий, а затем, пользуясь все теми же проводами, установкой. Взрыв погребов по примеру 18-го сентября не представлял затруднений. Все же остальное, второстепенное, уничтожить уже после, если будет время.

Люди, назначенные приносить подрывные патроны, да и вообще все, работали и делали, что им было указано, только пока стоишь около них и неуклонно заставляешь производить их определенные действия, иначе они просто стояли или слонялись в полной растерянности, только мешая другим и сбивая их, чему способствовало еще то, что все время передавали всякие нелепости, отвлекавшие внимание и сбивавшие с толку команду, да и офицеров. Не зная точно обстановки, как на море так и на сухом пути, идет ли флот, что предполагает Нач.Обороны и какие имеет инструкции от Командующего Морскими Силами Рижского залива, я не решился сразу приговаривать батарею к взрыву.

Из Ц.П. я добился с трудом соединения с Менто, где, однако, Кнопфера не добился, а переговорил с Ейлером. Обстановка и на Менто оказалась неизвестна, также и намерения Кнопфера. Передавался мне какой-то его фантастический проект о прибытии команд с миноносцев для укомплектования ими батареи; что ожидается об этом ответ. Я просил иметь в виду, что мы можем стрелять по перешейку, для чего я взял специальную карту с маяка, действовать будем в крайнем случае одной пушкой офицерами. В результате мне было сказано ожидать и орудий пока не портить.

К этому времени выяснилось, что на батарее находились: Я, подп. Вольский, мичм. Поликарпов, мичм. Гончаревский, кап. Кашугин, прап. Родионов, прап. Сперанский, прап. Златоустовский, члены комитета, Зубанов, 3—4 комендора Гангута и Полтавы, минеры, электрики, 2 гальванера, мотористы, несколько матросов. Всего около 40—45 человек. Люди все разных специальностей. Все нагружены вещами. Организовать какую либо оборону из этих людей являлось невыполнимым.

Все, начиная с офицеров, крайне подавлены и растеряны, без какой-либо инициативы. Некоторые же до того нервно взвинчены, что ничего не понимали, многие матросы не трезвы. Полную бодрость духа сохраняли мичм. Поликарпов, прап. Златоустовский, прап. Сперанский и матр. Кулай и комендор с 41-й батареи. Но мичм. Поликарпов был полужалека, не оправившийся еще от контузии и надорванный непосильной работой с 18-го сент; другие ничего равно на батарее не знали.

Выяснилось, что имеющееся количество подрывных патронов (больше 1 фунт.) не достаточно, т.ч. количество тола в сумме ограничено. Запасы исключительно гальванические. Переговорив с Ейлером еще раз по телефону, я не добился категорического указания — неизбежно ли взрывать батарею или это преждевременно.

Люди, бывшие на батарее, представляли собой хаотическую толпу, лезшую ко мне со всяким вздором и то там, то сям начинавшую самочинные действия, т.ч. мне приходилось ходить по батарее и прекращать это в разных местах лично, т.к. дисциплины у нас не было и при полной деморализации и постоянной, даже ненамеренной провокации и сообщения от моего имени, либо Кнопфера, самых нелепых приказаний, я не мог ни на кого положиться и рассчитывать, что даже и офицеры не будут введены в заблуждение. При ведении какой либо подготовительной работы (например, взлома дверей IV-го погреба)

она велась, лишь пока я присутствовал. Вдруг за мной прибежали из Ц.П., зовя к телефону. Все бросали свое дело и подымали крик: "Г-н Лейт., Вас просят к телефону" — и работа сама собой останавливалась.

Переговорив еще раз с Ейлером, я ничего категорического не выяснил. Кнопфера вызвать опять не удалось. Т.к. время проходило бесполезно, батарея же была все равно небоеспособна, то я решил на свой риск приготовить орудия к взрыву и ждать выяснения обстановки.

Считаясь с тем количеством подрывных патронов, что были в моем распоряжении, взрыв орудий я предполагал осуществить так:

Вогнать в орудие два фугасных снаряда. Придвинуть вплотную ко дну 2 снаряда 18 фунт. патроны, 2—3, сколько хватит, а проводник к гальваническому запалу провести через центр. канал затвора, из которого предварительно вынуть грибовидный стержень и затвор закрыть. Я предполагал, что взрыв патрона вызовет детонацию снарядов, которые и уничтожат орудие, и частью поломают установку. Оставшиеся части будем взрывать, насколько хватит патронов. Провода от пушек провести в блиндажи попарно, откуда и проводить взрыв. Я объяснил офицерам, что я предполагаю и как это нужно сделать и назначил их к орудиям, дав соответствующих людей. Мичм. Поликарпов — 1 оруд., Родионов — 2, Гончаревский — 3, Сперанский — 4. Подпор. Вольский доставал вышки с проводами, запалы и индукторные ключи. Остальным я приказал открыть погреба, т.к. оказалось, что ключи исчезли и никто не знал, у кого же они были.

К этому времени оказалось, мотористы самостоятельно испортили дизеля, насыпав песку в подшипники, зажали их, соединили провода у динамо на короткую и пустили дизеля полным ходом, т.ч. мы были лишены электрической энергии. Сам я прошел ко 2-му орудию и увидел, что там ничего не делается. Люди со всех сторон бросались в одно место и было невозможно их удержать на местах, куда они были назначены, что имело существенное значение, ввиду большого протяжения батареи, т.ч. приходилось бегать, собирая себе нужных 4—5 человек.

Пришлось проделать всю работу с начала до конца собственноручно. Приготовив 2-е орудие, я перешел к 1-му, где оказалась та же картина. Не только ничего не сделано, даже лебедка зарядника не переведена в ручную. Пришлось самому переводить ее с большим трудом, т.к. даже я не был знаком с индивидуальной особенностью каждого орудия; не было же никого из прислуги, кто мог бы указать это, т.к. если кто и был, то как раз не те, кто был нужен. Ключа для вывертывания зажимной гайки грибовидного стержня нет. Перерыли все ящики — не находилось. Долго искали у других орудий, т.к. посланный ко 2-му не сумел объяснить, что именно нужно. Приходится бежать ко 2-му орудю самолично. Пока выкатывал грибовидный стержень на зарядник, люди с лебедки ушли и т.п. Такая же картина у каждого орудия. Пришлось мне собственноручно проделать всю работу у каждого орудия, начиная с зарядания, лично срастить провода, изолировать их и провести проводку. Для этого пришлось бегать по всей батарее, от орудия к орудю (расстояние 60 саж., следовательно вся батарея почти 1/2 версты) за ключами и проч., т.ч. я совершенно выбился из сил. Все время ко мне лезли с дурацкими вопросами и просьбами, уничтожить или испортить ту или иную второстепенную вещь, а назначенная мною работа не выполнялась. Особенно приставал ко мне какой-то болван, добиваясь разрешения зажечь арсенал, что я категорически запретил ему делать. Даже офицеры смотрели как истуканы, т.ч. я гнул их по матери и они выполняли только после моего истошного крика. В это время приносились какие-то верховые, разведчики и т.п. с самыми разнообразными сведениями и приказами: "Кнопфер запретил ни в коем случае не взрывать". "Взрывать немедленно", "Сейчас идет команда на батарею — ничего не трогать". Это мешало работать, отвлекая даже тех немногих, кого с огромным трудом мне удалось поставить на дело. Особенно сбил с толку какой-то верховой с 41-й батареи, прилетевший якобы из разведки. Он в самозабвении орал что-то, т.ч. создалось впечатление, что приготовление орудий к взрыву чуть ли не преступно и все окончательно побросали работу. Удалось вызвать к-ра 41 бат. Таланова и просить его выяснить этот вопрос у Кнопфера. Не понимаю, почему Кнопфер не нашел нужным поговорить со мной. Весь этот день мне ни разу не приходилось с ним говорить. Наконец, все-таки все орудия были приготовлены. Подрывные патроны вставлены и запалы лично мною сращены и изолированы лентой. Для плотного положения запала в патроне он закреплен ворсой, и патроны придвинуты приборной аном вплотную к снаряду. В некоторых орудиях по 2—18 фунт., а в других добавлено несколько одно фунтовых. Затвор закрыт и проводник прихвачен к поручням, дабы не отодвинуть случайно патрона, и проведен в блиндаж. За неимением поверочного ящика поверить запалы и проводку оказалось невозможным. Вся работа заняла часа 1 1/2, т.ч. в это время был уже 2-й час.

Горизонт прояснился, и в заливе на NO, кабельтовых в 80, был виден длинный караван немецких тральщиков. Пароход, по-видимому, стоял впереди, возможно, для корректировки. Суда уже пересекли линию Церель—Домеснес. Характерно, что за все время

немецких тральных работ в Ирбене ни разу не было видно и слышно взрыва, хотя бы одной мины. Из Менто передали, что это идут наши миноносцы, что в связи с вышеупомянутым заявлением верховного, смутило команду. Это было мной опровергнуто и я передал в Менто, что немцы протралили Ирбен и вошли в залив. Кап. 2-го р. Ейлер, через несколько времени спросил, нельзя ли обстрелять перешеек. Я ответил, орудия уже приготовлены к взрыву, но к стрельбе их можно приготовить, а это займет около часа времени: но во-первых, неизвестно куда именно стрелять, корректировки, видимо, не будет, а во-вторых, 41-я бат. свободно может служить для этой цели. Ейлер на этом не настаивал, видимо, сказал это так, "между прочим".

Перед концом работ на батарею пришел грузовой автомобиль с несколькими чел. команды из Менто, и шофер заявил, что прислан кап. 1-го р. Кнопфером за подрывной партией, что ему приказано ни в коем случае без офицеров, и особенно без меня, не уезжать. Подрывную партию обязательно возьмут миноносцы и, если им нельзя будет подойти к Менто, то они подойдут к Морской Авиационной Станции или к маяку. Всех работавших на батарее, конечно, интересовало больше всего — удастся ли им уехать. Я видел, что все об этом только и думают, оттого и работают плохо, да и вообще если и остаются на батарее, то потому, что считают это пока безопасным. Безусловно готовы оставаться со мной до конца были лишь мичм. Поликарпов и матр. Кулай.

Из прибывших на грузовике гальв. У. о. Майоров был мной отправлен на Ц.Т. Ст. для установления постоянной связи с Менто.

Мне пришлось переосновывать всю проводку от орудий к блиндажам, т.к. они были сделаны подпл. Вольским и минерами с расчетом на общую схему, но, для большей надежности, я решил провести от каждого орудия непосредственно. Пока я делал это, я послал команду во главе... приготовить запасные погреба к взрыву; объяснив им, как это надлежит сделать. В это время оказалось, что пристававший ко мне болван все-таки зажег арсенал. Арсенал помещался в ближайшей к Ц.П. избе из оставшихся от деревни, расположенной в тылу батареи, саж. в 50. Пожар разгорелся чрезвычайно быстро и начали взрываться сложенные там ракеты, ружейные, пулеметные и 40 м/м патроны, причем пули свистали по всем направлениям. На Менто было передано, что орудия готовы к взрыву. Оттуда было сказано, что передадут, когда взрывать.

Люди, посланные готовить запасные погреба, вместо того, чтобы идти туда, бегали у могил погибших 18-го сентября и расстреливали зажегшего арсенал. Сперва я не мог понять причины стрельбы. После продолжительной и беспорядочной стрельбы кто-то упал у могилы. (По-видимому, все-таки был убит не тот, кто поджег.) Арсенал горел долго, минут 40. В это время приходилось вынужденно бездействовать, ожидая ответа из Менто.

Я влез на дизель № 1 осмотреться и увидел за лесом, на NW, силуэты двух Кайзеров, на дистанции ближайшей, чем 1-го окт., которые в это время открыли огонь. Первый залп разорвался саж. в 50 от батареи, и осколки и комок земли просвистали вокруг. Подходивший ко мне спросить разрешения на уничтожение батареи, прап. Тиханович, был брошен на землю. Бомбардировка продолжалась с большой интенсивностью около получаса. Залпы следовали сек. через 15-20 один за другим. Снаряды разрывались, видимо, где-то поблизости, т.к. после разрыва было слышно, как шлепают осколки. Люди, посланные к запасным погребам, обратились в бегство на Менто.

Когда началась бомбардировка, я решил, что надо взорвать орудия, т.к. иначе рискуешь, что будут повреждены провода, да и подготавливать дальше не удастся. Возможно, что стрельба неприятеля была вызвана столбом дыма горевшего арсенала и имела целью разогнать людей, помешать уничтожению батареи. Кулай под огнем прошел в Ц.П., передать об этом на Менто.

Я замкнул ключи несколько раз — взрыва не последовало. Предположил, что возможно где-нибудь повреждение проводки. При перерыве бомбардировки я послал всех в блиндаж на 47-ю батарею; сам же перешел на Ц.П., откуда передал Златоустовскому — взрывать его оба орудия. Связь с ним долго установить не удавалось; затем выяснилось, что у него отказ, как и у 1-ой группы. Бомбардировка снова возобновилась и велась около 40 мин. с большой интенсивностью. Залпы падали один за другим почти непрерывно. От воздушных волн при взрыве трещали и хлопали 2—3-дм двери в Ц.П., тряслась вся почва, хлопали приборы и из стен вываливалась земля. Куда ложились снаряды — установить не удалось; вероятно, большинство — перелетно, перед фронтом батареи. Обстреливалась батарея 43-я, вышка, Собрание и батарея ДА (видимо, одна из зенитных батарей. — Л.А.). В это время на батарее находились в Ц.П.: я, мичм. Поликарпов, Кулай и во 2-м блиндаже прап. Златоустовский. Предположив, что, вероятно, осколками перебиты провода, я решил переждать конца бомбардировки и выяснить, кто еще кроме нас остался и может по-

мочь работе. При перерыве мы прошли на 47-ю батарею, где нашли подпл. Вольского, прап. Сперанского, мичм. Гончаревского, кап. Катугина и несколько человек матросов. Все остальные и грузовой автомобиль убежали на Менто. При переходе из 1-го блинда. на 47-ю бат. разорвавшимся у дороги 12 дм снарядом был ранен Скворцов и контужен моторист Шумский, который сошел с ума. Их увез грузовик. Мы все прошли к вышке у Собрания, чтобы с нее осмотреться. Вышка повреждена, Ц.Т.Ст. разбита, вокруг огромные воронки от 12 дм снар. Неприятельские миноносцы в 35 каб. стоят у берега, против Карустэ. Собрав всех, я сказал, что считаю нужным временно выжидать, вернуться затем на батарею, осмотреть и вновь взорвать ее.

В это время опять началась бомбардировка. Стреляли, по-видимому, 6-дм Кайзеры, а также и миноносцы беглым огнем по всем направлениям. Снаряды рвались у батареи, около Казармы и Собрания, по дороге к ДА и дальше, к Морской Авиационной Станции. Т.к. оставаться на месте было и не безопасно, да и обсудить спокойно план действий в таком положении трудно и являлась опасность растерять всех, я решил сосредоточиться вне обстрела, за леском, у батареи ДА, против Морской Авиации, куда все после некоторых споров и направились. Перед уходом я зажег в нескольких местах Собрание, где были некоторые секрет. документы и части приборов. Был также зажег и провизионный склад. По дороге зажгли склад строительства и разбили бочки с нефтью. Батарея ДА горела. Погреб был окутан дымом и в нем рвались патроны; также и во всех кранцах у орудий. Батарею удачно уничтожил прап. Рушковский. В погреб же попал 12 дм снаряд. Горел новый поселок у дер. Манда-Малк, зажегший Скворцовым непосредственно перед бомбардировкой, горел и в нем рвались 75мм патроны с гранатами и шрапнелями, сложенные в нем в количестве около 750 шт.

Нас в это время было человек 12—15: Я, Поликарпов, Сперанский, Катугин, Гончаревский с чемоданами, Златоустовский, Кулай, комендор с 41, член комитета гвард. экипажа, 2—3 моториста. Винтовки были у 6—7 чел. По пути мы увидели, что на спуске у Морской Авиации садятся 2 немецких аэроплана-разведчика. Летчики и наблюдатели вышли с них, подошли к ангарам, заглядывая в них. Несмотря на раздавшиеся возражения, я сказал тем, у кого были винтовки, подбегать ближе к Авиации и мы начали обстреливать немцев с расстояния 1000—1200 шагов. Вероятно, вследствие сильного утомления, в немцев никто из нас не попал. Они бросились к аппаратам, сели на них, поднялись на нас и, летя на высоте 20—30 метров, принялись обстреливать нас из пулеметов. Пришлось отбегать с открытого места к лесу и прятаться от них под кустами. К ним присоединился третий аппарат и все они долго летали над нами, усиленно обстреливая нас из пулеметов. Стрельба неприятельских судов по Церелю продолжалась.

В лесу мы отделились от других, т.к. мичм. Поликарпов, еще не оправившись от контузии, не поспевал за другими и я и Кулай остались с ним.

Судов, вошедших в залив, не было больше видно. Т.к. среди них были старые однотрубные миноносцы, то я предполагал, что они подошли к Менто; в связи же со спуском немцев на Авиацию являлось вероятным, что с миноносцев высажены люди на косу и Карустэ — иначе такую смелость немцев объяснить трудно.

Выйдя из леса на дорогу к Менто, мы еще дважды подвергались обстрелу с аппаратов, летавших на незначительной высоте посюду, но, обессилев к этому времени окончательно, не обращали на них никакого внимания. У дер. Лебара увидели брошенный грузовик. Кулай испортил на нем мотор. Было уже 6 ч. вечера и скоро должно было смеркаться. Посоветовавшись, мы решили, ввиду высказанного мной предположения о вероятности высадки немцев на косе, идти мичм. Менто лесом и стараться пробраться через перешеек на Эзель и оттуда на Моон. Пройдя дальше, слышали с Менто страшный гвалт. Нежелание очутиться вновь среди деморализованной и перетрусившей команды и, очевидно, сбежавших туда армейцев еще более укрепило мое решение туда не заходить. С моря были слышны выстрелы — считали, что это стреляют немцы по Менто. (Миноносцы по перешейку.)

К 7-ми час. мы вышли к вышке 41-бат., стоявшей в лесу. Начал уже темнеть. Взобравшись на нее, я увидел "Славу" (впоследствии оказалось "Гражданин") и м-цы "Войсковой" и "Украину", стрелявших по направлению Цереля. От Карустэ был виден громадный столб черного дыма, горела мыза и маяк.

Увидев "Славу", решили попытаться пробраться на нее и пошел на Менто. Там нашли всех наших офицеров, Кнопфера, Ляроша Петрова и Ейлера. Пристань была забита командой, находившейся в полной панике и рвавшейся и бросающейся на буксиры, перевозившие ее на миноносцы и "Славу". Некоторый порядок там наводил мичм. Лярош с некоторыми из своей команды. Наступила темнота, и бук-

сиры с кораблей не возвращались. С миноносцами переговаривался Котельников карманным фонарем. Пришла команда с 41-ой бат. и офицеры. Приехала семья Кнюпфера. В это время прибыла на Менто в полной панике батарея сухопутной артиллерии, заполнив его совершенно. Многие с криками бросались сейчас же на пристань. Кнюпфер стал ставить прибывших артиллеристов во фронт, чтобы не дать им заполнить пристань. Передали, что буксир, наконец, пришел. На пристань отправили в автомобиле семью Кнюпфера, но автомобиль тут же сломался, завязнув в грязи. Пока переправляли его и жену и детей в Менто, выяснилось, что миноносцы уже ушли. В это время было уже 9 часов. Матросы с 42-й батареи предлагали мне уйти на буксире, разведя на нем пары, но у него не было вовсе руля. Шлюпок тоже нигде не было, т.ч. предстояло окончательно оставаться. Обес- силенный предыдущими бессонными ночами, я лег спать.

Утром 3-го октября обстановка совершенно неизвестна. На Менто находились следующие офицеры: Кап. 1-го р. Кнюпфер, его штаб, Ейлер, мичм. Петров, Мельниц, я, 43 б. подп. Вольский, мичм. Поликарпов, доктор Снятиновский, 42 б. мичм. Лярош, 41 б. подп. Та- ланов, мичм. Максимов, прап. Истратов, поруч. Котельников, техники Заюнчиковский, Болдырев, командир и офицеры арт. бата- реи, несколько человек матр. и почти вся команда батареи. Обстано- вка совершенно неизвестна. По предложению мичм. Ляроша, он, я, мичм. Поликарпов, Кулай и матр. с 42-й бат. Журавлев решили пройти на 43-ю батарею и, если там еще нет немцев, уничтожить ее. Об этом я сказал Кнюпферу, и мы отправились туда. Офицеры ар- мейской батареи, несмотря на наши просьбы, не хотели дать нам сво- их лошадей и тележек, и техник строительства Сумароков дал нам свою лошадь. Мы поехали через Лебару и Манду. Встретившиеся по дороге крестьяне сказали, что немцы в Торкино и Генги, а на Цереле их, по-видимому, нет.

Батарея ДА дымилась. Собрание сгорело дотла и от него остался лишь один фундамент.

Все пространство от мызы Церель до батареи покрыто воронками от снарядов, но на самой батарее не видно следов попаданий, ни не- мцев, ни "Гражданина". Орудия, погреба и все сооружения — в ис- правности. Когда мы прибыли на батарею, с НО показались низко летящий гидроплан, направляющийся над батареей. Бомбометы и пу- лететы накануне испорчены прап. Златоустовским, а из винтовок ре- шили не стрелять, т.к. шансов попасть мало, а лучше не привлекать внимания, чтобы без помех выполнить работу. Осмотрели орудия. Взрыва патронов у них не произошло, только у 1 орудия был, по-ви- димому, неполный взрыв, т.к. отверстие в теле затвора закончено. В патронах у орудий решили переменить запалы, осмотреть и тща- тельно изолировать провода, а у 1-го орудия, т.к. затвор не открывался, я хотел взорвать раму, для чего в нее вставил несколько патронов, снабдив каждый запалом, соединив их параллельно. Однако взрыва не последовало. Сняли в Ц.П. телефон и пытались произвести взрыв индуктором — тоже безрезультатно. Для пробы я приготовлял патро- ны отдельно, но ни одного взорвать мне не удалось. Считаю, что галь- ванические запалы были неисправны (игольчатых с фитилями не было вовсе).

После многократных бесплодных попыток пришлось убедиться, что мы окончательно лишены этого средства уничтожения и стоим с голыми руками перед задачей уничтожить эти громадные установки.

На осмотр орудий, замену запалов, изолировку, осмотр проводки, присоединение ключей и индикатора прошло много времени, причем мне приходилось бегать по всему огромному протяжению батареи, т.к. все приходилось делать лично (мичм. Лярош был совершенно не зна- ком ни с чем). Я решил взорвать погреб, при взрыве которых должны пострадать и установки. (Невероятность 2-го орудия 18 сент. должно объяснить счастливой случайностью.) Выкатили полужарыды из по- греба и выстрелом из винтовки воспламенил их. Весь порох в погребе загорелся моментально. Из него вырвалось пламя с ревом, как при травлении пара, но снаряды взорвались не сразу. 18 сент. 2-й погреб взорвался через 55 мин. после начала пожара. Ожидать взрыва 1-го погреба пришлось минут 20 в 1-м блиндаже, затем, не желая терять время, пробежали к 3-му погребу и, когда подходил к нему, раздался взрыв и 1-й погреб весь взлетел на воздух. Мы залегли по канавам. Огромный столб черного дыма, бревна, рельсы, тележки и пустые пе- налы поднялись на высоту около 100 саж. Белый флаг, который вы- весили над домом в Менто солдаты, за 7 верст отсюда — свалился. Погреб был уничтожен окончательно. Проверять, повреждено ли ору- дие, я за неимением времени не пошел. Таким же образом был за- жжен и 3-й погреб. Одновременно и 2-й дизель. Взрыв третьего погреба мы пережидали во 2-м блиндаже. Ждать пришлось 40 мин., теряя драгоценное время. Мы хотели уже выходить, но случайно за- держались и в это время последовал взрыв. В 3-м погребе взорвалась лишь одна половина, другую завалило землей и из нее валил дым. В

Мыс Церель.
Батарея № 43. После взрыва

таких условиях подходить к 4-му погребу было не безопасно, тем бо- лее, что двери в нем были заперты и предстояло еще их выламывать. 2-й дизель горел, на нем лопались и рвались 40 м/м патроны и взры- вались ящики с ними. Дома в тылу батареи были зажжены бревнами с 3-го погреба и горели. Я отослал Поликарпова, Ляроша и Журавлева на 47 батарею ожидать нас, а сам с Кулаем отправился и зажег 1-й дизель, взорвавши там жестянку с бензином. Я решил идти взорвать и зажечь запасные погреба, пока не окончатся взрывы на 43-й. На ней в это время было пожарище, горели дома и дизели, трещали, взрываясь, 40 мм патроны и стреляли по сторонам. Когда мы подхо- дили к 47 батарее, взорвалась и 2-я половина 3-го погреба, усеяв про- странство до вышки у Собрания осколками, бревнами, кусками.

Я считал необходимым идти и уничтожить запасные погреба, а затем вернуться на батарею 43, где к этому времени можно будет хо- дить беспрепятственно, и, кончив ее уничтожение, перейти к маяку, где сжечь дом, т.к. точно было не известно, сожжен ли он, хотя го- ворили, что он зажжен одновременно с маяком.

Подойдя к вышке у Собрания, влезли на нее, чтобы осмотреться. Неприятельских судов в море не видно, но со стороны Морской Ави- ации к мызе подходил отряд немецкой пехоты и артиллерия. Было около 3-х час. дня. Пришлось считать дело оконченным и окольными путями пробираться к Менто, которое оказалось уже занято немцами.

Так заканчивает Н.С.Бартенев свои записки. Види- мо, в Менто он попал в плен, из которого вернулся в сентябре 1918 года. Его взяли в Морской генеральный штаб, а 4 мая 1919 года отправили в распоряжение ко- мандующего Северо-Двинской речной флотилией. За полгода боевых действий Бартенев получил за храб- рость еще одну награду и контузию, которая вынудила его в 1922 году уйти на "гражданку". Сказалось и ране- ние, полученное 18 сентября 1917 года на Цереле, во время ночной бомбардировки батареи немецкими аэропланами.

Некоторое время Бартенев работал преподавателем географии в Высшей школе РККА, но затем был вы- нужден уехать из Москвы. Он поселился в Павловском Посаде, где работал инженером на заводе. Когда нача- лась Великая Отечественная война, Николай Сергеевич писал заявления, просил отправить его на фронт. Но возраст и ранения не позволили Бартеневу повоевать. Это пришлось делать его трем сыновьям. И ни один из них домой не вернулся. После войны Николай Серге- евич жил в Москве и умер 8 марта 1963 года.

Конец крепости императора Петра Великого

После Моонзундского сражения обстановка на Балтике сложилась необычайно сложная. Вот как она была охарактеризована на совещании флагманов, состоявшемся в Ревеле 18 октября 1917 года.

"Обстоятельство взятия немцами Моонзундской позиции показывает, что сухопутные части потеряли всякую сопротивляемость воле противника, от начала до конца эта операция полна примеров полного упадка духа наших войск и чрезвычайной восприимчивости к панике и бунту обезумевших от страха людей. Только особые условия корабельной службы, в значительной мере способствовавшие порядку, когда корабль в море или бою, дали возможность морским силам Рижского залива оставаться в руках командования и причинить флоту противника известный ущерб. Однако большего флот сделать не смог и с падением сухопутной позиции должен был прекратить борьбу и уйти. Подавляющее превосходство сил германского флота исключает возможность успешной борьбы с ним вне связи с укрепленными сухопутными позициями, между тем мы видим, что на эти позиции фактически нельзя рассчитывать.

Все это приводит нас к убеждению, что всякая задуманная неприятелем операция, направленная к обладанию любой частью Балтийского театра и проводимая планомерно и решительно, будет успешна.

При создавшейся обстановке задачей Балтийского флота может явиться только нанесение противнику наибольшего вреда ценою хотя бы собственной гибели. Однако фактически при современной дезорганизации и

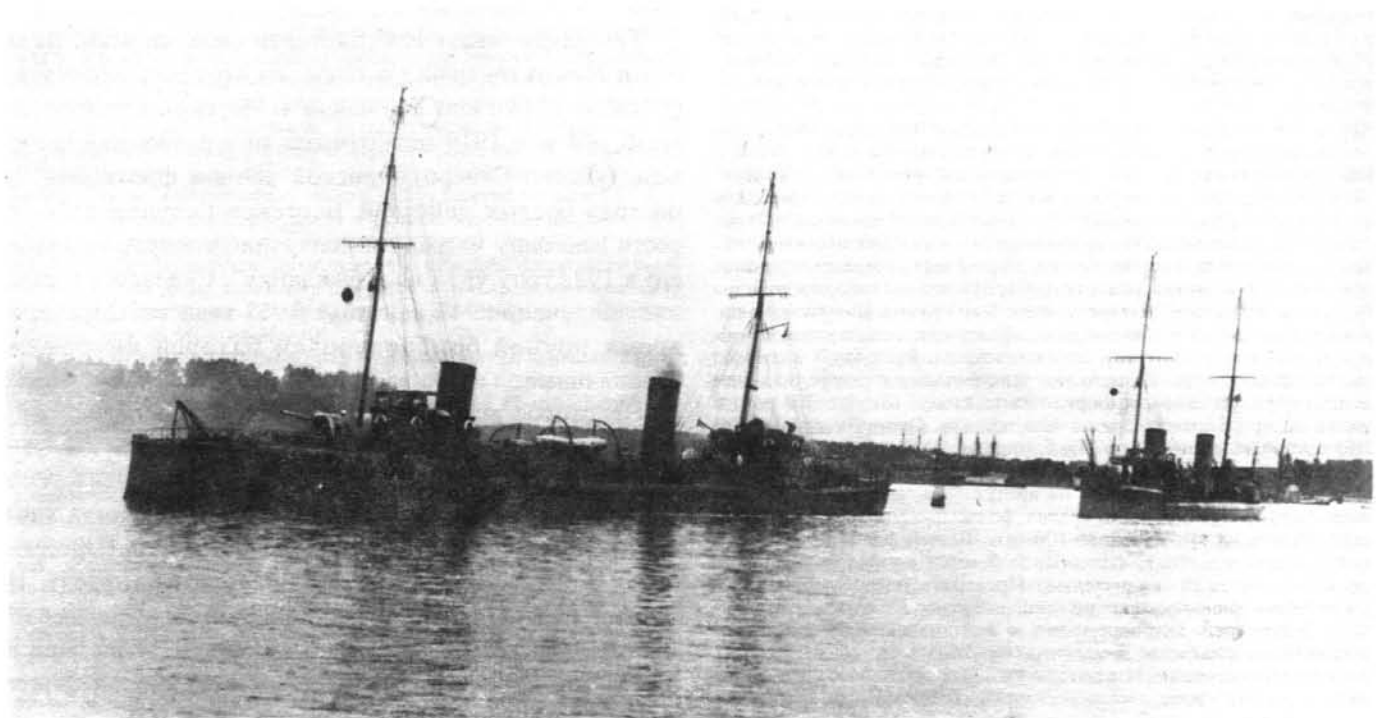
расстройстве командования едва ли можно рассчитывать на столь полное использование флота.

На основании изложенного мы полагаем совершенно необходимым поставить в известность Временное правительство о сложившейся на нашем театре конъюнктуре:

1. Судьба Финляндии и подступов к столице преимущественно зависит от воли противника, ибо надежное владение нами этим районом ничем не обеспечено.

2. В отношении флота надо еще добавить, что потеря опыта, недостаточные тренировки, необеспеченность ремонта и снабжения, упадок материальной части самым решительным образом влияют на боеспособность, и если даже неприятель не предпримет в эту кампанию никаких операций на Балтийском театре, к началу кампании 1918 года морской силы как боеспособной части существовать не будет.

В заключение считаем долгом засвидетельствовать, что со стороны команд мы постоянно слышим заявления о полной их готовности к бою, об одушевляющих их чувствах и желаниях послужить Родине. Мы не сомневаемся в искренности этих заявлений, а опыт Моонзундской операции показывает, что подъем духа команд действительно достаточен, чтобы выйти и вступить в бой. Но команды в массе не сознают, что одного подъема и готовности к самопожертвованию недостаточно, что не сочетаясь с признанием необходимости строжайшей и планомерной военной организации, этот подъем

Эсминцы "Инженер-механик Зверев" и "Бурный" в оландских шхерах

Крейсера "Громобой" (справа), "Россия" и эсминец "Разящий" на рейде острова Утэ

может быть сломлен противником в самое короткое время"¹.

Отправляя протокол этого совещания в Петроград морскому министру, командующий флотом контр-адмирал А.В. Развозов сообщал, что к мнению флагманов присоединяются он сам и начальники 1-й и 2-й бригад линкоров, находившиеся в этот момент у Поркалауда. Далее он писал: "Соображения флагманов в настоящий момент приобретают особую остроту, ибо вся совокупность данных обстановки, как стратегической так и политической, указывает на вероятность активных действий противника в сторону Финляндии и, в первую голову, высадки десанта и захвата о.Оланд. Это обстоятельство побуждает меня просить Вас обратить самое серьезное внимание Временного правительства на создавшееся на Балтийском театре положение вещей. Катастрофа как результат германского наступления или как результат дальнейшего разложения флота, не может быть предотвращена никакими мерами на местах, и я вижу выход из этого положения лишь в создании действительно сильной центральной государственной власти"².

Сильная государственная власть вскоре утвердилась в России, но совсем не такая, которую имел в виду адмирал.

Но прежде пришлось пройти через разрушение "до основания" всего, что только можно было разрушить. Одной из причин, приведших к этому, часто называют усталость народа от войны. Это справедливо, но только отчасти. Отсутствие активных боевых действий на Балтике привело к совершенно неожиданному результату. Команды, не имея возможности устать от боевых дей-

ствий, с головой ушли в политику, и это в полной мере относится и к личному составу крепости.

12 августа 1917 года в районе о.Оланд подорвался на mine и затонул эсминец "Лейтенант Бураков". Мины были поставлены немцами накануне, и это оказалось возможным благодаря полному отсутствию какой бы то ни было бдительности у береговых батарей Оландского района. За несколько дней до трагедии этим же фарватером проходили миноносцы с командующим флотом А.В. Развозовым. Один из участников этой поездки, В.И.Лебедев, сообщал А.Ф.Керенскому: "Подойдя к одной из наших батарей, обязанной защищать как раз этот район, мы не были встречены, несмотря на предупреждение, ни офицерами, ни командой. Пройдя прямо на батарею, мы нашли ее в ужасающем по содержанию беспорядке с наваленными около самых орудий кучами мусора и камней, мешающих действию орудий. Матрос неопрятного вида и без винтовки на вопрос командующего заявил, что он часовой, но сразу не мог объяснить даже, что он тут делает. Приказ командующего флотом дать боевую тревогу был выполнен только после многократного повторения, но оказалось, что не действует телефон.

Часть команды спала (а было 10 утра), остальные заявили, что на боевую тревогу не выйдут, ибо никто с ними раньше об этом не поговорил"³.

Далее В.И.Лебедев одной из причин такого состояния батареи называет агитацию тыла. Видимо, в этом есть доля истины, однако анализ политической ситуации на Балтике в 1917 году — это отдельная тема. Здесь же отметим, что и высшее руководство флота переживало определенный кризис, еще более обострившийся после октябрьского переворота. В ноябре 1917 года уп-

1 РГА ВМФ. ф.479.оп.1.д.881.л.48-49.

2 Гражданская война (боевые действия на морях, речных и озерных системах) т.II.ч.I.л.1926г.стр.4-5.

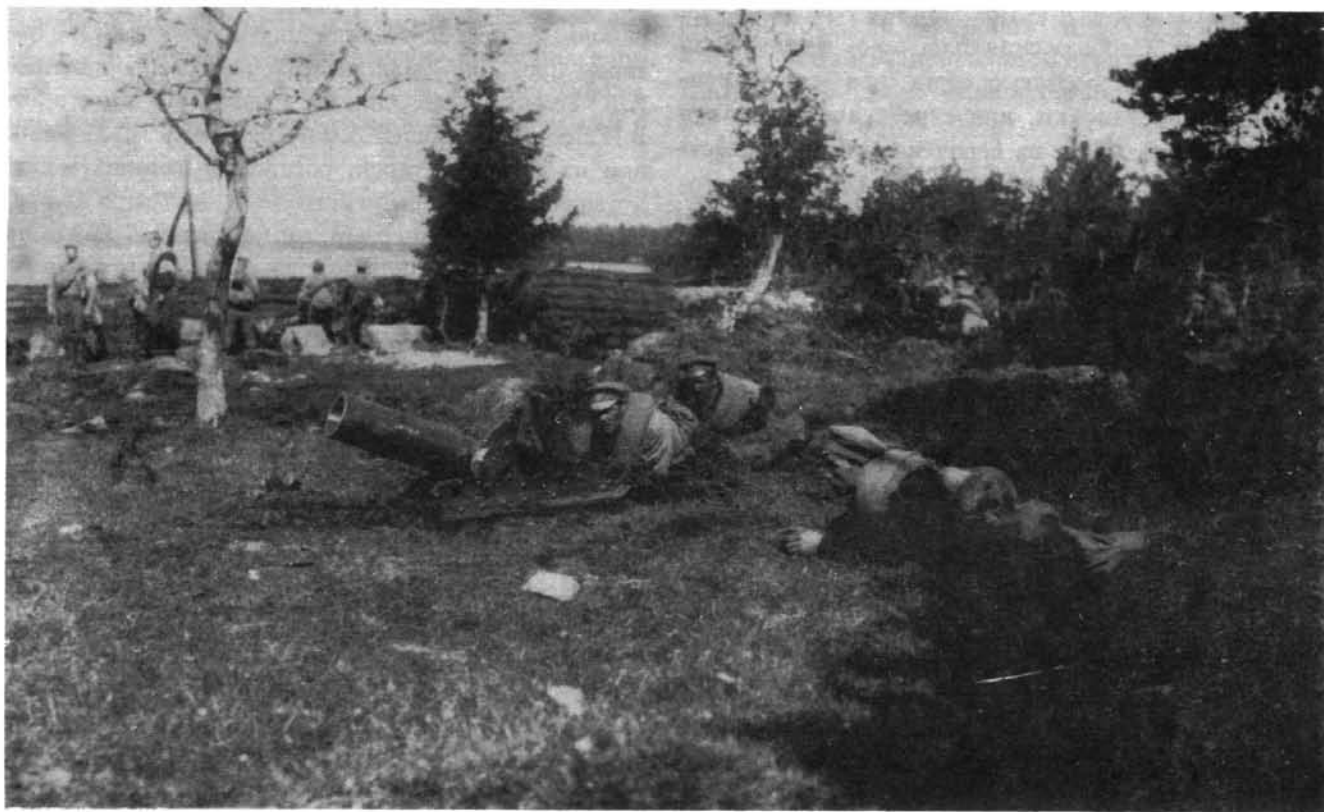
3 Морской сборник № 9.1917.стр.153.

раздняются Адмиралтейств-Совет, военные и морские суды. Морское министерство реорганизуется в Народный комиссариат по морским делам. В управление флотом вступает коллегия Н.К. по морским делам, а в декабре вся власть переходит к Центробалту (Центральный комитет Балтийского флота). В нем организуется Военный отдел (Вобалт), к которому и переходят функции непосредственного командования флотом. В выборные организации Центробалта командуются комиссары, имеющие чрезвычайные полномочия. Это вызывает быстро растущее недоверие, перерастающее в сопротивление со стороны командующего состава. Боеспособность кораблей и батарей крепости в этот период падает еще ниже. Из грозных боевых единиц корабли превращаются "в стальные коробки для жилья людей, постепенно теряющих не только любовь к своему кораблю, но и интерес к морскому делу. Массы моряков проникнуты одним непреодолимым стремлением: вон с корабля, на волю — по домам"¹. Но 15 декабря 1917 года было подписано перемирие, а 22-го начались переговоры в Брест-Литовске.

Тем временем ситуация на Северо-Западе России осложнилась до предела. Сторонникам отделения от Финляндии удалось сформировать новое правительство, которое потребовало от России признания самостоятельности Финляндии. Одновременно в Петроград было

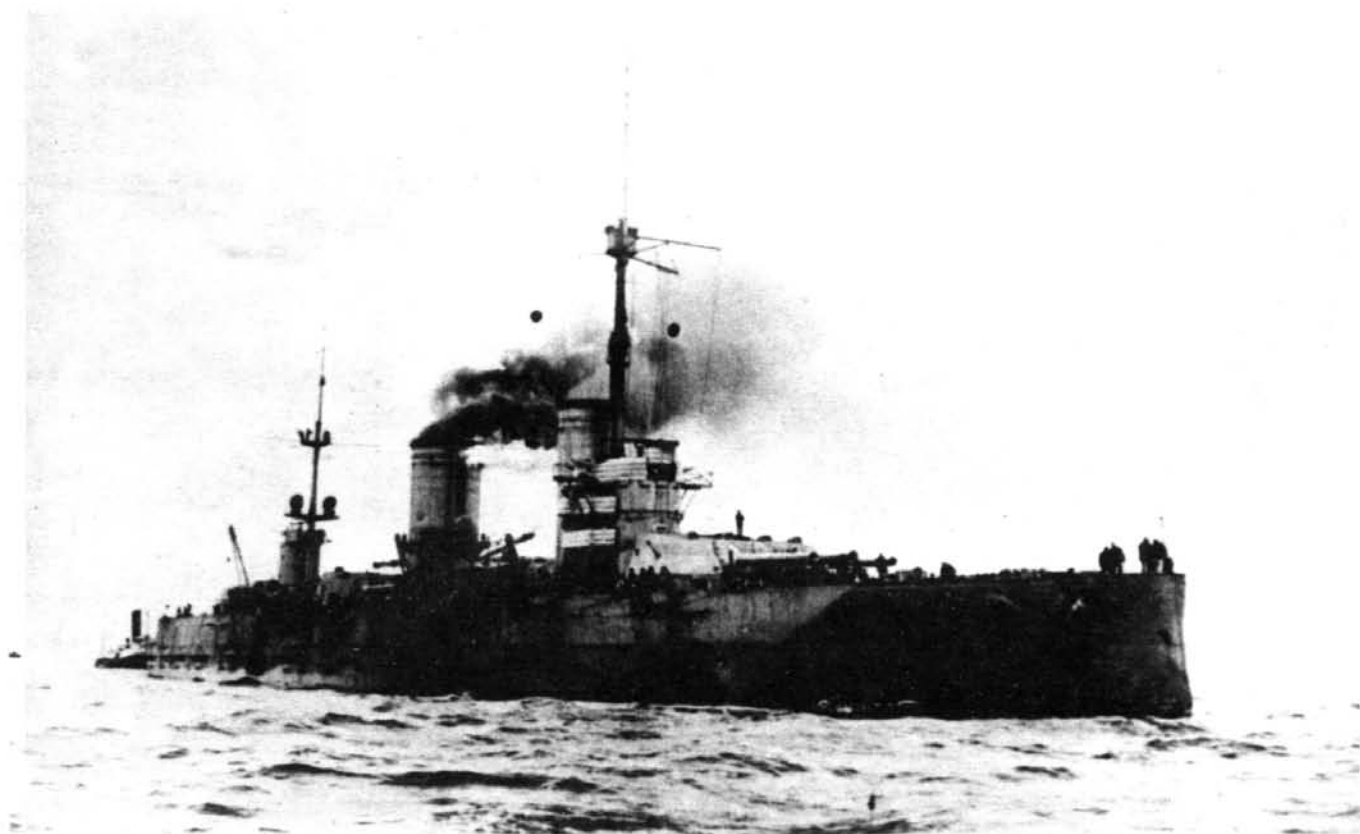
направлено требование немедленного вывода всех русских войск из страны: "Занятие Финляндии русскими войсками было в свое время признано нужным по соображениям военного характера для защиты Северо-Западных границ России и столицы государства, но по объявлении Финляндией своей независимости и ввиду ее желания соблюдать вполне нейтральные дружеские отношения, как к России, так и к другим государствам, присутствие русских войск уже не представляется необходимым"². Вслед за этим требованием финский сенат отменил обязанность общин и граждан снабжать "дровами и осветительными средствами русские войска".

4 января 1918 года правительство большевиков признало самостоятельность Финляндии, но выводить войска не торопилось. Более того, уже 9 января первое правительство независимой Финляндии оказалось свергнуто и власть перешла в руки социал-демократов³. Скрывшись в Николайштадте, свергнутое правительство начало формировать отряды белой гвардии, в составе которых было немало добровольцев. Ядром стал 27-й егерский батальон, состоявший в основном из финской молодежи, обучавшейся в Германии. Батальон участвовал в боях против русской армии на рижском направлении, а в январе был переброшен в Финляндию. Во

Остров Оланд. Бойцы полка офицерской стрелковой школы

1 Гражданская война (боевые действия на морях, речных и озерных системах) т. II, ч. I, Л. 1926, стр. 5.
2 М.С. Свечников. Революция и гражданская война в Финляндии 1917—1918. М. 1923, стр. 25.
3 Гражданская война. Указ. соч. стр. 6.

Линкор "Полтава"

главе сформированных частей встал барон Г.Маннергейм, бывший русский генерал, георгиевский кавалер.

25 января 1918 года финское правительство, находившееся по-прежнему в Николайштадте, обратилось к государствам, признавшим самостоятельность Финляндии (Швеция, Норвегия, Дания, Германия, Австро-Венгрия и Греция), с протестом, указывая, что, несмотря на признание Россией независимости Финляндии, многочисленные русские войска продолжают оставаться на финской территории, "истребляют скудные продовольственные запасы страны, оказывают содействие "неспокойным" элементам страны, совершают поджоги и убийства". Гражданская война в Финляндии принимала все более широкий размах. Причем Г.Маннергейм подчеркивал, что действует исключительно против большевиков. Начиная боевые действия против Таммерфорса, где были сосредоточены части финской Красной гвардии, Г.Маннергейм послал гарнизону радиogramму, в которой обещал неприкосновенность русским войскам, "если они не будут вмешиваться в финляндские дела"¹. Правда, финскую Красную гвардию с большой натяжкой можно считать финской. Уже цитировавшийся ранее М.С.Свечников, один из руководителей борьбы против Г.Маннергейма, признавался, что "борьба с финскими белогвардейцами в защиту рабочего класса вслась почти исключительно русскими

войсками под руководством русских офицеров, солдат и матросов"².

28 января 1918 года переговоры в Брест-Литовске прерваны, а 10 февраля русская делегация передала немцам заявление, подписанное пятью членами делегации и оказавшее решающее значение на дальнейший ход событий. "Именем Совета Народных комиссаров правительство Российской Федерации настоящим доводит до сведения правительств и народов воюющих с ним союзных и нейтральных стран, что отказываясь от подписания аннексионистского договора, Россия со своей стороны объявляет состояние войны с Германией, Австро-Венгрией, Турцией и Болгарией прекращенным. Российским войскам одновременно отдается приказ о полной д е м о б и л и з а ц и и по всему фронту"³.

На следующий день был принят декрет СНК, которым "... флот, существовавший на основании всеобщей воинской повинности царских законов, объявляется распущенным и организуется Социалистический Рабоче-Крестьянский Красный Флот"². Одновременно Центробалт направил начальникам Або-Оландской позиции, тыловой позиции и обороны Финского залива распоряжение начать подготовительные работы по демобилизации и разработать планы с указанием, как поступить с батареями, складами и прочим имуществом.

1 М.С. Свечников. Указ. соч. стр.49.

2 Там же. стр.44.

3 Гражданская война. Указ. соч. стр.7.

Остров Утэ. Пост службы связи. В центре — старшина поста кондуктор Петрущенко

Таким образом, одним словом "демобилизация", умышленно или нет, было поставлено под угрозу то хрупкое равновесие, сложившееся на Балтике в начале 1918 года. Демобилизация началась, и даже те, кто хотел бы остаться служить на флоте на добровольных началах, требовали отпуск.

Уже 14 февраля появились признаки возобновления боевых действий.

Оценивая возможные операции Германии после прекращения перемирия, МГШ считал наиболее вероятной смешанную операцию от Моонзунда на материк с целью захвата Ревеля и Эстляндии с сухого пути при широком содействии германского флота в Финском заливе к западу от центральной позиции крепости Петра Великого.

Коллегия Морского комиссариата окончательное решение по этому вопросу откладывала на ближайшее будущее, а пока предписывала:

— Немедленно сосредоточить в районе Ревеля и Гельсингфорса все ледокольные средства и в том числе ледокол "Сампо", захваченный финнами, для чего должны быть приняты все меры, включая применение вооруженной силы;

— немедленно увести из Ревеля в Гельсингфорс все боевые и вспомогательные корабли, техническое состояние которых и некомплект команды не допускают выхода в море по первому требованию;

— немедленно обеспечить батареи обороны Финского залива и Або-Оландского района минимальным числом личного состава, допускающим стрельбу. Если это нельзя сделать на всех батареях, то хотя бы на главных, особенно на флангах центральной позиции.

А через день в Петроград из Брест-Литовска пришло извещение, подписанное немецкими генералами, участвовавшими в переговорах, и гласившее, что с 12 часов дня 18 февраля между Германией и Россией возобновляется состояние войны. Можно, конечно, говорить о вероломстве немецких генералов, но они вряд ли решились бы на такой шаг без объявления в России демобилизации.

Все это ставило страну в исключительно сложное положение. Демобилизация армии и флота, которую уже нельзя было остановить, шла полным ходом. Солдаты и матросы самовольно уходили из своих частей. На некоторых судах некомплект команды доходил до 80%, окопы опустели, батареи крепости потеряли значительную часть орудийной прислуги. Снова привести это в состояние боевой готовности становилось задачей невыполнимой. Тем не менее на запрос оперативного отдела Штаба флота о положении, создавшемся после перемирия, из крепости поступил ответ о том, что "приморский фронт в общем боеспособен, но без поддержки флота и сухопутных войск длительное сопротивление вряд ли возможно"¹. На вопрос, открывать ли огонь по немцам, Штаб ответил приказанием пока вести точное наблю-

¹ Гражданская война. Указ. соч. стр.10.

дение в районе Моонзунда и все известия срочно сообщать Центробалту, постам огня не открывать, а отступать к Ревелю. А вслед за этим поступило распоряжение начать эвакуацию наиболее ценной материальной части. В сложившейся ситуации, видимо, это был единственный выход, так как рассчитывать на стойкое сопротивление личного состава не приходилось. Старой дисциплины уже не существовало, а до осознания новой было еще далеко.

Чтобы как-то спасти положение, в Ревеле была организована новая местная власть — Военный отдел Укрепрайона. В него вошли комендант крепости, начальник обороны Финского залива, а также представители местного Совета депутатов и Эстляндского краевого комитета. Военный отдел первым делом обратился в Центробалт с просьбой отменить приказ об увольнении в запас и в отпуска. Центробалт ответил, что этот вопрос обсуждается и скоро будет разрешен, пока же ввиду неопределенности политического положения надо быть готовым к любым случайностям. Вслед за этим Военный совет потребовал от Н.К. по морским делам срочно прислать 20 аэропланов в полной боевой готовности и с экипажами, но это требование осталось без ответа. Зато 18 февраля начальник обороны Финского залива получил с нескольких приморских батарей сообщения о том, что команды батарей не находят возможным сражаться, основываясь, во-первых, на Декрете Н.К. о выходе России из состояния войны и полной демобилизации армии, а во-вторых, на Декрете о роспуске флота¹.

В тот же день на южном берегу Финского залива началось наступление германских войск. В ответ Ленин и Троцкий направили германскому правительству протест, в котором говорилось: "СНК видит себя вынужденным при создавшемся положении заявить о своем согласии подписать мир на тех условиях, которые были предложены делегацией четверного союза в Брест-Литовске"¹. Затем Верховный главнокомандующий послал радиogramму "всем фронтам": "Советом СНК предложено немцам немедленное подписание мира. Предписываю при всех случаях столкновения с немцами организовывать массовое парламентарство к солдатам с предложением не воевать. В случае отказа — оказывать возможное сопротивление"².

19 февраля Крыленко приказал вывезти из Ревеля все продовольствие и наиболее ценное имущество, а 20 февраля — уничтожить все остальное. Однако комендант крепости запретил взрывать батареи без согласия крепостного комитета.

Тем временем из Данцига уже вышли 10 транспортов с войсками и направились на восток.

Особенно тяжелое положение сложилось в районе о.Оланд. Отряды финской белой гвардии начали по льду перебираться с материка на острова и нападать на посты

Начальник береговой обороны Финского залива капитан I ранга Б.Б. Жерве

службы связи Балтийского моря. В районе архипелага появились шведские военные суда. Шведы выдвинули требование немедленно эвакуировать весь русский гарнизон в Ревель, все оружие оставить на месте, кроме одной винтовки на человека. Учитывая притязания Швеции на о.Оланд, пришлось вмешаться консулу России в Швеции В.Воровскому. В результате переговоров удалось добиться решения об исключении Оланда из театра военных действий. Имущество русского правительства осталось неприкосновенным и сдавалось на хранение оландским властям при русских комиссарах с гарантией шведского правительства. Для обеспечения выполнения этих решений в Ревеле начали готовить боевые суда для отправки их к Оланду. Однако вскоре связь с этим островом прекратилась. Посланный для поддержки гарнизона ледокол "Муртайя" с отрядом 130 человек был задержан финнами у о.Престэ.

В это время все морские и сухопутные части Оланда представляли собой картину полной дезорганизации, солдаты и матросы заявляли о своем нежелании ввязываться в классовую борьбу в Финляндии и требовали увольнения, угрожая бросить все военное имущество на

1 Там же. стр.13.

2 Там же стр.13.

Остров Макилото.

Батарея № 20 после взрыва. Фото из книги P. Silvast. Porkkala 1944—1956. Hanko 1991

произвол судьбы. Дисциплины не было никакой, казалось, что Центробалт и народный комиссар по морским делам бросили Або-Оландский район на произвол судьбы.

19 февраля Военная коллегия Западного района была вынуждена снять посты службы связи в Энксэ, Аспэ, Пипшер, Люпертэ и ряде других островов. Часть постов захватила финская белая гвардия. В конце концов на все запросы Центробалт ответил, что никакой помощи от него ждать нельзя и при эвакуации следует рассчитывать только на местные средства.

К 20 февраля дезорганизация на Оланде достигла высших пределов. Многие команды начали распродавать казенное имущество. Чтобы положить конец этому хаосу, командующий войсками Або-Оландской позиции был вынужден объявить об увольнении в запас матросов всех годов службы.

23 февраля Центробалт предписал военному отделу Або-Оландской позиции эвакуировать на склады Свеаборгского порта и крепости все военное имущество с островов Оланд, Корсэ, Стурра-Клуббен, Лемланд, Чекарс, Боксэ, Люпертэ и авиастанции Дегерэ. Сооружения боевого значения предлагалось уничтожить, а инвентарь и хозяйственные постройки — продавать или

сдавать под охрану местным организациям или общинам.

Одновременно сообщалось, что никакой помощи военными судами и перевозочными средствами оказано быть не может и подтверждалось передававшееся ранее требование о приведении в боевую готовность батарей на островах Эрэ и Утэ. Но это последнее требование не могло быть выполнено, так как команды разоружили батареи и заявили, что не желают исполнять никаких оперативных требований.

По-видимому, вообще ни одна из директив Центробалта по Або-Оландской позиции не была выполнена, и все многочисленное военное имущество осталось в руках финского правительства.

Русское население и войска были эвакуированы в Петроград на специально присланных пароходах значительно позднее, после ухода нашего флота из Гельсингфорса.

Тем временем немцы медленно продвигались в направлении Ревеля. 20 февраля они заняли полуостров Вердер. Гарнизон о.Вормс отступил в Гапсаль. 1-му Эстонскому полку, находившемуся здесь, было приказано оказывать упорное сопротивление наступающему противнику. Но эстонцы отказались выходить на позицию

Ристли, они объявили свой полк белогвардейским, арестовали гапсальский совет¹.

21 февраля начальник обороны Финского залива сообщил, что команды наших батарей, не будучи в состоянии ориентироваться в вопросе "война или не война", бросили некоторые батареи. На батареях Балтийского порта остались лишь "охотники" для их уничтожения. Утром 21 февраля немцы заняли Гапсаль, а днем их разъезды появились уже в 17 верстах от батареи № 37 на мысе Дирхамн. Батарею пришлось взорвать, а команде отойти в Балтийский порт. Немцы двинулись к Ревелю и вместе с ними — 1-й Эстонский пехотный полк.

В Ревеле к этому моменту произошла еще одна реорганизация властных структур. 20 февраля на заседании у коменданта крепости Императора Петра Великого генерал-майора Изметьева представители Эстляндского краевого комитета и Совета депутатов официально заявили, что на ночном пленарном заседании краевого комитета, Совета депутатов, армейского комитета и местного флотского комитета было решено образовать военную коллегия. Каждая из указанных организаций делегировала по два представителя в военную коллегия, которая и брала в свои руки всю гражданскую и военную власть в Ревельском краевом районе, причем во избежание двоевластия комендант крепости устранился от должности. Изметьев не протестовал и сложил свои полномочия. Сухопутный фронт крепости уже был не в состоянии оказать какое-либо сопротивление наступающим немцам. Основной заботой военной коллегии стала эвакуация. Началась погрузка ценного имущества в вагоны и на транспорты, которые предполагалось отправлять с ледоколами в Гельсингфорс. При приближении немцев к Ревелю подлежали уничтожению все приморские батареи за исключением расположенных на островах Вулф и Нарген.

Совет народных комиссаров, Верховный главнокомандующий Крыленко своими директивами и приказами пытались организовать отпор наступающим немцам. 22 февраля последовал приказ по флоту Балтийского моря № 78. "Во исполнение приказа Верховного главнокомандующего и постановления СНК объявляется революционная мобилизация для беспощадной борьбы с германскими империалистическими полчищами. Всех, кто способен держать оружие, Родина зовет на последний революционный бой, в котором или победим или с честью умрем.

Всякие увольнения с этого момента прекращаются, товарищи призываются на свои бывшие места для защиты кровью добытой свободы.

Да здравствует Народовластие Великой Российской Республики"².

Но было уже поздно. Из-за отсутствия связи и сведений о продвижении противника батареи Балтийского

порта были взорваны, а в гавани затопили пароход "Гальванер". В Ревеле команда службы связи в количестве 500 человек, пытаясь покинуть город, заняла вагоны с продовольствием, готовые к отправке. Однако вагоны так и остались в Ревеле, и вообще с этого момента эвакуация по железной дороге вышла из-под контроля. Вагоны с грузами накапливались на путях, безнадежно закупоривая их. Паровозов не хватало. Отходящие поезда с боем брались солдатами и матросами. Целые команды самовольно покидали свои места и бесследно исчезали. Так, в ночь с 22 на 23 февраля конюхи управления береговой обороны запрягли всех имевшихся в их распоряжении лошадей в сани, нагрузили на них фураж и скрылись за городом. Канцелярии пустели. В самые ответственные моменты существования Ревеля не было почти никого, кто бы оставался на своем посту.

Утром 23 февраля в Ревель прибыл командир батареи № 2 с полуострова Суроп. Офицерам батареи и оставшимся шести матросам удалось вывезти в Ревель ценное имущество, командир батареи безуспешно пытался добиться сформирования хоть небольшого отряда для охраны батареи. Столь безуспешны были попытки задержать часть команды с островов Нарген и Вулф, которая бежала в Ревель и требовала скорейшей отправки в Петроград.

В тот же день ледокол "Ермак" повел в Гельсингфорс две подводные лодки и два нагруженных транспорта. Состояние льда на рейде было очень тяжелое, и "Ермак" с трудом прокладывал путь. Казалось, что эвакуация порта налаживается, однако рабочих оставалось все меньше.

23 февраля на станцию Лаакт неподалеку от Ревеля прилетел германский аэроплан. Он сбросил на стоявший на станции поезд с эвакуированными командами несколько бомб, которые не причинили поезду вреда. Матросы обстреляли аэроплан из винтовок, и он улетел к Ревелю, где разбросал прокламации, в которых германское командование предупреждало о том, что в случае возникновения в городе погромов ответят пленные красногвардейцы.

Около полудня немцы заняли станцию Кегель, а днем в Ревеле по радио получили предложенные Германией мирные условия.

На запрос начальника обороны Финского залива капитана I ранга Б.Б.Жерве, как поступить с батареями в случае принятия германских условий, из Петрограда пришел ответ, гласивший, что уничтожение наргенских батарей преждевременно. Относительно батарей на Суруп было получено разрешение взорвать их, смотря по обстоятельствам, когда это будет признано необходимым. Ввиду того, что расстояние от Кегеля до Сурупа составляло по шоссе всего 18 верст и вскоре можно было ожидать, что немцы займут полуостров, батареи взорвали в ночь на 24 февраля.

1 РГА ВМФ. ф.949.оп.1.д.44л.128.

2 Гражданская война. Указ. соч. стр.21.

24 февраля по недоразумению 120-мм батареи полуострова Вимс и о.Вулф обстреляли беглым огнем пролив между островами Карлос и Нарген, где якобы показались неприятельские отряды, проходившие пролив по льду. Тревога оказалась ложной, но этот случай показал, что, несмотря на бегство части команд с этих батарей, они были в полной боевой готовности и служба на них велась достаточно бдительно. В тот же день Военная коллегия, Совет депутатов и Эстляндский краевой комитет объявили себя распущенными. Практически перед занятием Ревеля немцами в нем не осталось никакой гражданской власти, а в крепости Императора Петра Великого — военной. Погрузка имущества военного порта прекратилась, в порту начались грабежи складов, в городе почти непрерывно слышалась ружейная и пулеметная стрельба. Прервалось железнодорожное сообщение. Часть вагонов с имуществом артиллерийского склада так и осталась на подъездных путях. Местный флотский комитет с утра перебрался на крейсер "Адмирал Макаров". До самого конца ревельской эпопеи верными своему долгу оставались и работали вместе с начальником обороны Финского залива капитаном I ранга Б.Б.Жерве Центральный комитет береговой обороны и телефонисты Усть-Двинской телеграфной роты. Все управления и канцелярии окончательно опустели. Документы, секретные дела погружены на транспорт "Бурлак". Все лишнее сожжено. Еще один караван судов ушел в Гельсингфорс.

Около 16 часов 24 февраля в Ревеле стало известно, что правительство большевиков приняло германские условия мира. А вслед за этим народный комиссар Подвойский связался по аппарату Юза с начальником штаба крепости подполковником Левенцом и возложил на него ответственность за уничтожение военных и железнодорожных сооружений. Однако в Ревеле для этого уже не оставалось ни средств, ни сил.

Лучше всего положение в городе в этот момент охарактеризовано в одном из донесений Б.Б.Жерве: "Прошу срочно и категорически указать, следует ли взрывать приморские батареи и когда. Положение дел следующее: в городе вооруженных сил нет, в порту и интендантстве идет грабеж вооруженными людьми. Сведений о противнике нет, и вполне возможно ожидать появления его ночью. На батареях команда пока еще остается, но волнуется, беспокоясь за свою участь. Связь моя с батареями может каждый час порваться. Считаю, что было бы большой нашей ошибкой перед народом и историей, если бы батареи попали бы в немецкие руки. Сегодня отправили в Гельсингфорс караван судов". Дальнейшая погрузка на транспорты ценного имущества порта невозможна вследствие грабежей, отсутствия организованной надежной охраны и желающих работать. Завтра постараюсь отправить в

Гельсингфорс все транспорты; крейсера завтра также идут в Гельсингфорс.

Прошу указать, что делать с оставшимися плавучими средствами, причем предупреждаю, что никаких средств к их уничтожению у меня нет, так как все люди разбежались или забились на суда, боясь попасть в руки немцев. В городе власти никакой нет, так как Совет депутатов и Краевой комитет себя распустили. Прошу срочных указаний, что делать, так как ждать более не могу"¹.

Ответ на этот запрос был краток: "Согласно указаний Верховного главнокомандующего, коллегия Морского комиссариата приказывает уничтожить береговые батареи, когда по обстановке признается это нужным. 24 февраля Нагенмор Беренс"².

К вечеру 24 февраля в городе появилась новая власть — Союз самозащиты, который стал разоружать Красную гвардию. Красногвардейцы не сопротивлялись, отдавая оружие, и уходили на крейсера и транспорты.

Около 23 часов были взорваны орудия, прожектора и дизеля на батарее полуострова Вимс. Погребя решили не взрывать, так как при этом могло пострадать мирное население. Ночью уничтожили Центральную телефонную станцию Приморского фронта. Затем начальники обороны Финского залива и бывшие с ним офицеры и члены ЦК береговой обороны перешли на транспорт "Колывань".

Утром 25 февраля почти все суда вытянулись на рейде. В гавани оставался лишь крейсер "Адмирал Макаров", который должен был прикрывать уход судов из Ревеля в случае внезапного появления немцев в порту.

С трудом удалось уговорить команду транспорта "Колывань", пытавшуюся сбежать на берег, идти на Нарген. Только усилившаяся ружейная и пулеметная перестрелка, от которой стал разбегаться народ, толпившийся в гавани, заставила их остаться на транспорте. К сожалению, к этому моменту большинство членов ЦК береговой обороны, разойдясь по кораблям для бесед с личным составом, не успели вернуться на транспорт. "Колывань" отправился на о.Нарген, а ледоколы "Ермак" и "Тарма" — в Гельсингфорс. За ними потянулся караван судов, крейсера "Рюрик", "Адмирал Макаров", "Богатырь", "Баян", "Олег", заградитель "Воман" и несколько транспортов. Над рейдом появились немецкие аэропланы, но крейсерам удалось отогнать их. Когда последние суда выходили из гавани, на пристань ворвались немецкие мотоциклисты.

По прибытии транспорта "Колывань" на Нарген там состоялось общее собрание комитетов, на котором отмечалось, что при существующем состоянии льда германский флот не сможет проникнуть в Финский залив и подойти к Наргену. Кроме того, было очевидно, что при всей энергии и богатстве технических возможностей немцы по меньшей мере через месяц смогут оборудовать

1 Гражданская война. Указ.соч.стр.24.
2 Там же.

на берегу батареи, способные бороться с мощными 305-мм орудиями Наргенской батареи № 9.

Ситуация на Наргене осложнялась поломкой радиостанции, которая могла работать только на прием, и недостаточным количеством оружейной прислуги.

На совещании рассматривались три варианта выхода из сложившейся ситуации:

1. Послать в Ревель "Колывань" под парламентерским флагом с делегацией, которая потребует соединения о.Нарген прямым проводом с Петроградом, чтобы получать директивы. Делегация предупредит, что всякая попытка нападения на Нарген повлечет за собой открытие огня по городу.

2. Не вступая в переговоры, ждать дальнейших событий до апреля, войдя в радиотелеграфную связь с Гельсингфорсом (восстановление радиостанции могло быть осуществлено с помощью ледокола "Волынец").

3. Взорвать батареи, но сделать это не торопясь, предварительно вывезя с острова провизию, ценные приборы, мелкую артиллерию и другое имущество.

Совещание высказалось за третий вариант — сказались отсутствие членов ЦК береговой обороны. Многие опасались, что правительство отдаст немцам все батареи, и поэтому голосовали за немедленное их уничтожение.

В тот же день началась погрузка провизии на транспорт "Колывань", но надежда сохранить батареи еще была, так как эвакуация имущества заняла бы не один день, а за это время ситуация могла измениться в нужную сторону. Но случилось наоборот. Вечером около 21 часа с проходившего мимо Наргена крейсера "Адмирал Макаров" прожектором на остров передали "семафор", адресованный команде батарей от имени местного флотского комитета с приказом немедленно взорвать батареи. Раньше, чем кто-либо из командного состава смог отдать какие-то распоряжения, запылали жилые командные бараки и сгорели проведенные над ними телефонные провода. Таким образом прервалась связь между батареями. Затем была взорвана батарея № 11 (IV - 120). Часть команды батарей бросила работу и стала грузиться на транспорт "Колывань".

Комендант острова, несколько офицеров и немногочисленная подрывная партия начали готовить башенные установки к уничтожению. Утром 26 февраля на остров прибыл ледокол "Волынец" и почти весь личный состав стал требовать немедленного ухода в Гельсингфорс.

Попытки взорвать батареи гальваническим путем, при котором сдетонировал бы весь боезапас, не увенчались успехом. Пришлось поджигать зарядные погреба. В ночь на 27 февраля остров потрясла серия мощнейших взрывов. Пять лет героических усилий русских ин-

женеров и мастеровых, артиллеристов и строителей пропали даром. Уникальные башенные установки, не сделавшие ни одного выстрела по врагу, превратились в бесформенную грудку металла.

По подобному сценарию проходили события и на о.Макилото.

Морская крепость Императора Петра Великого перестала существовать.

В своем последнем донесении Б.Б.Жерве писал: "Я не считаю возможным в настоящем моем донесении подробно касаться причин, приведших нашу Родину к полной невозможности сопротивляться внешнему насилию. Утомление русского народа, истощенного беспримерной 4-летней мировой войной, а также и переживаемая им великая эпоха революционного переустройства всех основ государственного бытия являются, конечно, главными причинами нашего временного бессилия. Но веря непоколебимо в светлую будущность обновленной свободной России, я считаю долгом своим отметить, что и при создавшихся невыносимо тяжелых условиях значительная часть морских команд в Ревеле и приморских батареях проявила высокую сознательность и преданность своему делу"¹.

Хочется верить, что и сейчас, сложись подобная ситуация, не все из нас бросятся спасать свою шкуру. А найдутся люди, подобные старшему лейтенанту Н.С.Бартеневу и капитану 1-го Б.Б. Жерве, способные делать Дело до конца. До последней черты.

Заключение

Так закончилась история морской крепости Императора Петра Великого. Южная часть Финского залива на 20 с лишним лет стала территорией иностранного государства. Затем здесь снова появились русские моряки. И снова бывшие позиции крепости стали местом ожесточенных боев с немецкими войсками.

На о.Оланд в силу его мирного статуса все военные сооружения были уничтожены, а вот на других островах Абозии кое-что сохранилось. Например, 305/52 батарея № 60, так и не сделавшая ни одного боевого выстрела. Не был в бою и комплекс береговой обороны на п-ове Поркалауд и о.Макилото. Построенный советскими военными строителями после окончания Отечественной войны, он просуществовал до 1956 года.

Берега Балтийского моря — это настоящий музей под открытым небом. Экспозиция этого музея создавалась веками. И мы должны сохранить все экспонаты, кому бы они раньше ни принадлежали.

Санкт-Петербург
1993—1994 гг.

Литература

- Буйницкий Н. Приморские крепости П. 1911
- Величко К.И. Инженерная оборона государства и устройство крепостей. СПб. 1903
- Величко К.И. Крепости до и после войны. П. 1922
- Гражданская война. Боевые действия на морях, речных и озерных системах. ч.1 Балтфлот 1918—1919 Л. 1927
- Григорович Н.К. Воспоминания бывшего морского министра. СПб. 1993.
- Данилов Н.А. Смешанная операция в Рижском заливе в июле-августе 1916 г. Л. 1927
- Денисевич Н.Ю. Сухопутная и противовоздушная оборона островов Моонзунда в войну 1914—1917 гг. Л. 1941
- Денисов А.П. Перечнев Ю.Г.
- Русская береговая артиллерия. М.1956
- Дудоров Б.П. Адмирал Непенин. СПб. 1993
- Дукельский А.Г. Исторический очерк развития проектирования и изготовления башенных установок в России 1886—1917. М. 1931
- Егорьев В.Е. Балтийское море. Военно-экономический обзор. М. 1927
- Жерве Б.Б. Значение морской силы для государства. Л. 1925
- Зайончковский А.М. Подготовка России к мировой войне. М. 1936
- Историческая справка о боевых действиях в шхерных районах Балтийского театра. Л. 1940
- Кашин А. Остров Эзель и аренсбургские морские купанья. СПб. 1858
- Кладо Н.Л. О приморских крепостях с точки зрения флота. Кронштадт. 1910
- Козловский Д.Е. Вооружение приморских крепостей. СПб. 1911
- Косинский А.М. Моонзундская операция Балтийского флота. Л. 1928
- Лоция русского берега Балтийского моря СПб. 1905
- Морской сборник 1912—1929 гг.
- Новиков Морские укрепления Ревельского порта за первые 100 лет его существования 1720—1820гг.
- Петров М.С. Подготовка России к первой мировой войне на море. М. —Л. 1926
- Ролльман Г.. Война на Балтийском море. т.1. Л.1937
- Сборник военно-морской комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914—1918гг. на море № 1,2 1920—1922
- Свечников М.С. Революция и гражданская война в Финляндии 1917—1918 гг. М.—Л. 1923
- Северо-Западное побережье Финского залива. Л. — М. 1939 Справочные материалы
- Смирнов М., Черкасский М. Военно-морское статистическое описание Балтийских островов. П. 1916
- Технические условия изготовления, испытания и приема крепостных 12-дм башенных установок П. 1914
- Флот в первой мировой войне — т.1 под ред. Н.Б.Павловича М. 1964
- Фон Чишвиц. Захват Балтийских островов в 1917г. Л.1935
- Яковлев В.В. Приморские крепости. Л. 1926
- В книге использованы фотоматериалы из фондов РГА ВМФ (Российского Государственного архива Военно-Морского флота), ЦВММ (Центрального Военно-Морского музея) и музея ЛМЗ (Ленинградского Металлического завода).

Приложение 1

**Ведомость артиллерийского вооружения
Ревель-Поркалаудской позиции**

Калибр	14"	12"	11"(2)	6"	120	3"	Пулемет	Ракетные станки
Батарея								
<i>п-ов Суроп</i>								
№1	4	-	-	-	-	-	-	-
№2	-	-	-	6	-	-	-	-
№3	-	-	-	-	4	-	-	-
Для отражения десанта	-	-	-	-	-	16	32	18
<i>м.Какомьяги</i>								
№4	-	-	-	4	-	-	-	-
Для отражения десанта	-	-	-	-	-	-	4	-
<i>о.Нарген</i>								
№5	-	-	-	4	-	-	-	-
№6	-	-	-	4	-	-	-	-
№7	-	-	-	4	-	-	-	-
№8	-	4	-	-	-	-	-	-
№9	-	-	8	-	-	-	-	-
№10	6	-	-	-	-	-	-	-
№11	-	-	-	4	-	-	-	-
№12	-	-	-	-	4	-	-	-
Для отражения десанта	-	-	-	-	-	20	20	12
<i>о.Вулф</i>								
№13	-	-	-	6	-	-	-	-
№14	-	4	-	-	-	-	-	-
Для отражения десанта	-	-	-	-	-	6	8	6
<i>П-ов Вимс</i>								
№15	-	-	-	-	4	-	-	-
№16	-	-	-	4	-	-	-	-
№17	-	-	8	-	-	-	-	-
№18	-	-	-	4	-	-	-	-
Для отражения десанта	-	-	-	-	-	12	24	12
<i>о.Макилото</i>								
№19	4	-	-	-	-	-	-	-
№20	2	-	-	-	-	-	-	-
№21	-	-	4	-	-	-	-	-
№22	-	-	2	-	-	-	-	-
Для отражения десанта	-	-	-	-	-	12	12	12
Всего	16	8	16	46	12	66	100	60

Приложение 2

**Батареи крепости Императора Петра Великого (приморский фронт)
по состоянию на 1 октября 1914 года**

№ Ба- та- реи	Место расположения	Дата введения в строй	Количество орудий - калибр/длина ствола	Углы обстрела (град.)	Даль- ность (кб)
3	п-ов Суроп	01.09.1914	IV-75/50	290-0-70	37
4	м.Какомьяги	02.08.1914	IV-120/50	285-0-65	58
5	о.Нарген	16.07.1914	IV-152/45	180-255	62
6	о.Нарген	12.09.1914	V-203/45	180-320	70
9	о.Нарген	16.07.1914	IV-203/45	290-0-70	70
11	о.Нарген	31.07.1914	IV-120/50	340-0-100	58
13	п-ов Вимс	27.07.1914	IV-120/50	255-330	58
14	о.Вульф	05.08.1914	IV-75/50	190-340	37
20	о.Макилото	20.08.1914	IV-203/45	172-312	70
24	о.Лонгерн	16.07.1914	IV-152/45	64-180-240	62
25	о.Хестэ-Бюссэ	16.07.1914	IV-152/45	90-180-330	62
26	о.Милли-Ландет	16.07.1914	IV-152/45	87-180-272	62
30	о.Вормс	10.09.1914	IV-152/45	260-0-30	62
31	о.Вормс	20.08.1914	IV-75/50	220-320	37
32	о.Шильдау	20.08.1914	IV-75/50	140-250	37
33	п-ов Вердер	10.09.1914	IV-152/45	140-270	62

Приложение 3

**Батареи крепости Императора Петра Великого (приморский фронт)
по состоянию на 1 ноября 1915 года**

№ Ба- та- реи	Место расположения	Дата введения в строй	Количество орудий - калибр/длина ствола	Углы обстрела (град)	Даль- ность стрель- бы (кб)
2	п-ов Суроп	19.05.1915	IV-234/50	220-360	98
4	м.Какомяги	02.08.1914	IV-120/50	285-0-65	58
5	о.Нарген	16.07.1914	IV-152/45	180-255	62
7	о.Нарген	18.07.1915	IV-234/50	208-345	98
9	о.Нарген	16.07.1914	IV-203/45	290-0-70	70
11	о.Нарген	31.07.1914	IV-120/50	340-0-100	58
12а	о.Карлос	...07.1915	IV-75/50А	круговой	-
13	п-ов Вимс	27.07.1914	IV-120/50	255-330	58
14	о.Вулф	05.08.1914	IV-75/50	190-340	37
20	о.Макилото	20.08.1914	IV-203/45	172-312	70
25	о.Хестэ-Бюссэ	16.07.1914	IV-152/45	90-180-330	62
27	о.Руссарэ	06.08.1915	IV-75/50 II-75/50	20-160 135-320	37 37
28	о.Руссарэ	06.08.1915	VI-234/50	круговой	98
30	о.Ворма	10.09.1914	IV-152/45	260-0-30	62
32	о.Моон	25.07.1915	IV-152/45	90-180-230	72
33	п-ов Вердер	10.09.1914	IV-152/45	140-270	62
35	о.Даго	01.08.1915	IV-75/50	140-280	37
36	о.Моон	13.09.1915	V-254/45	90-180-230	90
59	о.Эрэ	...10.1915	IV-120/45	200-340	50
62	о.Утэ	...05.1915	IV-152/45	140-280	62
64	о.Утэ	...04.1915	IV-75/50	120-260	37
67	о.Скаттауд	...09.1915	IV-152/45	283-0-65	62

Приложение 4

**Батареи крепости Императора Петра Великого (приморский фронт)
по состоянию на 1 октября 1916 года**

№ Ба- та- реи	Место расположения	Дата введения в строй	Количество орудий - калибр/длина ствола	Углы обстрела (град)	Даль- ность стрель- бы (кб)
2	п-ов Суруп	19.05.1915	IV-234/50	220-360	98
4	м.Какомяги	02.08.1914	IV-120/50	285-0-65	58
4а	м.Какомяги	22.01.1916	III-75/50А	круговой	-
5	о.Нарген	16.07.1914	IV-152/45	180-255	62
5а	о.Нарген	...04.1916	III-75/50А	круговой	-
7	о.Нарген	18.07.1915	IV-234/50	208-345	98
9	о.Нарген	21.09.1916	IV-203/50Б	225-90	113
10	о.Нарген	21.09.1916	IV-305/52Б	225-5	147
11	о.Нарген	31.07.1914	IV-120/50	340-0-100	58
12а	о.Карлос	...08.1915	IV-57А	круговой	-
13	п-ов Вимс	27.07.1914	IV-120/50	255-330	58
13а	п-ов Вимс	...08.1916	III-75/50А	круговой	-
20	о.Макилото	20.08.1914	III-203/45	172-312	70
25	о.Хестэ-Бюссэ	16.07.1914	IV-152/45	90-180-330	62
27	о.Руссарэ	06.08.1915	IV-75/50 II-75/50	20-160 135-320	37 37
28	о.Руссарэ	06.08.1915	VI-234/50	круговой	-
30	о.Вормс	10.09.1914	IV-152/45	260-0-30	62
31а	Рогокюль	20.11.1915	II-75/50А	круговой	32
32	о.Моон	25.07.1915	IV-152/45	90-180-230	72
32а	о.Моон	...09.1916	II-75/50А	круговой	-
33	п-ов Вердер	10.09.1914	IV-152/45	140-270	62
33а	п-ов Вердер	...05.1916	III-75/50А	круговой	34
34	о.Даго	12.03.1916	IV-120/50	155-295	83
36	о.Моон	13.09.1915	V-254/45	90-180-230	90
37	о.Даго	...03.1916	IV-152/50	200-340	85
38	о.Даго	25.06.1916	IV-152/50	286-0-66	85
40	о.Эзель	22.06.1916	IV-120/50	180-320	72
59	о.Эрэ	...10.1915	IV-120/45	200-340	50
60	о.Эрэ	...1916	IV-305/52	110-250	140
61	о.Эрэ	...12.1915	IV-152/45	135-275	77
62	о.Утэ	...05.1915	IV-152/45	140-280	77
63	о.Утэ	...12.1915	IV-152/45	120-260	91
64а	о.Утэ	...08.1916	II-75/50А	круговой	-
64	о.Утэ	...08.1916	III-152 гаубицы	-----	6,5
65	о.Лемланд	...04.1916	IV-120/50	210-350	72
66	о.Стура-Клуббен	...04.1916	IV-152/50	149-289	85
67	о.Скаттауд	...09.1915	IV-152/45	283-63	62
68	о.Скаттауд	...04.1915	IV-120/40	228-0-8	45
69	о.Хамнэ	...07.1916	II-120/40	240-0-20	45
70	о.Карсэ	...05.1916	II-120/40	20-180-340	45
71	о.Оланд	...05.1916	III-152/45	153-273	62
72	о.Оланд	...05.1916	III-152/45	190-310	62
73	о.Оланд	...05.1916	III-152/45	210-330	62
74	о.Оланд	...05.1916	III-152/45	250-0-10	62

Приложение 5

**Батареи крепости Императора Петра Великого (приморский фронт)
по состоянию на 1 сентября 1917 года**

№ Ба- та- реи	Место расположения	Дата введения в строй	Количество орудий - калибр/длина ствола	Углы обстрела (град)	Даль- ность стрель- бы (кб)
1	Балтийский порт	...04.1917	III-120/45	255-0-25	55
2	п-ов Суруп	19.05.1915	IV-234/50	220-360	98
2а	п-ов Суруп	...05.1917	III-57А	круговой	3
3	о.Малый Рогэ	...04.1917	III-120/50	245-0-45	58
4	м.Какомяги	02.08.1914	III-120/50	285-0-65	58
4а	м.Какомяги	22.01.1916	III-75/50А	круговой	-
5	о.Нарген	16.07.1914	IV-152/45	180-255	62
5а	о.Нарген	...04.1916	III-75/50А	круговой	-
7	о.Нарген	18.08.1915	IV-234/50	205-345	98
9	о.Нарген	21.09.1916	IV-203/50Б	225-90	113
9а	о.Нарген	...04.1917	IV-57А	круговой	-
10	о.Нарген	21.09.1916	IV-305/52Б	225-5	147
11	о.Нарген	31.07.1914	III-120/50	340-0-100	58
12а	о.Карлос	...08.1915	IV-57А	круговой	-
13	п-ов Вимс	27.07.1914	III-120/50	255-330	58
13а	п-ов Вимс	...08.1916	III-75/50А	круговой	-
15	о.Вулф	10.07.1917	II-305/52В	круговой	147
20	о.Макилото	...05.1917	IV-203/50Б	40-350	113
20а	о.Макилото	13.05.1917	III-57А	круговой	-
25	о.Хестэ-Бюссэ	16.07.1914	IV-152/45	90-180-330	62
27	о.Руссарэ	06.08.1915	IV-75/50 II-75/50	20-160 135-320	37 37
28	о.Руссарэ	06.08.1915	VI-234/50	круговой	98
30	о.Вормс	10.09.1914	IV-152/45	260-0-30	77
31а	Рогокюль	20.11.1915	II-75/50А	круговой	-
32	о.Моон	25.07.1915	IV-152/45	90-180-220	72
32а	о.Моон	...09.1916	II-75/50А	круговой	-
33	п-ов Вердер	10.09.1914	IV-152/45	140-270	62
33а	п-ов Вердер	...05.1916	III-75/50А	круговой	-
34	о.Даго	12.03.1916	IV-120/50	155-295	83
36	о.Моон	25.07.1915	V-254/45	90-180-230	90
37	о.Даго	...03.1916	IV-152/50	200-340	85
38	о.Даго	25.06.1916	IV-152/50	286-0-66	85
39	о.Даго	03.06.1917	IV-305/52	274-0-54	140
39а	о.Даго	03.06.1917	IV-75/50А	круговой	40
40	о.Эзель	22.06.1916	IV-120/50	180-320	72
40а	о.Эзель	...03.1917	III-75/50А	круговой	-
41	о.Эзель	...03.1917	IV-130/55	50-210	93
42	о.Эзель	...03.1917	III-75/50А	круговой	-
43	о.Эзель	24.04.1917	IV-305/52	110-270	152
44	о.Эзель	...03.1917	III-75/50А	круговой	-
45	о.Эзель	...04.1917	IV-152/45	255-0-35	77
46	о.Эзель	...04.1917	II-152/45	258-0-38	77
48	Аренсбург	...03.1917	III-75/50А	круговой	-
59	о.Эрэ	...10.1915	III-120/45	20-340	50

Продолжение приложения 5

№ Ба-та-реи	Место расположения	Дата введения в строй	Количество орудий - калибр/длина ствола	Углы обстрела (град)	Дальность стрельбы (кб)
60	о.Эрэ	...1916	IV-305/52	110-250	140
61	о.Эрэ	...12.1915	IV-152/45	135-275	77
62	о.Утэ	...05.1915	IV-152/45	140-280	77
63	о.Утэ	...12.1915	IV-152/45	120-260	91
64	о.Утэ	...08.1916	II-75/50A	круговой	-
64a	о.Утэ	...08.1916	III-152 гаубицы	-----	6,5
65	о.Лемланд	...04.1916	IV-120/50	210-350	72
66	о.Стура-Клуббен	...04.1916	IV-152/50	149-289	85
67	о.Скаттауд	...09.1915	IV-152/45	283-63	62
68	о.Скаттауд	...04.1915	IV-120/40	228-0-8	45
69	о.Хамнэ	...07.1916	II-120/40	240-0-20	45
70	о.Корсэ	...05.1916	II-120/40	20-180-340	45
71	о.Оланд	...05.1916	III-152/45	153-273	62
72	о.Оланд	...05.1916	III-152/45	190-310	62
73	о.Оланд	...05.1916	III-152/45	210-330	62
74	о.Оланд	...05.1916	III-152/45	250-0-10	62

Приложение 6

1. Суда приморского фронта крепости Императора Петра Великого.

Пароходы: "Трувор", "Колывань", "Грузовой", "Бурлак", "Кабельный", "Приемыш", "Добрыня",
"Матрос", "Солдат", "Крепыш", "Комендор", "Гальванер", "Шхерный", "Владимир",
"Рейн", "Нормань", "Москито", "Мейбат", "Лембит", "Линель", "Кодума".

Баржи: "Паргас", "Онни".

2. Охрана водного района крепости Императора Петра Великого.

Посыльные суда: "Абрек", "Кондор", "Озилия", "Баржа Р.С.О.№1".

Портовые суда: "Виндава", "Молодец", "Могучий", "Ловиза", "Котка", "Алиса", "Идумея", "Лоц-Командир Юргенсон", "Иван Воложбенский", "Цецилия", "Геркулес №2".

Плавучие маяки: "Ревельштейнский", "Либавский", "Кальбоденгрундский"

Ледоколы: "Ермак", "Царь Михаил Федорович", "Город Ревель", "Геркулес №1".

Брандвахта "Преграда".

3. Отряд судов Або-Оландской шхерной позиции.

VII дивизион эскадренных миноносцев: "Выносливый", "Внимательный", "Инженер-механик Дмитриев", "Инженер-механик Зверев", "Бдительный", "Внушительный", "Бурный", "Боевой".

Канонерские лодки: "Храбрый", "Грозящий", "Хивинец", "Бобр", "Гиляк".

Заградитель "Ильмень".

Вспомогательные суда при отряде.

Посыльные суда: "Роксана", "Ствол", "Дуло", "№128", "№129".

Приложение 7

**Сведения о боевом составе и квартирное расписание частей войск,
подчиненных командующему флотом Балтийского моря.**

К 1 июля 1916 г.

Морская крепость императора Петра Великого.

а) Приморский фронт.

Управление Приморского фронта, хозяйственные и санитарные части	
Приморского фронта, артиллерийский склад, канцелярия, нестроевая рота и артиллерийская мастерская артиллерийского склада Приморского фронта . . .	г.Ревель.
Управление, 1-я, 2-я, 3-я и 4-я роты	
и учебная команда 1-го отдельного батальона	о.Нарген.
Управление 2-го отдельного батальона	г.Гапсаль.
1-я рота 2-го отдельного батальона	о.Вормс.
2-я, 3-я и 4-я роты 2 отдельного батальона	о.Даго.
Управление, 1-я, 2-я 3-я и 4-я роты и катера № 3 и "Рассыльный"	г.Ревель и район морской
3-го отдельного батальона	крепости.
Управление и 1-я рота 4-го отдельного батальона	г.Ревель.
4-я рота 4-го отдельного батальона	о.Макилото.
Управление, 1-я и 2-я роты 5-го отдельного батальона	о.Руссаре.
Управление, 1-я и 3-я роты 6-го отдельного батальона	о.Моон.
2-я рота 6-го отдельного батальона	полуостр. Вердер.

б) Артиллерия сухопутного фронта.

Управление начальника артиллерии, управление командира крепостной артилл. бригады и команда писарей	г.Ревель.
Управление артиллер. склада, команды: писарей, нестроевая, мастеровых и лабораторная, лазарет, два гаража, электротехническая рота, три артиллерийских мастерских и ветеринарный лазарет артиллерийского склада	г.Ревель.
Управление полевой артилл. бригады и команда писарей и управления бригады.	г.Ревель.
1-я, 2-я и 3-я батареи полевой бригады	Район морск. крепости.
4-я и 5-я батареи полевой бригады.	о.Оланд.
6-я батарея полевой бригады	Балтийский порт.
1-й парк полевой бригады	Район морск. крепости.

1-й полк артиллерии.

Штаб полка, команды: писарей и хлебопеков, гараж и конный двор полка, полковая гауптвахта, 1-я, 2-я, 4-я, 5-я, 6-я и 8-я роты полка и 1-я, 2-я, 3-я и 4-я роты Брест-Литовской крепостной артиллерии	г.Ревель и район морской крепости.
--	------------------------------------

2-й полк артиллерии.

Штаб полка, команды: писарей, музыкантская и шоферов, конный двор и приемный покой полка, 1-я, 2-я, 3-я, 4-я, 5-я, 6-я и 7-я роты полка и 5-я 6-я, 7-я и 8-я роты 2-го батальона Осовецкой крепостной артиллерии.	г.Ревель и район морской крепости.
8-я рота 2-го полка артиллерии сухопутного фронта	Моонзундская позиция.

3-й полк артиллерии.

Штаб полка, 1-я, 2-я, 3-я, 5-я, 6-я, 7-я и 8-я роты полка, околосок, приемный покой полка.	Район морской крепости.
9-я, 10-я, 11-я и 12-я роты 3-го батальона запасного артиллерийского полка и 2-я рота Карской крепостной артиллерии	Район морской крепости.
4-я рота 3-го полка артиллерии сухопутного фронта	Командировка на Северный фронт.

в) Инженерные войска морской крепости.

Инженерное управление и склад инженерного имущества.

1-я крепостная саперная рота.

Штаб роты, мастерские и помещения для хозяйственных надобностей, лазарет, конюшня, помещения офицеров и молодых солдат, 1-й, 2-й, 3-й и 4-й взводы.	Район морской крепости.
---	-------------------------

Крепостная воздухоплавательная рота.

Три наблюдательные станции, 1-й, 2-й, 3-й и 4-й взводы, обозная команда и сарай, склад хирургических материалов и газодобывательн. завод.	Район морской крепости.
Штаб, команда нижних чинов, склад и гаражи крепостного авиационного отряда.	Район морск. крепости.
Крепостные автомобильная и железнодорожные роты.	Район морск. крепости.
Штаб, казармы и конюшни крепостной телеграфной роты.	Район морск. крепости.
Штаб, нестроевая команда, околодок, 1-й, 2-й, 3-й и 4-й рабочие взводы	Гор. Або и район
Ковенской крепостной военно-телеграфной роты	Або-Оландской позиции.

г) 107-я пехотная дивизия.

Управление и штаб дивизии, управление дивизионного интенданта, команды: автомобилистов, мотоциклистов, обоза, конвоя и связи, 1-й, 2-й, 4-й и 5-й взводы дивизионного обоза, дезинфекц. отряд, перевязочный отряд и рота носильщиков.	Район морск. крепости.
---	------------------------

427-й пехотный Пудожский полк.

Штаб полка, команды: пулеметная, учебная, связи, конных разведчиков и нестроевая, две хлебопекарни, 1-я и 12-я роты полка, околодок полка и прикомандированный к полку от 107-й пехотной дивизии дивизионный обоз .	Район морск. крепости.
---	------------------------

428-й пехотный Лодейнопольский полк.

Штаб полка, команды: нестроевая, пулеметная, связи, 1-я и 12-я роты полка.	Район морск. крепости.
--	------------------------

Ревельский пограничный конный дивизион.

Штаб, 1-я, 4-я сотни и пулеметная команда дивизиона.	Район морск. креп. и побережья.
--	---------------------------------

Моонзундская позиция.

Штаб Моонзундской позиции.	Остров Эзель.
------------------------------------	---------------

а) Отдельная морская бригада.

Штаб бригады, штаб, обоз, команды: службы связи, хозяйственная, подрывная и пулеметная, 1-я и 8-я роты 1-го морского полка	Остров Эзель.
Штаб, лазарет, команды: пулеметная, подрывная, связи, конно-разведочная, нестроевая, 1-я и 8-я роты 2-го морского полка	Остров Эзель.
Штаб, команды: пулеметная, подрывная, связи и конно-разведочная, 1-я, 8-я роты и ротные околодки 3-го морского полка	Остров Эзель.
3-я конно-пулеметная батарея	Остров Даго.
Штаб, 1-я и 8-я роты 4-го морского полка.	Остров Даго.
1-я, 2-я и 4-я пулеметные ездящие батареи артиллерии сухопутного фронта морской крепости Императора Петра Великого	Остров Эзель.

б) Артиллерия.

1-я позиционная батарея, 1-я батарея отд. морского артиллер. дивизиона, 2-я легкая батарея отд. морск. артиллер. дивизиона, 3-я батарея отд. морск. артилл. дивизиона, 1-й и 2-й тяжелые дивизионы артиллерии сухопутного фронта, легкая 10 см. батарея сводной роты 3-го полка артиллерии сухопутного фронта морской крепости Императора Петра Великого и 75 мм. батарея.	Остров Эзель.
--	---------------

в) Аренбургский пограничный конный дивизион.

Штаб дивизиона.	Гор. Аренбург.
1-я сотня со штабом.	Остров Даго.
2-я, 3-я и 4-я сотни со штабами и пулеметная команда дивизиона	Остров Эзель.

г) 107-я пехотная дивизия.

Дивизионный лазарет.	Остров Эзель.
------------------------------	---------------

425-й пех. Каргопольский полк.

Штаб и команды полка: пулеметная и связи, 1-й, 2-й и 3-й батальоны и нестроевая команда.	Остров Эзель.
--	---------------

426-й пех. Повенецкий полк.

Штаб, полковой лазарет, хлебопекарня и команды: пулеметная, нестроевая, связи, полицейская и музыкантская, 1-й, 2-й и 3-й батальоны.	Остров Эзель.
--	---------------

Або-Оландская шхерная позиция.

Штаб начальника Або-Оландской шхерной позиции.	Гор. Або.
Артиллерия приморского фронта позиции (6 рот и склад).	На островах позиции.
Абоский флотский полуэкипаж.	Гор. Або.
Стрелковый полк офицерской стрелковой школы.	Остров Оланд
Оландский морской батальон	Остров Оланд
4-я и 5-я батареи полевой бригады артиллерии сухопутного фронта морской крепости Императора Петра Великого.	Остров Оланд
Оландская автомобильная команда.	Остров Оланд
Команды Свеаборгской крепостной саперной роты и Свеаборгского креп. минного батальона.	Остров Оланд.
Жандармская команда позиции.	Район Або-Оландской позиции.
Ковенская крепостная телеграфная рота.	Гор. Або.

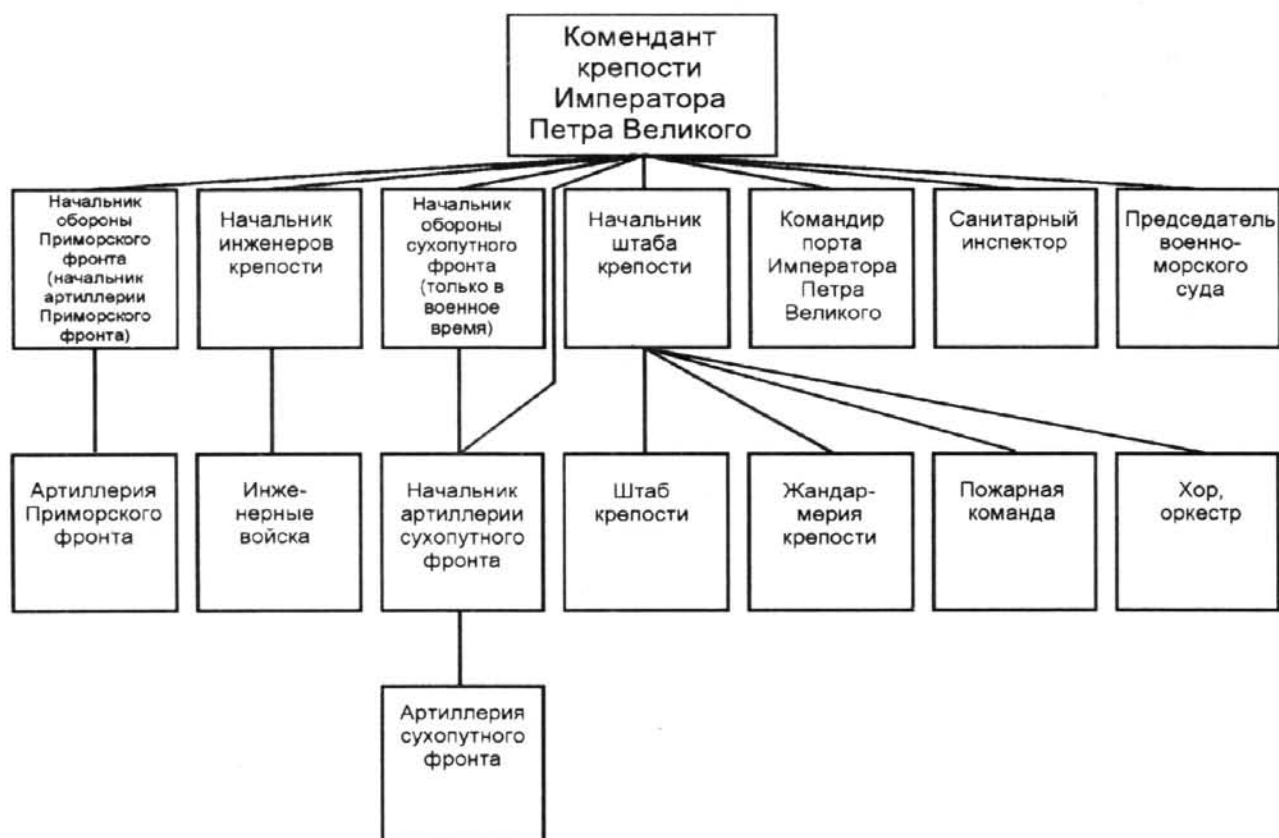

Схема управления морской крепости Императора Петра Великого

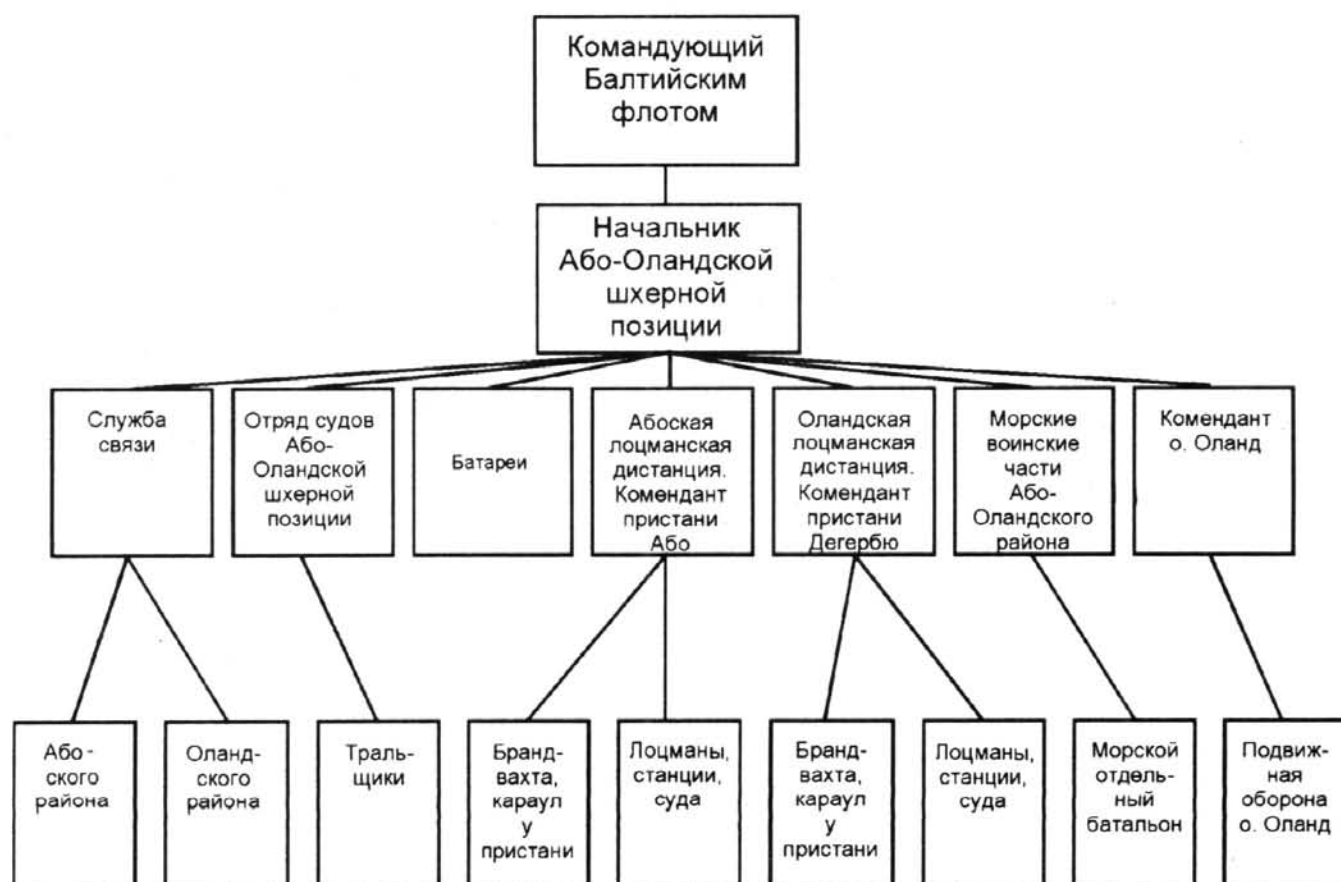

Схема управления Або-Оландской шхерной позиции

Содержание

Балтийские крепости перед русско-японской войной	3
От Либавы к Ревелю	7
Центральная и флангово-шхерная позиции	12
Артиллерия крепости	17
Або-Оландская шхерная позиция	26
Моонзундская позиция	31
Дальнейшее развитие центральной позиции	37
Передовая и тыловая позиции	42
Сухопутный фронт	44
Операция "Альбион"	48
Конец крепости Императора Петра Великого	58
Литература	68
Приложения	69

Корректор	Н.П. Постникова
Графика	М.А. Богданов
Компьютерная верстка	Л.А. Ломанова И.Б. Пелепишко
Обложка:	1-я стр. рисунок К.П. Губера и К.В. Овчинникова. 2-я стр. Император Петр Великий. 3-я стр. Бригада линейных кораблей Балтийского флота в походе.

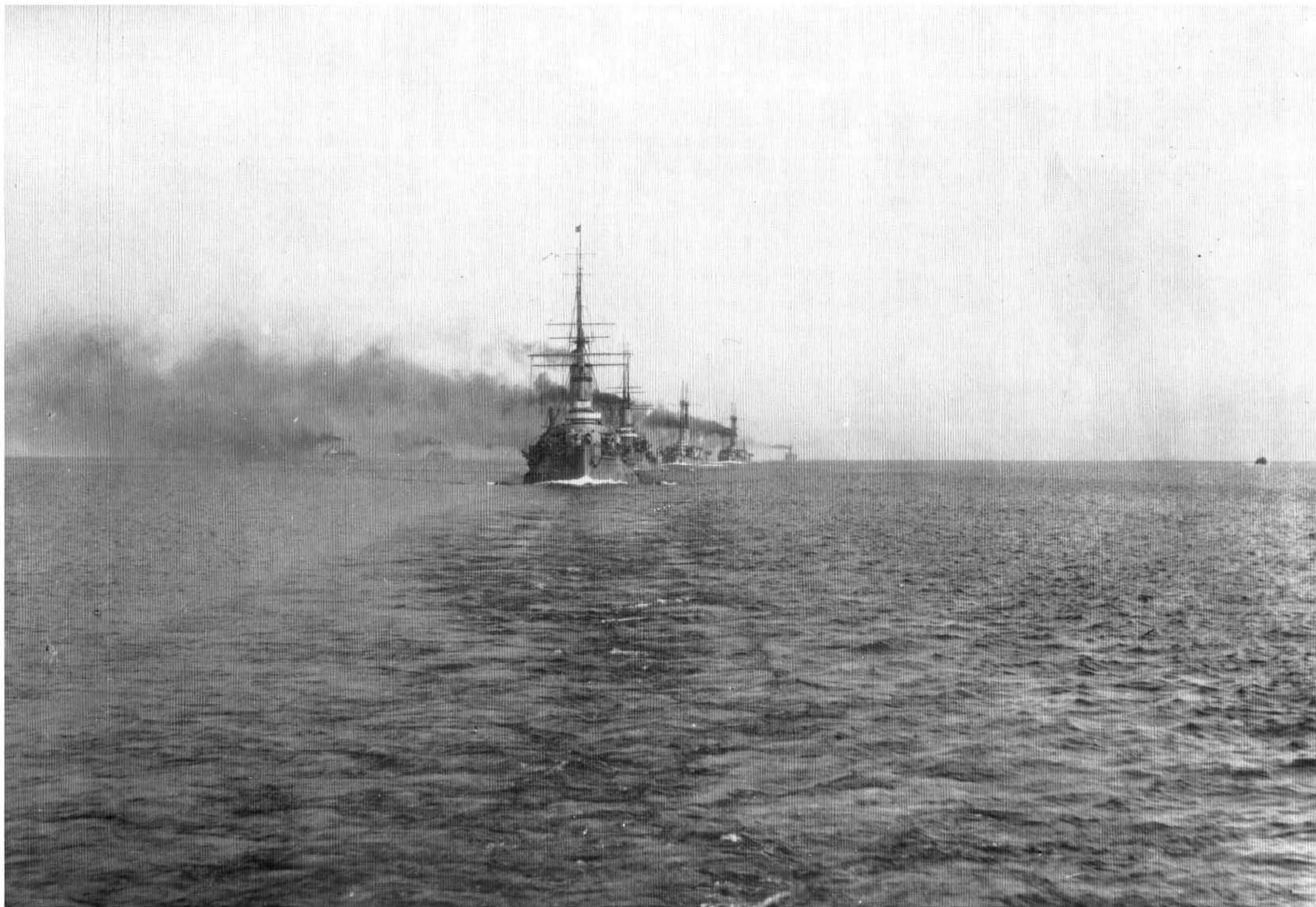
© Л.И. Амирханов
ISBN 5-86467-020-0

Подписано к печати 12.09.95. Формат 60×90¹/8.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Печ. л. 12.
Тираж 2000 экз. Зак. 103.

ЛР № 062315 от 01.03.93 г.

Издательство «Иванов и Лещинский».
197061, С.-Петербург, Каменноостровский пр., 26/28.

АО «Санкт-Петербургская типография № 6».
193144, Санкт-Петербург, ул. Моисеенко, д. 10.

Маленький скалистый остров Утэ. На востоке — устье Финского залива, на севере — Або-Оландские шхеры. С острова хорошо просматриваются фарватеры, ведущие в Ботнический залив и финский порт Або. Немало боевых кораблей прошло здесь в разные годы. Трудным было плавание в этих местах, но владевший Або-Оландскими шхерами владел и Ботническим и Финским заливами.

В Первую Мировую войну русские эсминцы несли здесь боевую службу. И помогали им в этом посты Службы связи Балтийского моря и береговые батареи морской крепости Императора Петра Великого.

